

Открытие невидимого мира Сатаны

Джордж Синклер

Satan's Invisible World

by
George Sinclair

The cover image was created by the transcriber and
is placed in the public domain.

The Project Gutenberg eBook of Satan's Invisible World Discovered.

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинстве других частей света без каких-либо затрат и почти без ограничений. Вы можете копировать ее, дарить или использовать повторно на условиях лицензии Проекта Гутенберга, прилагаемой к этой электронной книге, или в режиме онлайн по адресу www.gutenberg.org. Если вы находитесь не в Соединенных Штатах, то перед использованием этой электронной книги вам придется ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь.

Название: Satan's Invisible World Discovered

или избранный сборник современных сведений, неопровержимо доказывающих атеистам нынешнего века, что существуют дьяволы, духи, ведьмы и явления, на основании подлинных записей и свидетельств очевидцев, обладающих несомненной достоверностью. К ней добавлена чудесная история майора Вейра и его сестры, ведьм из Баргаррана, Питтенвима, Колдера и т. д.

Автор: Джордж Синклер

Дата выхода: 16 февраля 2023 [eBook #70055]

Язык: Английский

Оригинальное издание: GB:

Credits: Бобу Тейлору, Сьюзен Скиллер и команде онлайн-распределенной корректуры на сайте <https://www.pgdp.net> (Этот файл был создан на основе изображений, щедро предоставленных The Internet Archive)

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА GUTENBERG EBOOK SATAN'S INVISIBLE WORLD DISCOVERED ***

НЕВИДИМЫЙ МИР САТАНЫ.

Невидимый мир *Сатаны* раскрыт;

OR A CHOICE

Коллекция современных фактов, убедительно доказывающих, вопреки атеистам нынешнего времени, что существуют дьяволы, духи, ведьмы, и призраки, *на основании подлинных записей и свидетельств очевидцев, обладающих несомненной достоверностью.*

К этому добавляется,

THAT MARVELLOUS HISTORY OF MAJOR WEIR AND HIS SISTER, THE WITCHES OF BARGARRAN,
PITTENWEEM, CALDER, &c.

Автор: мистер Джордж Синклэйр,

Позднее профессор философии в колледже Глазго.

ЛОНДОН:

PRINTED FOR THE BOOKSELLERS.

1814.

Джеймс Кларк, печатник.

СОДЕРЖАНИЕ.

<i>Relation</i>	<i>Страница</i>
1. О бедах сэра Джорджа Максвелла	1
2. О чудесном открытии убийства, совершенного призраком	13
3. Колдовство Агнес Симпсон	15
4. Прокламация над рыночным крестом Эдинбурга	19
5. Чудесное исцеление голландской женщины	20
6. Странные проделки дьявола в Вудстоке	22
7. Явление королю Якову IV и его придворным	27
8. Майор возвращается после смерти	28
9. Примечательная история обнаружения колдовства в Лодере	31
10. Правдивое повествование о барабанщике из Тедворта	38
11. Удивительная история о дьяволе из Гленлуса	51
12. Колдовство старой матери Джексон	65

13. Король Дафф, 78 король Шотландии, заколдованный	68
14. Явление Эдуарда Эйвона своему зятю	70
15. О Бесси Грэхем	74
16. Явление сэра Джорджа Вильерса	82
17. Хатараик, старый колдун	83
18. Явление призрака миссис Бреттон	87
19. Слуга возвращается в свою лавку после смерти	89
20. Замечательная история некоего Роберта Черчмена,	91
21. Трогательная Изабель Хериот	97
22. О маге в Антверпене	104
23. О докторе богословия, восставшем из корыта,	105
24. О некоторых пьяницах, уничтоженных дьяволом	106
25. О Вильяме Бартоне, колдуне	107
26. Чудесное происшествие, случившееся в Лионе, Франция	110
27. Чудесная проделка, разыгранная дьяволом в Хамелене	111
28. Странное колдовство, обнаруженное в Монре, в Швеции	112
29. Явление, увиденное в Гладсмуире и т. д.	124
30. О некоем Сполдинге в Далкейте	126
31. О дьяволе из Маскона во Франции	128
32. О Маргарет Уилсон	133
33. Сведения о Джанет Дуглас	135
34. О Хелен Эллиот, сожженной в Кулроссе	137
35. Молитвы и чары, используемые в Горных горах	141
36. Лиззи Муиди в Хаддингтоне	145
37. О майоре Вейре и его сестре	146
38. Явление, увиденное в жилом доме, в Мэри Кингс Клоуз	158
39. Явление умершей жены своему мужу	164
40. О некоторых ведьмах в графстве Ренфру	168
41. О ведьмах из Питтенвима	170
42. О заколдовывании ребенка в Ирландии	172
43. О ведьме из Колдера	173

САТАНА

Невидимый мир обнаружен.

Реляция 1. О неприятностях, которые сэр Джордж Максвелл из Поллока встретил от дьявола и его прихлебателей.

Сэр,

Поллок, 24 июня 1684 года.

Я посылаю вам подлинный рассказ, который мой отец заставил меня написать из его собственных уст и который является самым достоверным из всех, что я могу дать, как о его собственной беде, так и о том, что касается Джанет Дуглас, первооткрывательницы этих картин. Во время ее пребывания в семье произошли некоторые менее существенные обстоятельства, благодаря которым стало ясно, что она знает, что делается в отдаленных местах, и понимает языки. Например, когда читалась глава из греческого Нового Завета, она знаками давала нам понять, каковы были ее цели (ибо в то время она была немой, правда или подделка, трудно определить), и точно давала отчет себе, что мы делали на расстоянии двух миль от места, где она находилась, без всяких сведений, которые я ей давал. Остаюсь ваш нежный друг Джон Максвелл.

14 октября 1676 года мой отец был поражен в Глазго, ночью, горячим и огненным приступом; вернувшись домой на следующий день, он был прикован к постели. Лекарь, опасаясь плеврита и лихорадки, вскрыл вену, и после применения лекарств огненный жар спал; он оставался в течение семи недель под сильной болью, главным образом в правом боку, хотя и не был прикован к постели. В Поллок-таун приехала молодая немая девушка, но откуда - неизвестно, которая оставалась там уже четыре недели, но редко посещала дом сэра Джорджа Максвелла, пока, наконец, не стала больше общаться с двумя его дочерьми. И, заметив, что сэр Джордж болен и слаб телом, она сообщила им, что есть женщина, чей сын разбил его фруктовый сад, и та уколола его в бока.

И, увидев однажды эту женщину в зале Поллока среди множества других людей, она уверила его дочь, что это та самая женщина; а на следующий день она сказала джентльмену, что эта женщина (ее звали Джанет Мати, реликвия Джона Стюарта, подмастерья на мельнице Шоу) сделала восковую картину с булавами в боку, которую можно найти в ее доме, в отверстии за камином, и предложила принести ее им, если с ней будут люди, чтобы защитить ее от насилия. Поначалу они почти не понимали ее, пока она не пошла в один из шкафов госпожи и, принеся оттуда немного пчелиного воска, не растопила его перед огнем, показывая размеры и количество картины. Хозяйка не обратила внимания на эти сведения, так как считала их баснословными; однако двое слуг, Лоуренс Поллок и Эндрю Мартин, зная, как сильно девушка любит своего хозяина, и понимая, что его жизнь в опасности, если картина не будет найдена, решили во что бы то ни стало проверить, правдивы или ложны эти сведения; И потому, отправившись вместе с ней в дом упомянутой Джанет Мати, один из них расположился по одну сторону огня, а другой - по другую, а тем временем девочка, быстро пройдя мимо Лоуренса Поллока, просунула руку в отверстие за огнем, а затем сунула Эндрю Мартину под плащ восковое чучело, в котором было два штыря, по одному в каждой стороне, но тот, что в правой стороне, был настолько длинным, что пронзал другую сторону; а в левой - не такой длинный и не так глубоко вбитый. Эту картину привезли в Поллок, сын сэра Джорджа, не предупредив отца, задержал Джанет Мати, получив на следующий день

распоряжение лорда Росса о доставке ее в тюрьму. Она, будучи допрошена по поводу картины, после нескольких ухищрений заявила, что это дело рук "немой девочки".

Ее также спросили, не давали ли сэр Джордж или его леди в свое время повода для этой злобы? Но было хорошо известно, что они были с ней обходительны и, по ее жалобам, упрекали некоторых за распространение дурных слухов о ее имени, как недостаточно обоснованных для осуждения. Только 14 октября, как было указано выше, перед тем как сэр Джордж отправился в Глазго, он призвал к себе слугу в Поллок-тауне, который разбил его фруктовый сад во время прошлого урожая, и тот признался в этом, и что Хью Стюарт, сын Джанет Мэти, был его сообщником. Но один из сторонних наблюдателей заявил, что он сейчас не в Поллоке, а в Дарнли. На что сэр Джордж ответил: "Надеюсь, мои пальцы дотянутся до него в Дарнли". Это было все, что можно было считать провокацией для Мати. Тем временем ее сыну не причинили никакого вреда, которого сэр Джордж и по сей день не знает в лицо, но терпел, чтобы он все время болезни жил в доме матери, даже с тех пор, как ее посадили в тюрьму. Тем временем Мати, продолжая упрямыться, была обыскана в Пейсли в поисках неощутимых следов перед шерифом-депутатом Ренфру и многими известными свидетелями, и очень многие были найдены на ней.

После того как была найдена упомянутая восковая картина, болезнь сэра Джорджа немного ослабла, но не до заметной степени, так низко он находился. Но 4 января болезнь возобновилась с такой силой, что в течение четырех или пяти дней его друзья и родственники не были уверены в его жизни. Но еще больше они были поражены 7 января, в день субботний, когда получили извещение от немой девушки, которая была в Поллок-тауне, но не могла перебраться через воду к дому, так как река в это время сильно вздулась, что Джон Стюарт, старший сын Мати, четыре дня назад сделал чучело из глины, чтобы лишить жизни сэра Джорджа. И когда ее позвали, она заявила, что оно находится в его доме, под занавеской, среди соломы.

На следующий день Джеймс Данлоп из Хаусхилла и Людовик Стюарт из Ачинхеда с несколькими слугами сэра Джорджа отправились в дом Стюарта, взяв с собой девочку, решив произвести очень точное испытание, чтобы не говорили, будто немая девочка принесла сюда какую-то вещь. Поэтому они попросили самого Джона Стюарта зажечь свечу и держать ее, а Людовик Стюарт и еще один человек на его глазах подняли глиняное чучело из-под соломы на подставке (девочка все это время стояла на расстоянии от места), но изображение, сделанное всего за три или четыре дня до этого и недостаточно твердое, разбилось на две части. В ней было три булавки, по одной с каждой стороны и одна в груди. Стюарту нечего было сказать в свое оправдание, кроме того, что он не знает, кто вставил эту вещь. Его тут же задержали, как и его младшую сестру, которой недавно исполнилось четырнадцать лет, по имени Аннабил Стюарт, и которая, как говорят, шептала что-то о восковом чучеле. Впоследствии это бедное создание, благодаря Божьей милости, оказалось ключом к разгадке создания обоих изображений.

Сначала она очень упрямилась, но на следующий день призналась, "что присутствовала в доме своего брата 4 января, когда создавалось глиняное изображение, там был Черный Джентльмен (так она назвала дьявола), а также Бесси Вейр, Марджори Крейг, Маргарет Джексон и ее брат Джон". Но когда ей предъявили брата, она не стала с уверенностью придерживаться своего признания. После обнаружения этой картины сэр Джордж заметно поправился, и все боли, которые были у него в боку, постепенно прошли.

Джон Стюарт, несмотря на признание сестры, оставался в меру упрямым, пока на следующий день его не обыскали на предмет нечувствительных следов, которых у него было

великое множество. Обнаружив их, он был настолько сбит с толку, что тут же признался в своем сговоре с дьяволом и почти во всех остальных пунктах, изложенных в его судебной исповеди, написанной после; и заявил, "что его сообщники, которые вместе с ним составляли чучело, были теми же, кого назвала его сестра". Она также свободно и полно призналась в своем сговоре с дьяволом и в участии в создании как восковых изображений в доме матери, так и глиняных в доме брата.

На основании этих сведений граф Дандональд и лорд Росс выдали ордер на задержание Бесси Вейр, Маргарет Джексон и Марджори Крейг, которые были сестрами-подругами в вышеупомянутом колдовстве.

Маргарет Джексон, женщина в возрасте около четырехсот лет, через день или два призналась в общении с дьяволом и в своем участии в создании обеих картин, а также снисходительно отнеслась к вышеупомянутым соучастницам. На ее теле было обнаружено множество неощутимых следов.

17 января прошлого года в тюремном доме в Пейсли под болтером Джанет Мэти был найден третий глиняный портрет, о котором сообщила немая девушка. Но, похоже, это был портрет какой-то женщины и, вероятно, кого-то из семьи Поллок. Ведь Аннабил Стюарт свободно заявила, что "их злоба была направлена против всей семьи Поллок". Обратившись к молодому Поллоку и его леди, она сказала: "И против вас тоже". Этот портрет был найден перед четырьмя знаменитыми свидетелями.

Лорды Тайного совета Его Величества, будучи проинформированы об этих изображениях и чучелах, а также о присланных показаниях трех признавшихся ведьм, дали поручение провести суд над ними, а также над тремя другими, которые упрямылись. И, учитывая необычность дела, они приказали провести процесс очень торжественно, поручив его некоторым благоразумным джентльменам страны, а именно: сэру Патрику Гостону из Гостона, Джеймсу Брисбонду из Бишоптауна, сэру Джону Шоу младшему из Гринока и Джону Андерсону младшему из Давхилла. К ним они добавили адвоката мистера Джона Престона (джентльмена, хорошо знакомого с преступниками и несколько лет исполнявшего обязанности заместителя судьи), *непременного* члена комиссии. А чтобы весь процесс был более точным, они назначили Джорджа Лорда Росса ассессором, с правом голоса и принятия решений. И далее приказали мистеру Роберту Мартейну, секретарю суда справедливости, быть секретарем процесса, который должен был быть записан в публичных книгах аджурнала.

27 января в Пейсли состоялся первый суд комиссаров юстиции, на котором Аннибал Стюарт рассказала, что в прошлый урожай дьявол в облике черного человека пришел в дом ее матери и потребовал, чтобы она отдалась ему; дьявол обещал, что она не будет нуждаться ни в чем хорошем: Что, будучи соблазненной своей матерью Джанет Мати и Бесси Вейр, которая была офицером на их нескольких собраниях, она положила одну руку на макушку головы, а другую на подошву ноги и отдала свою душу и тело (оптовая продажа здесь плохая) дьяволу: За это мать обещала ей новую шубу: Что новое имя, которое дал ей дьявол, было Аннипи: Что он взял ее за руку и укусил за руку, которая продолжала болеть в течение получаса: Дьявол в облике черного человека лег с ней в постель под одеждой: он показался ей холодным: После этого он посадил ее ближе к себе: Что она присутствовала в доме своей матери, где была сделана восковая картина; и что она была сделана, чтобы изобразить сэра Джорджа Максвелла из Поллока: Что Черный Человек, Джанет Мати, ее мать, чье имя от дьявола, было Land's Lady, Бесси Вейр, чье имя было Sophia, Марджори Крейг, чье имя было

Rigern, Маргарет Джексон, чье имя было Locas, все присутствовали при формировании и изготовлении упомянутого чучела: Что они привязали его к вертелу и повернули перед огнем; и что его повернула Бесси Вейр, говоря, когда она поворачивала его, "Сэр Джордж Максвелл, сэр Джордж Максвелл", что и было выражено всеми ими: Что эта картина была сделана в октябре прошлого года". "В 3-й день января следующего года Бесси Вейр пришла в дом своей матери и попросила ее прийти в дом ее брата Джона Стюарта следующей ночью в 12 часов; и, соответственно, она пришла туда, где нашла Бесси Вейр, Марджори Крейг, Маргарет Джексон, ее брата Джона Стюарта и человека в черной одежде, с синей полосой и белыми наручниками, с хоггарами на ногах, и что его ноги были сплетены: Она сидела с ними у костра, где они лепили из глины картину и вставляли булавки в грудь и в бока: Что они вставили булавки в восковое изображение, по одной в каждую сторону: Что Черный человек вставлял булавки в восковую картину, но не уверен, кто именно втыкал их в глиняную картину: Что получившиеся картины - это те картины, которые она видела сделанными: Что Черного человека звали Эхоал".

Это заявление было сделано перед известными свидетелями, подписано двумя нотариусами, Робертом Парком младшим и Патриком Карсвелом в Пейсли, и заверено подписями членов комиссии.

Джон Стюарт дал показания перед судьями: "3 января этого года Бесси Вейр в Поллок-тауне пришла к нему поздно вечером. Он был без дверей в своем доме, и она сообщила ему, что в его доме следующей ночью состоится собрание, на котором будут присутствовать дьявол в образе черного человека, Маргарет Джексон, Марджори Крейг и упомянутая Бесси Вейр; и что Бесси Вейр потребовала от него присутствия, что он и обещал сделать: На следующую ночь, когда он лег спать, вошел Черный Человек и тихо позвал его по имени, после чего он встал с постели и оделся: Маргарет Джексон, Бесси Вейр и Марджори Крейг вошли через окно в его дом; и первое, что потребовал Черный Человек, было то, чтобы он отказался от своего крещения и полностью отдался ему, положив одну руку на макушку головы, а другую - на подошву ноги, и что на это его искушал дьявол, обещая, что он не должен желать никаких удовольствий и что он должен натравить свое сердце на всех, кто сделает ему зло: Новое имя, данное ему дьяволом, было Ионас: После этого дьявол потребовал от каждого из них согласия на изготовление чучела из глины, чтобы лишить жизни сэра Джорджа Максвелла из Поллока, чтобы отомстить за лишение жизни его матери Джанет Мати: Каждый из названных выше людей дал согласие на изготовление упомянутого чучела, и что они лепили глину, и что Черный Человек сделал фигуру головы и лица, и две руки для упомянутого чучела: дьявол вбил три булавки в него, по одной в каждую сторону, и одну в грудь; и что упомянутый Джон держал свечу все время, пока изготавливалось изображение: Он заметил, что одна из ног Черного Человека была сросшейся, а его одежда была черной, с синей полосой на шее, белыми наручниками на руках и каблуками на ногах без обуви; и голос Черного Человека был полым и призрачным: После того как они начали составлять картину, его сестра Аннибал (ребенок 13 или 14 лет) постучалась в дверь; и она была впущена им, пробыла с ними значительное время; но она ушла раньше остальных, когда он открыл ей дверь: Остальные вышли через окно, через которое они вошли: Что картина была помещена Бесси Вейр в его постель". Далее она призналась, "что питала зависть и злобу к упомянутому сэру Джорджу, а ссора ее заключалась, как она полагала, в том, что сэр Джордж не ввел ее мужа в службу сбора урожая: Что чучело было сделано 4 января прошлого года; и имя дьявола среди них было Эджол: что новое имя, данное себе, было Джонас, а имя Бесси Вейр, которая была офицером, было Софа; что имя Маргарет Джексон от дьявола было Локас; и что имя его сестры было Аннипи; но не помнит, как звали Марджори Крейг". Это признание имело ту же торжественность, что и предыдущее.

Маргарет Джексон в тот же день в судебном порядке призналась: "Она присутствовала при изготовлении первого чучела, которое было сделано в доме Джанет Мэти в октябре прошлого года; и что дьявол в облике черного человека, Джанет Мэти, Бесси Вейр, Марджори Крейг и Аннабил Стюарт присутствовали при изготовлении упомянутого чучела, которое было сделано для представления сэра Джорджа Максвелла из Поллока, чтобы лишить его жизни: Что сорок лет назад или около того она была в крофте Поллока Шоу с несколькими палками на спине: Что к ней пришел Черный Человек, и она отдалась ему от макушки до подошвы ног, предварительно отказавшись от крещения, и новое имя, которое она получила от дьявола, было Локас: Что около 3 или 4 января прошлого года или около того, ночью, проснувшись, она обнаружила в постели человека, который, как она полагала, был ее мужем, умершим двадцать лет назад или около того; и этот человек немедленно исчез; и что этот человек был дьяволом; и что она впервые узнала его: Что в четверг, 4 января прошлого года, она присутствовала в доме Джона Стюарта ночью, когда и где было сделано чучело из глины; и что она видела, что одежда Черного человека была черной, а на руках у него были белые манжеты; и что Бесси Вейр в Поллок-тауне, и Аннибал Стюарт в Шоусе, и Марджори Крейг присутствовали в указанное время и в указанном месте при изготовлении указанного чучела из глины: Что она дала свое согласие на изготовление этого чучела: Что имя дьявола было Эджол". Это признание имело ту же торжественность, что и два предыдущих.

15 февраля 1677 года судьи вновь собрались в суде в Пейсли, и Джон Стюарт, Аннибал Стюарт и Маргарет Джексон придерживались своих прежних судебных признаний; но Джанет Мати, Бесси Вейр и Марджори Крейг упорно отрицали их. Один примечательный эпизод касался Джанет Мати. Судья 27 января приказал тюремщику зафиксировать ее ноги в колодках, чтобы она не совершала насилия над собственной жизнью. Тот заявил: "На следующее утро он обнаружил, что ее подпорка, которая накануне лежала на расстоянии не менее шести ярдов от колодок, теперь находится под ней; колодки были такими тяжелыми, что двое самых сильных мужчин в стране вряд ли смогли бы пронести их шесть ярдов: Он, удивляясь, спросил ее, как она добралась до колодки?" Она ответила: "Она проползла по полу комнаты, притянув колодки к тому же месту". А перед судом она сказала, что "высунула одну ногу из отверстия, а другой потянула за колодки"; что было совершенно невозможно: колодки были очень тяжелыми, и она не могла вытащить ногу из отверстия.

Судьи допросили всех свидетелей по факту, касающемуся чучел, болезни сэра Джорджа и выздоровления его по заключению, учитывая также дурную славу тех, кто упрямылся, и противопоставив их признавшимся ведьмам, которые в лицо заявили о своем присоединении, как указано в вышеприведенных признаниях. Приняв во внимание, наконец, все прочие обстоятельства их дела, они были преданы суду судебного дознания; будучи признаны виновными, они были приговорены к сожжению на костре, а их чучела - вместе с ними. Только Аннабиль, ввиду ее малолетства и доказательств ее раскаяния, по решению совета была освобождена, но оставлена в тюрьме. Между тем и она, и ее брат Иоанн серьезно увещевали мать к исповеди; со слезами Аннабиль напоминала ей о многих встречах с дьяволом в ее собственном доме, и что летнего дня не хватило бы, чтобы рассказать о том, что она видела, как между дьяволом и ею; но ничто не могло одолеть ее покорное и ожесточенное сердце.

Следует отметить, что немая девушка, которую звали Джанет Дуглас, теперь говорит, не очень отчетливо, но так, чтобы ее можно было понять; это человек, который самым чудесным

образом открывает для себя прошлые вещи, а также понимает латинский язык, который она никогда не изучала.

II.- Чудесное раскрытие убийства при помощи явления.

Около года Господа нашего 1632, неподалеку от Честера, на улице, жил некто Уолкер, йомен с хорошим состоянием и вдовец, у которого была молодая женщина по имени Анна Уолкер, его родственница, содержавшая его дом, которую соседи подозревали в том, что она имеет ребенка; и однажды ночью, ближе к вечеру, она была отправлена с Марком Шарпом, который был котельщиком, или тем, кто копал угли под землей, и родился в Блэкберн-Сот в Ланкашире, и так о ней долгое время ничего не было слышно, и о ней не было ни слуху ни духу. В зимнее время некий Джеймс Грэм, мельник, живший в двух милях от того места, где жил Уолкер, как-то раз очень поздно вечером остался один на мельнице молоть кукурузу; и около двенадцати или часа ночи он спустился по лестнице, засыпав кукурузу в бункер; двери мельницы были закрыты, а посреди пола стояла женщина, волосы на голове которой свисали вниз, вся в крови, и на голове у нее было пять больших ран. Он сильно испугался и изумился, начал благословлять себя; наконец спросил ее, кто она и что ей нужно? На что она ответила: "Я дух такой-то женщины, которая жила с Уокером; и когда у него родился ребенок, он обещал отправить меня в укромное место, где за мной будут хорошо присматривать, пока я не лягу в постель и не выздоровею, а потом я снова вернусь домой и буду содержать его дом". "И вот, - говорило явление, - однажды поздно вечером я был отправлен с неким Марком Шарпом, который на муире (так называлась равнина, которую знал мельник) убил меня киркой, какой люди копают угли, и нанес мне эти пять ран, после чего бросил мое тело в угольную яму неподалеку, а кирку спрятал под берегом; башмаки и чулки его были окровавлены, он попытался их отмыть, но, видя, что кровь не смывается, спрятал их там". И далее явление сказало мельнику: "Он должен быть тем человеком, который откроет ее, иначе она все еще будет являться и преследовать его". Мельник вернулся домой, очень печальный и тяжелый, и ни словом не обмолвился о том, что видел, а по ночам избегал оставаться на мельнице без компании, думая таким образом избежать повторной встречи с этим страшным явлением. Но, несмотря на это, однажды вечером, когда начало темнеть, явление снова встретилось с ним, показалось ему очень свирепым и жестоким и пригрозило, что если он не раскроет убийство, то она будет постоянно преследовать и преследовать его: Однако, несмотря на все это, он скрывал убийство до нескольких ночей перед Рождеством, когда вскоре после захода солнца, гуляя по саду, она появилась снова, и так угрожала ему и пугала его, что он честно пообещал раскрыть убийство на следующее утро.

Утром он отправился к магистрату и рассказал обо всем, со всеми обстоятельствами: И при тщательном обыске тело было найдено в угольной яме, с пятью ранами на голове, киркой, ботинками и чулками, еще окровавленными, во всех обстоятельствах, которые явление связало с мельником. После этого Уокер и Шарп были задержаны, но ни в чем не признались. На следующей ассамблее, а именно на в Дареме, они предстали перед судом, были признаны виновными, осуждены и казнены, но так и не признались в содеянном. В живых еще много людей, которые помнят это странное убийство и его раскрытие; ведь о нем говорили, а иногда и сейчас говорят на севере Англии так много, как ни о чем другом, о чем почти никогда не слышали, и оно было напечатано, хотя теперь его не достать.

III.- О колдовстве Агнес Симпсон.

Хотя это слишком старая история, чтобы соответствовать названию наших рассказов, но, будучи подлинной копией записи, такой же достоверной, хотя и не такой свежей, возможно, не будет лишним кратко назвать некоторые эффекты, виды и обстоятельства ее колдовства, как ее мастерство в болезнях; что болезнь Уильяма Блэка была уколом эльфа; ее принятие болей и болезней больных на себя на некоторое время, а затем перевод их на третьего человека; использование ею длинных молитв и рифм из Священного Писания, содержащих основные положения христианства, так что может показаться, что она была не столько белой ведьмой, сколько святой женщиной; использование ею таких бессмысленных рифм для наставления невежественных людей и обучения их молитве, как эти две молитвы, Черный и Белый Pater Noster в метре, в установленной форме, для использования утром и вечером, а также в другое время, когда представится случай.

Белый Pater Noster.

Бог был моим воспитателем,
Он приютил меня
Под книгой пальмовой.
Святой Михаил был моей дамой,
Он родился в Вифлееме.
Он был создан из плоти и крови,
Бог послал мне мою правильную пищу;
Мою правильную пищу, и дай мне тоже,
Чтоб в кирху я мог пойти,
Чтоб почитать в ней сладкую книгу,
Которую потряс могучий Бог небес.
Откройте, откройте небеса.
Открой, открой адские яства.
Все святые будут лучше,
Кто слышит белую молитву, Pater Noster.

Черный Pater Noster читается так:

В этом доме для многих ангелов есть четыре гнезда,
А посредине пост, что Христос Иисус,
Лукас, Маркас, Матвей, Иоанн,

Бог да будет в этом доме, и все, что нас окружает".

Но когда она искала ответа у дьявола по какому-либо поводу, он являлся ей в виде собаки. Но отгонять и уговаривать его уйти можно было так: Я поручаю тебе уйти по закону, по которому ты живешь, как это сделала она, когда отстранила его, посоветовавшись с ним о болезни старой леди Эдмистон. А вот как она воскресила дьявола - такими словами: Эльва, приди и поговори со мной, - и та явилась в образе собаки. Весьма примечательно ее плавание в лодке на корабль со своими подругами-колдуньями, где дьявол заставил ее и их пить хорошее вино и пиво без денег; она не видела ни моряков, ни моряков, и в конце концов дьявол поднял ветер, отчего корабль погиб. Она крестила и проводила другие обряды на кошке вместе с другими ведьмами, чтобы помешать королеве Анне приехать в Шотландию. Она вызвала дух, чтобы наколдовать восковое изображение для уничтожения мистера Джона Москропа.

Но чтобы быть более точным, я приведу вам ее собственное признание королю Якову. В том, что дьявол в человеческом обличье встретил ее, когда она выходила в поле из своего дома в Ките, между пятью и шестью часами вечера, когда она была одна, и велел ей быть в кирхе Северного Бервика на следующую ночь. В это место она приехала верхом на лошади, ведомая своим добрым сыном по имени Джон Купер, и засветилась на дворе кирхи, или немного раньше, чем приехала, около одиннадцати часов по четному времени. Они танцевали по двору кирка, Гейли Дункан играла на трубе, а Джон Фейн, надув морду, вел короля; следом шли упомянутая Агнес и ее дочь. Кроме того, были Кейт Грей, жена Джорджа Мойлиса, Роберт Грирсон, Кэтрин Дункан, Бесси Райт, Изобель Гилмур, Джон Греймейл, Дункан Бьюкенен, Томас Барнхилл и его жена, Гилберт Макгилл, Джон Макгилл, Кэтрин Макгилл и остальные их киммеры, более ста человек, из которых было шесть мужчин, а все остальные женщины. Женщины сначала оказали любезность своему господину, а затем мужчинам. Мужчины девять раз оборачивались, а женщины шесть раз. Джон Фейн взорвал двери кирхи и зажег светильники, которые были похожи на маленькие черные свечи, торчащие вокруг кафедры.

Дьявол встал на кафедре, как маленький черный человечек; и, позвав всех в ряд, каждый ответил: "Здесь". Мистер Роб. Грирсон был назван по имени, они все побежали к нему и разгневались, потому что было обещано, что он будет называться Робертом Контролером, он же Роберт Гребец, для сокращения его имени.

Первым делом он потребовал, чтобы все они сдержали обещание и были хорошими слугами, и что они сделали с тех пор, как собирались в последний раз. По его приказу они вскрыли три могилы, две внутри и одну за пределами кирхи, и отрезали от мертвых трупов суставы пальцев рук, ног и носа, и разделили их между собой; а упомянутая Агнес Симпсон получила, со своей стороны, обмотку и два сустава. Дьявол велел им держать суставы при себе, пока они не высохнут, а затем сделать из них порошок, чтобы творить зло. Затем он велел им исполнять его заповеди, которые заключались в том, чтобы делать все возможное зло и беды. Перед тем как уйти и разойтись, они должны были поцеловать его в зад (с почтением к читателю). На нем была мантия и плащ, оба черные. И все, кто был в сборе, частью стояли, частью сидели. Джон Фейн был всегда ближе к дьяволу, у его левого локтя. Греймейл держал дверь.

Примечательно, что дьявол явился к Джону Фейну не в черном, а в белом одеянии, но предложил ему такой же адский завет, как и те изверги, что в черном. Примечательно его плавание по морю в лодке вместе с его сообщниками, а также то, что он с помощью дьявола устранил течь в корабле королевы. Когда король плыл в Данию, он вместе с остальными

поднял ветер, бросив в море кошку, которую им доставил дьявол и научил их кричать "Hola", когда они впервые бросили ее в море. Он поднял туман во время возвращения короля из Дании, заставив сатану бросить в море предмет, похожий на мяч для ног (Джону он показался похожим на парок), от которого исходило зловоние, благодаря чему величество короля могло быть брошено на побережье Англии. Он открывал замки с помощью колдовства, просто дуя в руку женщины, когда сидел у огня. Он сел в лодку с другими ведьмами, и все они поплыли по морю, и вошли в корабль, и пили там хорошее вино и эль, и потопили корабль вместе с теми, кто в нем находился. В другом монастыре он снова поцеловал задницу Сатаны (с благоговением). Он стремительно носился по воздуху в погоне за кошкой, чтобы поймать ее и бросить в море, подняв тем самым ветры, по предписанию Сатаны. Он притворялся, что может сказать любому человеку, сколько тот проживет, если тот скажет ему только день своего рождения.

IV.- Прокламация над Рыночным крестом Эдинбурга в двенадцать часов ночи.

После того как король Яков IV собрал свою армию в Бурроу-Муире, который в то время был большим просторным полем и очень приятным и восхитительным из-за множества величественных дубов, осенявших это место; около полуночи в июле месяце на рыночном кресте города прозвучало воззвание, призывавшее множество бюргеров, джентльменов, баронов и дворян предстать перед судом некоего Плоткока.

Провост города, стоя на своей передней лестнице, или галерее, услышав свое имя, воскликнул: "Он отказывается от этого суда и взывает к милосердию Божьему". Это была та самая армия, которую король повел в Англию и разбил при Флоддене в роковой день, вторник 9 сентября 1513 года, где пал король и около пяти тысяч самых знатных и достойных семей королевства.

V.- Чудесное исцеление голландской женщины, сопровождавшееся явлением.

Повествование, взятое голландским купцом из ее собственных уст, начинается так: "Чудесное исцеление Еш Клаес, женщины около пятидесяти лет, в течение многих лет хорошо известной мне и соседям. Эта женщина в течение четырнадцати лет была хромой на обе ноги, одна из которых была мертвой и без чувств, так что она не могла ходить, но ползала по земле, или ее носили на руках, как ребенка, но теперь силой Бога Всемогущего она снова ходит, что произошло таким образом, как я записал это из ее собственных уст.

В 1676 году, примерно 13-го или 14-го числа октября месяца сего года, ночью, между часом и двумя часами, Еш Клаес лежала в постели со своим мужем, который был лодочником, ее трижды дернули за руку, от чего она проснулась и воскликнула: "Господи! что это может быть? И тут она услышала ответ в ясных словах: "Не бойся, я пришел во имя Божие, чтобы сказать тебе, что твой недуг, который уже много лет мучает тебя, отступит, и тебе будет дано от Бога Всемогущего снова ходить. Но держи это при себе до дальнейшего ответа". Тогда она

громко воскликнула: "Господи, чтобы у меня был свет, чтобы я могла знать, что это такое". Тогда она получила такой ответ: "Не нужно света. Свет будет дан тебе от Бога". Тогда по всей комнате разлился свет, и она увидела прекрасного юношу лет десяти, с завитыми желтыми волосами, в белой одежде до пят, который шел от изголовья кровати к дымоходу со светом, который через некоторое время погас. И тут из ее бедра что-то хлынуло или растеклось по ноге, как вода, до большого пальца ноги, где она обнаружила, что в нем поднимается жизнь; ощупав его рукой, она воскликнула: "Господи, дай мне теперь снова мое чувство, которого я не имела столько лет". И она продолжала плакать и молиться Господу по мере своих слабых сил. В тот день, в среду, и на следующий день, в четверг, она продолжала жить, как и прежде, до вечера, до шести часов; в это время она сидела у огня и готовила пищу. Тогда раздался шум в обоих ушах, и ей было сказано: "Встань, тебе снова дано ходить". Тогда она тотчас встала, столько лет ползавшая, и пошла к двери; муж ее, встретив ее, очень испугался и отступил назад. Между тем она воскликнула: "Мой дорогой муж, я снова могу ходить". Мужчина, думая, что это дух, отступил, говоря: "Ты не моя жена"; но жена, схватив его, сказала: "Мой дорогой муж, я та самая, которая была замужем за тобой эти тридцать лет. Всемогущий Бог заставил меня снова ходить". Но муж, пораженный, отступил в сторону, пока она наконец не обняла его за шею; и все же он усомнился и спросил дочь: "Это твоя мать?". Она ответила: "Да, отец, это действительно моя мать, я видела, как она шла, прежде чем ты вошел". Этот человек живет на Принцевом острове в Амстердаме. Эта связь подтверждена многими известными свидетелями.

VI.- Странные проделки, разыгранные дьяволом в Вудстоке в Англии, 1649 год.

13 октября 1649 года комиссары со своими слугами прибыли в усадьбу и расположились в собственных покоях короля, в спальней и отхожей комнатах: В первой из них они также устроили кухню; в зале совета - пивоварню; в палате присутствия - место, где они заседали, чтобы отправлять дела; а в столовой - дровяник, где они сложили древесину того древнего штандарта в Хай-парке, известного всем под именем Королевского дуба, который (чтобы не осталось ничего, к чему было бы прикреплено имя короля) они выкопали с корнем. 14 и 15 октября они почти не беспокоились; но 16-го в спальню, где лежали два комиссара и их слуги, пришло, как они думали, нечто в виде собаки, которая, забравшись под их кровати, как бы перегрызла их постельные шнуры; но на следующий день, обнаружив их целыми и четверть говядины, которая лежала на земле нетронутой, они стали думать о другом.

17 октября. Нечто, по их мнению, унесло все дерево королевского дуба из столовой в палату присутствия и раскидало стулья и табуреты по комнате: Оттуда оно вошло в две палаты, где лежали комиссары и их слуги, и подняло ножки их кроватей настолько выше их голов, что они подумали, что их должны были перевернуть, а затем позволило им упасть с такой силой, что их тела отскочили от кровати на значительное расстояние, и затем потрясло кровати такой силой, что, по их собственному признанию, их тела болели от этого.

18 октября. Что-то вошло в спальню, ходило взад-вперед и, притаившись из отхожего места грелку, наделало столько шума, что, по их мнению, пять колоколов не могли бы наделать больше. 19 октября: в столовой вверх и вниз бросали траншеи и в тех, кто там жил; один из

них, будучи разбужен, высунул голову, чтобы посмотреть, в чем дело, но в него бросили траншеи.

20 октября. Занавески на кровати в отхожем месте были раздвинуты, кровать сильно тряслась, и восемь больших оловянных блюд и три дюжины траншейников были снова разбросаны по спальне. Этой ночью им также показалось, что в их покои бросили целую охапку древесины королевского дуба, но утром они обнаружили, что ничего не сдвинулось с места.

21 октября. В одной из комнат вместе с ними лежали сторож и его сука, и в эту ночь их никто не беспокоил. Но 22 октября, несмотря на то, что там снова была сука, которой они приписали свой прежний ночной отдых, и они, и сука были в жалком состоянии, сука открыла только один раз, да и то со скулящим испуганным воплем.

23 октября. В отхожем месте с них содрали всю одежду, а из дымохода в комнату выпали кирпичи.

24-го числа в столовой им показалось, что все дрова королевского дуба были принесены сюда и брошены рядом с их постелью; услышав это, один из них поднялся посмотреть, что сделано, опасаясь, что его товарищи были убиты, но ничего подобного не обнаружил. Вернувшись к своей постели, он обнаружил две или три дюжины траншей, брошенных в нее и красиво прикрытых постельным бельем.

25 октября. Занавески на кровати в отхожем месте были раздвинуты и задернуты, а подставка тряслась, как и прежде; а в спальне стекла разлетелись так густо (и при этом ни одна створка не была разбита), что они подумали, что пошел денежный дождь, после чего зажгли свечи, но, к своему огорчению, не нашли ничего, кроме стекла.

29 октября. Что-то, подойдя к окну, открыло и закрыло его; затем, войдя в спальню, оно в течение получаса бросало большие камни, одни из которых попадали на высокую кровать, другие - на койку, общим числом более четырех десятков. В эту ночь также был очень сильный шум, как будто сорок орудий выстрелили вместе. Два раза стук поразил всех окрестных жителей, и, как полагают, его можно было услышать на большом расстоянии. Во время этих звуков, которые были слышны в обеих комнатах вместе, оба комиссара и их слуги были поражены таким ужасом, что кричали друг другу о помощи; тогда один из них, придя в себя от странной агонии, в которой он находился, выхватил меч и хотел убить одного из своих братьев, вышедшего из своей постели в рубашке, которого он принял за духа, совершившего злодеяние. Однако в конце концов они собрались все вместе, но шум продолжался такой сильный и страшный, и так тряслись стены, что они думали, что вся усадьба рухнет им на головы. Уходя, оно унесло с собой все стекла в окнах.

1 ноября. Что-то, как им показалось, ходило взад-вперед по выводной комнате, а затем шумело в столовой. Камни, которые были оставлены и лежали в отхожем месте, были убраны этой ночью, и много стекла (не такого, как раньше) снова разбросано.

2 ноября. В отхожее место вошло нечто, ступая, как они полагают, очень похожее на медведя, которое сначала ходило около четверти часа; затем оно зашумело по столу и с такой силой швырнуло сковороду для разогрева, что совсем ее испортило. Он бросал в них и стаканы, и большие камни, и кости лошадей; и все это с такой силой, что от них пошатнулись кровать и стены. В ту ночь они расставили по комнатам свечи и развели огонь до самых дымовых труб, но все это было потушено, никто не знал как: огонь и дрова, которые его

разжигали, метались вверх и вниз по комнатам; занавески были сорваны прутьями с кроватей, а столбы кроватей отброшены, так что на них упал тестер, а ножки подставки раздвоились. А на слуг, которые все это время лежали на койке и потели от страха, сначала было немного, отчего они начали шевелиться, но не успели они вылезти, как на них обрушилась целая бадья вонючей канавной воды, такой зеленой, что от нее их рубашки и простыни тоже стали такого цвета.

В ту же ночь все окна были разбиты камнями, и в трех местах вместе раздавались самые ужасные звуки, к необычайному удивлению всех, кто жил рядом. Да и сами похитители кроликов, которые в ту ночь были за городом, были так напуганы страшным грохотом, что поспешили оставить своих хорьков в норах за колодцем Розамонда. Несмотря на все это, один из них осмелился спросить: "Во имя Господа, что же такое должно было случиться и что они сделали, чтобы их так встревожили?" Ответа на этот вопрос не последовало, но на некоторое время шум прекратился. Вскоре оно снова появилось и, как все они сказали, привело с собой семь дьяволов, хуже себя. Тогда один из них снова зажег свечу и поставил ее между двумя покоями в дверном проеме, на что другой, устремив свой взор, увидел подобие копыта, ударившего свечу и подсвечник в середину спальни комнаты, а затем сделавшего три царапины по нюхательному табакеру, чтобы потушить его. После этого тот же человек дерзнул выхватить меч, но едва он его достал, как другая невидимая рука тоже схватила его и стала тянуть за него, и, одержав верх, ударила его с такой силой, что он был оглушен ударом.

Затем снова начались сильные звуки, так что они позвали друг друга, собрались вместе и пошли в палату присутствия, где читали молитвы и пели псалмы: несмотря на все это, громоподобный шум все еще продолжался в других комнатах. После этого, 3 ноября, они убрали свое жилище за ворота, а на следующий день, в воскресенье, отправились в Эвельм, и как им удалось спастись, авторы рассказа не знают. Но, вернувшись в понедельник, дьявол (так они называли своего ночного гостя) не оставил их без посещения и во вторник, который был последним днем их пребывания.

VII.- Явление королю Якову IV и его придворным в кирхе Линлитгоу.

Когда король находился в Линлитгоу, присутствуя при сборе армии, которая потерпела поражение при Флудоне, полный забот и недоумения, он отправился в церковь святого Михаила, чтобы послушать вечернюю песнь, как ее тогда называли. Пока он предавался молитве, вошел старец, его волосы цвета янтаря свисали до плеч, лоб был высок и склонен к облысению, одежда лазурного цвета, несколько длинная, подпоясанная полотенцем, или столовой салфеткой, приятная и очень благоговейная. Спросив короля, он ворвался в прессу и прошел через нее, пока не подошел к нему, с клоунской простотой склонившись над креслом каноника, где сидел король: "Господин (сказал он), я послан сюда, чтобы умолять вас отложить на это время вашу экспедицию и не продвигаться дальше в вашем намерении; ибо если вы это сделаете, вы не преуспеете в вашем предприятии, и никто из ваших последователей. Далее мне поручено предупредить вас, чтобы вы не пользовались знакомством, обществом или советом женщины, поскольку вы дорожите своей честью,

жизнью и имуществом". После этого предупреждения он снова удалился в печать. Когда служба закончилась, король стал настойчиво его искать, но его нигде не могли найти, и никто из присутствующих (из которых несколько человек внимательно наблюдали за ним, решив впоследствии побеседовать с ним) не почувствовал и не понял, как, когда и куда он от них ушел, как бы растворившись в их руках.

VIII.- О том, чтобы майор, вернувшийся после смерти, сказал капитану, есть ли Бог или нет.

О явлении призрака майора Джео. Сиденхема (покойного Далвертона, графство Сомерсет) капитану Уильяму Дайку (покойному Скилгейту в этом графстве, ныне также покойному), будьте добры принять рассказ о нем от достойного и ученого джентльмена, доктора Томаса Дайка, ближайшего родственника капитана, следующим образом: Вскоре после смерти майора доктор получил просьбу приехать в дом, чтобы позаботиться о ребенке, который был там болен; по пути он зашел к капитану, который очень хотел дожидаться его в этом месте, потому что он, как он сказал, должен был поехать туда той ночью, хотя и не встретил столь обнадеживающей возможности. После прибытия в дом и любезности людей, проявленной ими в этом развлечении, их проводили в их жилище, которое, как они желали, можно было разместить в одной постели; где, после того как они немного полежали, капитан постучал и попросил слуг принести ему две самые большие и высокие свечи, которые он мог достать; после чего доктор спросил, что он имел в виду? Капитан отвечает: "Вы знаете, кузен, какие споры мы с моим майором вели о бытии Божиим и бессмертии души; в этих вопросах мы так и не смогли прийти к согласию, хотя так стремились и желали этого. И потому в конце концов мы пришли к полному согласию, что тот, кто из нас умрет первым, должен на третью ночь после похорон, между двенадцатью и часом, прийти в маленький домик, что стоит здесь в саду, и там дать полный отчет оставшемуся в живых, касающийся этих вопросов, который должен обязательно присутствовать там в назначенное время и получить полное удовлетворение. А это (говорит капитан) как раз та самая ночь, и я пришел специально, чтобы исполнить свое обещание". Доктор отговорил его, помня об опасности следовать странным советам, на которые у него нет никаких оснований, и о том, что дьявол может каким-нибудь хитрым приемом извлечь из этой опрометчивой попытки такую выгоду, которая приведет его к полному разорению. Капитан отвечает: "Он торжественно обещал, и ничто не должно его отговаривать"; и добавляет: "Если доктор побудет с ним некоторое время, он поблагодарит его, если нет - пусть отдохнет; но со своей стороны он намерен наблюдать, чтобы быть уверенным, что будет присутствовать в назначенный час". С этой целью он поставил возле себя часы и, как только увидел, что уже половина одиннадцатого, встал и, взяв в каждую руку по свече, вышел через заднюю дверь, которой у него был ключ, и прошел в сад-домик, где пробыл два часа с половиной, а вернувшись, заявил, что не видел и не слышал ничего сверх того, что обычно. Но я знаю, сказал он, что мой майор непременно пришел бы, если бы был в состоянии".

Примерно через шесть недель после этого капитан поехал в Итон, чтобы устроить туда своего сына-ученика, и доктор отправился туда вместе с ним. Остановились они там на постоялом дворе, вывеской которого был Кристофер, и провели там две или три ночи, не лежа вместе, как прежде в Дулвертоне, а в двух разных покоях. Утром, перед тем как

отправиться в путь, капитан пробыл в своей комнате дольше обычного, прежде чем позвал доктора. В конце концов он вошел в палату доктора, но в облике и форме, сильно отличающейся от его собственной, с всклокоченными волосами и глазами, а все его тело тряслось и дрожало. Доктор, удивившись, спросил: "В чем дело, кузен капитан?". Капитан отвечает: "Я видел своего майора". На что доктор, казалось, улыбнулся, а капитан подтвердил это, сказав: "Если я и видел его в своей жизни, то только сейчас". И затем рассказал доктору о том, что произошло, следующим образом: "Сегодня утром, как только рассвело, кто-то подошел к моей кровати и, внезапно откинув занавески, позвал: "Капитан, капитан" (так майор обычно называл капитана), на что я ответил: "Что, мой майор?". На что он ответил: "Я не мог прийти в назначенное время, но сейчас я пришел сказать вам, что Бог есть, и очень справедливый и ужасный; и если вы не перевернете новый лист (именно это выражение пунктуально запомнил доктор), вы поймете, что это так". Капитан продолжал: "На столе рядом лежала шпага, которую майор когда-то подарил мне. И вот, когда явление прошло пару оборотов по комнате, он взял шпагу, достал ее и, обнаружив, что она не такая чистая и яркая, как должна быть, сказал: "Капитан, капитан, - говорит он, - эта шпага не хранилась так, когда она была моей". После этих слов он вскоре исчез.

Капитан был не только полностью убежден в том, что видел и слышал, но и с некоторых пор стал очень сильно переживать. И юмор, который и прежде был в нем бодрым и веселым, теперь странным образом изменился; так что за ужином ему перепало совсем немного мяса, хотя при расставании с друзьями было подано очень красивое угощение. Да, было замечено, что увиденное и услышанное капитаном оказало на него более длительное влияние; и, по мнению тех, кто был хорошо знаком с его разговором, воспоминание об этом отрывке крепко засело в его памяти, и эти слова его умершего друга часто звучали в его ушах в течение всей оставшейся жизни, которая длилась около двух лет.

IX.- Замечательная история об обнаруженном колдовстве в Лаудере, год 1649-й. И о хитростях, которые дьявол использовал, чтобы обмануть бедных существ.

В начале 1649 года из уст в уста передавались слухи о выдающемся колдуне, которого звали Роберт Грив, он же Хоб Грив, торговавшем в этих краях и обманывавшем многих простых людей. Наконец он был обнаружен, задержан и заключен в тюрьму в городе Лаудер, и после долгих уговоров и отрицаний, в ходе которых он узнал о своем адском хозяине как о самом изощренном, по великой благодати Божьей он был наконец приведен к серьезному признанию своей вины и признанию того, что он был офицером дьявола в этой стране, предупреждая всех вассалов Сатаны приходить на собрания, где и когда дьявол потребует, в течение восемнадцати лет и более. Он также признал, что его жена (которая за двадцать лет или около того до этого была сожжена в Лаудере) была причиной того, что он попал в эту ловушку; поскольку они были бедны и не имели почти ничего, на что можно было бы жить, он начал возмущаться в этом состоянии и жаловаться на свой жребий; и его жена, понимая это, хотела, чтобы он не беспокоился, но сказала ему, что если он последует ее совету, она должна познакомить его с джентльменом, который научит его, как стать богатым. К этому предложению он прислушался и по ее желанию отправился вместе с ней в гавань на Галаватере, неподалеку от Стоу, где она пыталась найти джентльмена; когда они пришли туда и простояли довольно долго, никого не видя, он начал уставать и сказал ей, что ему пора

уходить; но она уговаривала его остаться и уверяла, что джентльмен ее не подведет. Вскоре на него налетел огромный мастиф, больше мясницкой собаки и очень черный, и привел его в такое смятение и изумление духа, что он не знал, где находится; но жена старалась утешить его в этом смятении, уверяя, что джентльмен придет сейчас и исполнит то, что она ему обещала.

И вот через некоторое время явился дьявол в облике черного человека и, подстроив свои речи под искушение человека, дал ему много обещаний, что если он станет его слугой и будет ему повиноваться, то он научит его, как стать большим во всей стране; На это требование дьявола он признал, что согласился, не столько из-за надежды на будущее богатство, сколько из страха, чтобы не быть немедленно съеденным им (ибо он подозревал, что это был дьявол), и затем он дал ему поручение быть его офицером, чтобы предупреждать всех о собраниях, (как было сказано ранее), в котором он продолжал находиться в течение восемнадцати лет и более, пока не был задержан. Он был очень хитер в своем признании. Свидетельством тому служит следующее: "Не было ни одного мужчины, ни одной женщины, заговоренных им, но все они были исповедниками, когда их задерживали, и сталкивались с ним, и умирали, исповедуясь". Один из примеров, достойных внимания, таков: после того как он освободил многих, и столько из них было задержано, сколько могла вместить тюрьма, и присматривали стражники, он выдал другую женщину в городе Лаудер, имя которой магистраты решили скрыть на время, пока тюрьма не опустеет от некоторых из тех, кто уже был задержан и исповедовался; и, соответственно, тайна была соблюдена. Но в ту же ночь к ней явился дьявол и сказал, что Хоб Грив обвинил ее в колдовстве, но заверил ее, что если она встанет, пойдет и бросит ему вызов, и не уйдет, пока он и она не встретятся, то тогда он отречется. Тогда она встала, подошла к тюремному окну и обрушилась на Хоба Грива, называя его колдуном, рабом дьявола и прочими пороками, которые только могли произнести ее уста; а когда сотники, а также магистраты потребовали от нее вернуться домой, она села на ступеньку тобольской башни и сказала, что никогда не сможет пойти к себе домой, пока не будет проведена очная ставка между ней и этим рабом дьявола. Тогда бейли пришел к проповеднику и попросил его прийти и поговорить с ней, чтобы она пошла домой, так как никто ее не обвиняет; тот пришел и стал уговаривать ее пойти домой, но она упорно отказывалась идти, пока не предстанет перед этим негодяем, который объявил ее, честную женщину, ведьмой. Бейли вынужден был удовлетворить ее желание. После этого, когда многие присутствовали в качестве свидетелей, ее отвели в тюрьму, в комнату, где находился Хоб Грив. И как только она появилась в поле зрения, она упала на колени и стала бранить человека, обвиняя его во лжи, когда он называл ее имя. Она сказала: "Ты, обычный вор, как смеешь ты, душа твоя, утверждать, что когда-либо до этого времени ты видел меня или я видела тебя, или когда-либо была в твоей компании, одна или с другими". Все это он терпеливо выслушал, пока бейли не пожелала говорить. Тогда он спросил ее, как она узнала, что он принял ее за ведьму? Ведь (сказал он), конечно, никто кроме дьявола, твоего старого хозяина и меня, не говорил тебе об этом. Она ответила: "Дьявол и ты погибнете вместе, ибо он не мой хозяин, хотя и твой; я бросаю вызов дьяволу и всем его делам". Тогда он говорит ей: "К чему весь этот шум? Разве ты не знаешь, что все эти годы я приходил в твой дом и предупреждал тебя о собраниях, и мы с тобой шли вместе?" После этого он снисходительно рассказал ей о нескольких местах и о действиях, совершенных в этих местах ею и другими; "всему этому я, - сказал он, - свидетель". Этим она была так смущена, что тут же, в присутствии бейли, проповедника, школьного учителя и многих свидетелей, воскликнула: "О, теперь (говорит она) я понимаю, что дьявол - лжец, убийца с самого начала; ибо этой ночью он пришел ко мне и просил меня прийти и надругаться над тобой; и он уверял меня, что ты будешь отрицать все и говорить: "Ты лживый язык, ты лгал". И она со слезами призналась, что все сказанное им - правда, и молила служителя, чтобы он умолил Бога о ее

бедной душе, дабы она была избавлена от рук дьявола. В этом исповедании она пребывала до самой своей смерти.

Еще одним свидетельством его изобретательности было следующее: После того как пять или шесть мужчин и женщин, которых он обманул, были также убеждены и признались в своем колдовстве, он убедительно попросил, "чтобы его и их отвели в церковь в день Господень для слушания слова Божьего"; это было сделано, и они были доставлены с охраной в церковь, все они сели перед кафедрой. Проповедник прочитал лекцию на эти слова, Марк ix. 21. "И много раз ввергал его в огонь и в воду, чтобы погубить его" и т. д. Отец слабоумного ребенка пожаловался Христу на жестокость дьявола по отношению к его сыну. И проповедник кратко отметил это замечание словами: "Что бы дьявол ни делал с теми, над кем он получил власть, его цель и цель всегда заключалась в том, чтобы погубить бедное существо и душой, и телом". Когда проповедник всерьез высказал эту истину Хобу Гриву и остальным исповедующимся ведьмам и колдунам, они сразу же пришли в такое замешательство, что с горестным шумом воскликнули: "Увы мне, это самая верная истина; что же будет с нами, беднягами! О, молитесь за нас". Но особенно свидетельствовал об этой печальной истине Хоб Грив, заявив перед лицом прихожан, что он на собственном опыте убедился в этом. "Ибо (сказал он) нельзя доверять его обещаниям; ведь в Мюссельбургской воде, когда у меня на спине был тяжелый шпудлярник, он думал утопить меня там; а с тех пор как я попал в тюрьму, он бросил меня в огонь, чтобы уничтожить, как хорошо известно проповеднику и магистратам этого места и многим другим"; и в заключение он увещевал всех остерегаться дьявола. "Ибо, что бы он ни говорил и ни делал, его цель - погубить вас, и это будет концом его работы, как мы знаем на нашем печальном опыте сегодня". Еще одно доказательство искусства дьявола в подготовке к уничтожению бедного существа было явлено в том же месте и в 1649 году. Некая женщина в городе Лаудер была обвинена не Хоб Гривом, а кем-то другим, и долгое время отрицала это. По этой причине местные магистраты не захотели вмешиваться в ее дела, но приговорили к смерти всех остальных, кто признался, и постановили сжечь их в понедельник после этого; она, услышав об этом, и о том, что ей одной предстоит оставаться в тюрьме без надежды на спасение, была побуждена дьяволом составить признание в своей собственной груди, что, как она полагала, могло лишить ее жизни; После этого она послала за священником и перед свидетелями сделала то признание в колдовстве, которое сама же и залатала; а в заключение она убедительно попросила магистратов и священников, "чтобы ее сожгли вместе с остальными в следующий понедельник". Она призналась: "Она заключила договор с дьяволом и стала его слугой около двадцати лет назад, когда была совсем юной девушкой; он поцеловал ее и дал ей имя, но с тех пор никогда не владел ею; и что она не знает больше о делах дьявола, так как должна отвечать перед Богом, но то, что она сказала, было правдой". Но умные люди стали ревновать об истинности этого признания и подозревать, что из гордости сердца, в отчаянии, она выдумала это признание, чтобы погубить свою жизнь, потому что она все еще настаивала на том, чтобы ее отсекали вместе с остальными в понедельник. Поэтому в субботу, воскресенье и в понедельник утром служители и другие прилагали много усилий, чтобы она отступила от этого признания, которое, как подозревали, было лишь искушением дьявола погубить ее душу и тело; да, служители внушали ей, что у нее есть основания для ревности, что ее признание не было искренним, и ей было поручено перед Господом объявить правду и не брать свою кровь на свою голову. Однако она упорно придерживалась своих слов и всегда плакала, чтобы ее отпустили вместе с остальными. Тогда в понедельник утром, будучи вызвана к судьям и исповедав перед ними свои слова, она была признана виновной и приговорена к смерти вместе с остальными в тот же день. Когда ее повели к месту казни, она

молчала во время первой, второй и третьей молитвы, а затем, видя, что не остается ничего другого, как встать и пойти на кол, подняла свое тело и громким голосом воскликнула: "Теперь все, кто видит меня в этот день, знают, что я должна умереть ведьмой по собственному признанию, и я освобождаю всех людей, особенно министров и магистратов, от вины за мою кровь. Я полностью беру ее на себя, и пусть моя кровь будет на моей собственной голове. И поскольку я должна дать ответ перед Богом небесным в настоящее время, я заявляю, что я свободна от колдовства, как любой ребенок; но будучи разлученной злобной женщиной и посаженной в тюрьму под именем ведьмы, отрекаясь от своего мужа и друзей и не видя никаких оснований для надежды на то, что я выйду из тюрьмы или когда-либо снова буду в почете, через искушение дьявола я составила это признание с целью уничтожить свою собственную жизнь, будучи усталой от нее и желая скорее умереть, чем жить; и так умерла". Эта печальная история, как тогда поразившая всех зрителей, ни один из которых не мог сдержать слез, так и сейчас может стать для всех демонстрацией сатанинской хитрости, чей замысел по-прежнему состоит в том, чтобы погубить всех, отчасти искушая многих самонадеянностью, а других - унынием. Все это подтверждается свидетельством очевидца, который еще жив, верного служителя Евангелия.

Х. - Правдивое повествование о барабанщике из Тедворта.

В 1661 году, примерно в середине марта, некий джентльмен по имени мистер Момпессон из графства Уилтс, находясь в соседнем городе под названием Ладгаршал и услышав там барабанный бой, заинтересовался у городского бейли, в доме которого он тогда находился, что это значит. Бэйли рассказал ему, что уже несколько дней их беспокоит праздный барабанщик, который требует у констебля деньги по притворному пропуску, который, по его мнению, был поддельным. Мистер Момпессон послал за этим парнем и спросил его, на каком основании он ходит по деревне со своим барабаном? Барабанщик ответил, что у него хорошие полномочия, и предъявил свой пропуск с ордером, выданным сэром Уильямом Коули и полковником Эйлиффом из Критенама. Мистер Момпессон, зная руки этих джентльменов, обнаружил, что пропуск и ордер поддельные, после чего велел бродяге отложить барабан и поручил констеблю доставить его к ближайшему мировому судье для дальнейшего разбирательства и наказания. Парень признался в обмане и попросил только отдать ему барабан. Мистер Момпессон сказал ему, что если он узнает от полковника Эйлиффа, чьим барабанщиком он себя назвал, что был честным человеком, то получит его снова; а пока он будет его охранять. Так он оставил барабан у бейли, а барабанщик в руках констебля, которого, судя по всему, уговоры парня отпустили. Примерно в середине апреля, когда мистер Момпессон готовился к путешествию в Лондон, бейли отправил барабан к нему домой. Когда он вернулся из этого путешествия, жена рассказала ему, что ночью их сильно напугали воры, и дом был словно разгромлен; он не был дома более трех ночей, когда раздавался тот же шум, который беспокоил семью в его отсутствие. Это был очень сильный шум и стук в двери и снаружи дома. Тогда он встал и пошел по дому со скобой пистолетов в руках. Он открыл дверь, в которую сильно стучали, а затем услышал шум за другой дверью. Он открыл и ее, обошел вокруг дома, но ничего не обнаружил, только услышал странный шум, похожий на стук и барабанный бой по крыше дома, который продолжался довольно долго, а затем постепенно угас. После этого шум стука и барабанного боя стал очень частым, обычно пять ночей подряд, а затем он прерывался на три. Он раздавался с наружной стороны дома, который большей частью был дощатым. Он постоянно возникал, когда они

ложились спать, рано или поздно. После месяца беспокойства без него, оно приходило в комнату, где лежал барабан, четыре или пять ночей из семи, в течение получаса после того, как они ложились спать, и продолжалось почти два часа. Признаком его появления было то, что они еще слышали метание в воздухе над домом, а при его исчезновении - удары барабана, похожие на те, что раздаются при снятии караула. Оно продолжалось в комнате в течение двух месяцев, и мистер Момпессон лежал там, наблюдая за ним. В первой половине ночи он доставлял много хлопот, но через два часа все стихало - когда миссис Момпессон укладывали в постель, в ту ночь, когда она была в путешествии, шума почти не было, и не было в течение трех недель после, пока она не восстановила силы. Но после того, как все стихло, он вернулся в более грубой форме, чем прежде, и преследовал и издевался над младшими детьми, избивая их кровати с такой силой, что все присутствующие ожидали, когда они разлетятся на куски. Прикладывая к ним руки, человек не чувствовал ударов, но мог заметить, что они сильно трясутся. В течение часа все вместе били в барабан: и круглоголовые, и рогоносцы, и тат-ту, и другие военные моменты, как только мог барабанщик. После этого они слышали, как под детской кроватью заскрежетало что-то железными когтями. Оно поднимало детей в кроватях, ходило за ними из одной комнаты в другую и некоторое время не преследовало никого, кроме них. В доме был петушиный чердак, где не наблюдалось беспокойства, и они перенесли туда детей, уложив их спать, пока был ясный день, где они не успели лечь, а беспокойник был с ними, как и прежде. 1 ноября 1662 года он сильно шумел; и слуга, заметив в детской комнате две доски, которые, казалось, двигались, попросил дать ему одну из них; на что доска подошла (ничто не двигало ее, как он видел) на расстояние ярда от него. Он добавил: "Нет, дайте мне ее в руки", - после чего она закрылась перед ним; он отбросил ее назад, и она снова придвинулась к нему, и так вверх и вниз, туда и сюда, не менее двадцати раз вместе, пока мистер Момпессон не запретил своему слуге такие фамильярности. Это происходило в дневное время, и его видела целая комната: в то утро он оставил после себя сернистый запах, который был очень неприятен. Вечером в дом пришли с визитом служитель, мистер Крейг и другие соседи. Священник вместе с ними отправился на молитву, стоя на коленях у кровати детей; во время молитвы он удалился на чердак, но вернулся, как только молитва закончилась; затем, на глазах у всех, стулья сами собой зашагали по комнате; детские ботинки были сброшены через голову, и все свободные вещи перемещались по комнате. В то же время в министра бросили посох, который ударил его по ноге, но так удачно, что шерсть не могла бы упасть более мягко; и было замечено, что он остановился именно там, где загорелся, не скатываясь и не двигаясь с этого места. Мистер Момпессон, видя, что она так мучает маленьких детей, поселил их у соседей, а свою старшую дочь, которой было около десяти лет, взял в свою собственную комнату, где она не была месяц. Как только она легла в постель, там снова начался переполох, продолжая барабанить и издавать звуки; и было замечено, что он в точности отвечает барабанным боем на любую вещь, которую бьют или призывают. После этого в доме, где жили дети, оказалось много чужих людей, их отвели домой, и, не обнаружив в гостиной никаких беспорядков, поселили там, где их и нашел их преследователь; но потом только вырвал им волосы и ночную одежду, не причинив никакого другого беспокойства.

Было замечено, что когда шум был самым громким, ни одна собака в доме не шелохнулась, хотя стук часто был таким бурным и грубым, что его было слышно на значительном расстоянии в полях, и он разбудил соседей в деревне, ни один из которых не живет близко к дому. Слуг иногда приподнимали вместе с кроватью, а затем осторожно опускали без вреда для здоровья; в других случаях она ложилась на ноги, как огромная тяжесть.

Примерно в конце декабря 1662 года барабанный бой стал реже, а затем они слышали шум, похожий на позвякивание денег, вызванный, как полагали, тем, что мать мистера Момпессона накануне говорила соседу, который говорил о феях, оставляющих деньги, а именно: что ей бы очень понравилось, если бы она оставила немного денег в качестве компенсации за их неприятности. В ночь после этих слов по всему дому раздался сильный звон денег. После этого она перестала шуметь и занялась более простыми и менее хлопотными проделками. На Рождество, чуть раньше дня, один из мальчиков, встав с постели, ударился пяткой о защелку двери; шпилька, которой она была прикреплена, была так мала, что выковырять ее было непросто. В ночь после Рождества оно разбросало по комнате одежду старой джентльменши и спрятало ее библию среди пепла. На такие глупые проделки оно шло часто. После этого оно доставило немало хлопот слуге мистера Момпессона, который был крепким парнем и вел трезвый образ жизни. Этот человек лежал внутри во время величайших беспорядков; и в течение нескольких ночей что-то пыталось сорвать его одежду с кровати, так что ему приходилось сильно напрягаться, чтобы удержать ее на себе, а иногда ее срывали с него силой и бросали ему на голову башмаки. То и дело он обнаруживал, что его насильно держат, как будто он связан по рукам и ногам; но всякий раз, когда он мог воспользоваться своим мечом и нанести им удар, дух покидал его. Через некоторое время после этих состязаний в дом пришел сын сэра Томаса Беннета, чьим работником иногда был барабанщик, и сказал мистеру Момпессону несколько слов, которые тот произнес и которые, похоже, были восприняты не лучшим образом. Когда они лежали в постели, барабан забил очень сильно и громко; джентльмен встал и позвал к себе своего человека, который лежал со слугой мистера Момпессона, о котором только что говорилось, и которого звали Джон. Когда человек мистера Беннета ушел, Джон слышал шум в своей комнате, и что-то придвинулось к его постели, как будто это был человек в шелке. Вскоре мужчина потянулся за своим мечом, который, как он обнаружил, был у него в руках; с трудом и большими усилиями он получил его в свои руки; как только он это сделал, дух покинул его; и всегда замечали, что он по-прежнему избегает меча. Примерно в начале января 1663 года в дымоходе слышалось пение, прежде чем он опустился вниз... Однажды ночью, примерно в это время, в доме появились огни. Один из них появился в комнате мистера Момпессона, он казался голубым и мерцающим и вызывал неподвижность в глазах тех, кто его видел. После этого было слышно, как что-то поднимается по лестнице, словно человек без обуви. В детской комнате свет видели четыре или пять раз, и служанки с уверенностью утверждают, что двери открывались и закрывались на их глазах не менее десяти раз, а когда их открывали, то слышали шум, как будто полдюжины человек вошли вместе. После этого было слышно, как некоторые ходят по комнате, а один взъерошился, словно был в шелках. Подобное однажды слышал и сам мистер Момпессон. Во время стука, когда многие присутствовали, один джентльмен из компании сказал: "Сатана, если барабанщик заставил тебя работать, дай три стука и не больше"; что он и сделал, причем очень отчетливо, и остановился. Тогда джентльмен постучал, чтобы посмотреть, ответит ли она ему, как это было принято, но она не ответила. Для дальнейшего испытания он попросил его подтвердить: "Если это барабанщик, то в эту ночь он должен постучать пять раз и больше не стучать"; что он и сделал, и оставил дом в тишине на всю ночь. Это было сделано в присутствии сэра Томаса, камергера Оксфордшира, и многих других. -В субботу утром за час до дня, 10 января, было слышно, как барабан бил по наружным сторонам палаты мистера Момпессона, с , откуда он отправился в другой конец дома, где лежали несколько незнакомых джентльменов, играя у их двери и без, четыре или пять нескольких мелодий, и так уходил в воздух.-На следующую ночь, когда кузнец в деревне лежал с Джоном, они слышали шум в комнате, как будто кто-то подковывал лошадь; и несколько человек пришли, как будто с парой щипцов, и большую часть ночи щипали кузнеца за нос.-Однажды утром

мистер Момпессон, поднявшись рано, чтобы отправиться в путь, услышал внизу, где лежали дети, сильный шум; сбегав вниз с пистолетом в руке, он услышал голос, кричавший: "Ведьма, ведьма, ведьма", как они уже слышали однажды; когда он вошел, все было тихо. В это время в кровати раздались три вида шума. Они попытались уколоть его мечом, но оно все еще двигалось и старательно избегало уколов, но при этом проникало под ребенка, когда они предлагали его. На следующую ночь он пришел, пыхтя, как запыхавшаяся собака; тогда одна из них взяла палочку, чтобы постучать, но та была выхвачена из ее рук и отброшена прочь: компания поднялась, и комната сразу же наполнилась дурманящим шумным запахом, и было очень жарко, хотя и без огня, в очень резкую суровую зимнюю ночь. Он пролежал на кровати, пыхтя и царапаясь, часа полтора, а потом перешел в соседнюю комнату, где немного постучал и, казалось, погромел цепью. Так продолжалось две или три ночи подряд.

После всего этого в пепле была найдена Библия старой джентльменши, причем бумажной стороной вниз. Мистер Момпессон поднял ее и заметил, что она лежит открытой на третьей главе Евангелия от Марка, где говорится о нечистых духах, падающих перед Спасителем, и о том, что он дал двенадцати власть изгонять бесов, а книжники считают, что он изгонял их через Вельзевула. На следующую ночь они разбросали пепел по комнате, чтобы посмотреть, какие впечатления он оставит. Утром они обнаружили в одном месте подобие большого когтя, в другом - меньшего, в третьем - какие-то буквы, которые они никак не могли разобрать, а также множество кругов на пепле. - Примерно в это время (говорит мой автор) я отправился в дом, чтобы выяснить истинность тех отрывков, о которых так громко говорили. До моего прихода он прекратил барабанный бой и более грубые звуки, но большинство более примечательных обстоятельств, о которых шла речь, были подтверждены мне несколькими соседями, присутствовавшими при них. В это время он преследовал детей, как только их укладывали. В ту ночь они спали, я был там около восьми часов, когда служанка, спустившись, сказала нам, что он пришел. Соседи, которые были там, и два священника, которые видели и слышали это много раз, ушли, но мистер Момпессон и я, и джентльмен, который пришел со мной, поднялись; я услышал царапанье, которое было очень странным, когда я поднимался по лестнице; и когда мы вошли в комнату, я увидел, что оно было прямо за задвижкой детской кровати, и казалось, что оно было против тикинга. Это было такое громкое царапанье, какое только может издавать человек с длинными ногтями. В кровати лежали две маленькие скромные девочки, лет семи-одиннадцати, как я догадался; я видел их руки без одежды, так что они не могли способствовать шуму, раздававшемуся у них за головой; они привыкли к этому, с ними всегда кто-нибудь был в палате; Я, стоя у изголовья кровати, засунул руку за засов, направив ее туда, откуда, казалось, доносился шум; после этого шум прекратился и раздался в другой части кровати; но когда я убрал руку, он вернулся и раздался в том же месте, что и раньше. Мне сказали, что оно будет имитировать звуки, и я попробовал, нацарапав на простыне несколько раз "пять", "семь" и "десять", за чем оно и последовало, но все равно останавливалось на любом числе. Я обыскал все под кроватью и за ней, развернул одежду на веревках, ухватился за засов, простучал стену сзади и сделал все возможные поиски, чтобы выяснить, нет ли здесь какой-нибудь хитрости, уловки или общей причины; то же самое сделал и мой друг, но мы ничего не смогли обнаружить. Так что я был тогда искренне убежден, и до сих пор, что шум производил какой-то деймон или дух. После того как мы искали около получаса или больше, он забрался в середину кровати, под детей, и там, казалось, очень громко задышал, как собака: Я положил руку на это место и почувствовал, что кровать упирается в него, как будто что-то внутри подталкивает ее вверх; я схватил перья, чтобы почувствовать, нет ли в них живого существа; я посмотрел под кроватью и везде вокруг, чтобы увидеть, нет ли в комнате собаки, кошки или любого другого существа, и так мы все делали, но ничего не нашли. Движение, вызванное этим пыхтением, было настолько сильным, что очень ощутимо трясло комнату и окна; оно продолжалось

более получаса, пока я и мой друг оставались в комнате, и столько же после, как нам сказали. Во время задыхания я случайно увидел, как что-то (я подумал, что это крыса или мышь) шевелится в льняном мешке, который висел на другой кровати, стоявшей в комнате; я шагнул и подхватил его за верхний конец одной рукой, которой держал его, и протянул через другую, но ничего в нем не обнаружил. Поблизости не было никого, кто мог бы потрясти мешок, а если бы и был, то никто не смог бы сделать такого движения, которое, казалось, исходило изнутри, как будто в нем шевелилось какое-то живое существо. Мы с другом легли в той палате, где было первое и главное волнение; всю ночь мы спали спокойно, но рано утром меня разбудил (и я разбудил моего товарища) сильный стук прямо у дверей нашей палаты; я несколько раз спрашивал, кто там, но стук продолжался без ответа. Наконец я сказал: "Во имя Бога, кто это и что вы хотите?", на что голос ответил: "Ничего с вами". Мы подумали, что это кто-то из слуг дома, и снова легли спать; но, когда мы спустились к мистеру Момпессону, он заверил нас: "Никто из дома не лежал в той стороне и не имел там дел, а его слуги не вставали, пока он их не позвал, а это было уже после полудня". Они подтвердили и заявили, что шум производили не они. Мистер Момпессон уже говорил нам, что "он уходил среди ночи и снова приходил несколько раз рано утром около четырех часов", и это, я полагаю, было примерно в то же время. Однажды утром в детской комнате появился свет, и голос кричал: "Ведьма, ведьма", и так не менее ста раз. Мистер Момпессон в другой раз (это было днем), увидев, что какое-то дерево шевелится, как бы само собой, выстрелил в него из пистолета, после чего они нашли несколько капель крови на очаге и в разных местах лестницы: Две или три ночи после выстрела из пистолета в доме было спокойно, но потом оно снова пришло, набросившись на маленького ребенка, недавно взятого у кормилицы, которого оно так преследовало, что не давало бедному младенцу покоя две ночи подряд, не позволяло зажечь свечу в комнате, а уносило их зажженными через дымоход или бросало под кровать. Оно так напугало ребенка, прыгнув на него, что он несколько часов не мог прийти в себя от испуга, так что они снова были вынуждены вывести детей из дома. На следующий день около полуночи нечто поднялось по лестнице и постучалось в дверь мистера Момпессона, но он лежал неподвижно, тогда оно поднялось по другой лестнице в комнату своего человека, которому оно показалось стоящим у изножья его кровати. Точную форму и пропорции он не смог определить, но говорит: "Он видел огромное тело с двумя красными светящимися или сверкающими глазами, которые некоторое время неотрывно смотрели на него, а потом исчезли". В другую ночь, когда присутствовали посторонние, оно мурлыкало в детской кровати, как кошка; в это время одежда и дети были подняты с кровати, и шесть человек не могли их удержать. Тогда они сняли детей, намереваясь разорвать кровать; их переложили в другую, но вторая кровать оказалась более беспокойной, чем первая; так продолжалось четыре часа, и оно било детей ногами о столбы кровати, так что они были вынуждены вставать и сидеть всю ночь; после этого оно опорожняло горшки в их кроватях и посыпало их пеплом из очага, хотя за ними никогда не следили так тщательно. В постель мистера Момпессона она положила длинную железку, а в постель его матери - обнаженный нож. Он наполнял пеплом порренджеры, разбрасывал по комнате все вещи и шумел весь день.

Примерно в начале апреля 1663 года у одного джентльмена, который лежал в этом доме, в кармане почернели все деньги. А мистер Момпессон, придя однажды утром в свою конюшню, обнаружил, что его лошадь, на которой он обычно ездил, лежит на земле, а одна из ее задних ног зажата во рту, да так крепко, что нескольким мужчинам было трудно вытащить ее с помощью рычага. После этого произошло еще несколько примечательных вещей, но дальше я не буду рассказывать; только мистер Момпессон написал мне, что "после этого дом несколько ночей был осажден семью или восемью людьми в форме мужчин, которые, как только раздавался выстрел, вместе уходили в беседку".

По этому случаю барабанщика судили на судебном процессе в Солсбери; сначала его отправили в Глостерскую тюрьму за кражу; и один уилтширец, придя к нему, спросил: "Какие новости в Уилтшире? Тот ответил: "Не знает". "Нет, - сказал барабанщик, - разве вы не слышали о барабанном бою в доме одного джентльмена в Тедворте?" "Достаточно", - ответил тот. "Да, - сказал барабанщик, - я его достал, и он никогда не успокоится, пока не принесет мне удовлетворение за то, что отобрал у меня барабан". Узнав об этом, парня судили за колдовство в Саруме, и все основные обстоятельства, о которых я рассказал, были подтверждены присягой священника прихода и многих других наиболее разумных и солидных жителей, которые были их свидетелями, раз за разом, в течение многих лет вместе. Парень был осужден на перевозку и, соответственно, отправлен прочь; но я не знаю, как (говорят, подняв бурю и напугав моряков) он добился того, что вернулся обратно. И надо заметить, что во все время его сдерживания и отсутствия в доме было тихо; но как только он возвращался на свободу, беспорядки возвращались. Он был солдатом при Кромвеле и много говорил о галантных книгах, которые у него были о странном парне, считавшемся волшебником. По этому случаю я добавлю здесь отрывок, который я получил (говорит мой автор) от мистера Момпессона, но который все же относится к основной цели.

Джентльмен, который был со мной в доме, мистер Хилл, находясь в компании с неким Комптоном из Сомерсетшира, практикующим врачом и претендующим на странные вещи, рассказал ему эту историю о расстройстве мистера Момпессона. Лекарь сказал ему: "Он уверен, что это не что иное, как сборище ведьм, и что за сто фунтов стерлингов он возьмется избавить дом от всех беспорядков". В продолжение этой беседы он говорил о многом; и, увлекшего моего друга в другую комнату, отдельно от компании, сказал: "Он может заставить его почувствовать, что может сделать нечто большее, чем обычно", и спросил, кого он желает видеть? Мистер Хилл не очень-то доверял своему собеседнику, жена которого в то время находилась за много миль от них в своем доме. На это Комптон поднял зазеркалье, стоявшее в комнате, и, опустив его, попросил моего друга посмотреть в него, что тот и сделал, и там, как он торжественно и серьезно заявил, он увидел точное изображение своей жены, в той привычке, которую она тогда носила, и работающей за иглой в такой части комнаты (там же представленной), в которой или около которой она действительно находилась, как он выяснил, придя в свой собственный дом. -Джентльмен сказал мне об этом, и он очень трезвый, умный и достойный доверия человек. Комптон не знал его раньше и был совершенно незнаком с личностью его жены. Таким образом, я изложил вкратце всю историю расстройств мистера Момпессона, которую (говорит мой автор) я почерпнул частично из его собственных уст перед разными людьми, которые были свидетелями всего и подтвердили его слова, а частично из его собственных писем, из которых взяты порядок и последовательность событий. Те же самые сведения он написал также доктору Криду, тогдашнему доктору кафедры в Оксфорде.

XI.- Дьявол из Гленлуса, дополненный несколькими примечательными дополнениями, полученными от очевидца и свидетеля, человека несомненной честности.

Это та знаменитая и примечательная история о дьяволе из Гленлуса, которую я опубликовал в своей "Гидростатике", Anno 1672, и которая с тех пор была переписана слово в слово одним ученым пером и опубликована в поздней книге под названием "Saducismus Triumphatus",

которую ничто, кроме ее истинности и пользы для опровержения атеизма, не могло убедить меня переписать. Итак, предметом этой истории является правдивый и краткий рассказ о неприятностях, в которых оказалась семья некоего Гилберта Кэмпбелла, по профессии ткача, в старом приходе Гленлус в Галлоуэе. Я не решился опубликовать ее *de novo* в этой книге, во-первых, потому, что она была затесана среди целей другого характера: но теперь я поместил ее на свое место. Далее, потому что эта история более полна, расширена новыми дополнениями, которых не было в первой, и заканчивается не так резко, как другая. -

Случилось, говорит мой информатор, сын Гилберта Кэмпбелла, который тогда учился философии в колледже Глазго, что после того, как некий Александр Агню, смелый и крепкий нищий, которого потом повесили в Дамфрисе за богохульство, пригрозил семье бедой, потому что не получал такой милостыни, какую требовал. Упомянутому Гилберту Кэмпбеллу часто мешали исполнять свое призвание, но он не мог понять, какими средствами это делается. Этот Агню, среди многих богохульных выражений, имел и такое, когда его допрашивали судьи: "Думает ли он, что есть Бог? Он ответил: "Он не знает Бога, кроме соли, муки и воды". Когда начались волнения, свист был слышен и в доме, и за его пределами. А Джанет Кэмпбелл, отправившаяся однажды к колодцу, чтобы принести домой воды, была сопровождена пронзительным свистом в ушах, который заставил ее сказать: "Хотела бы я услышать, как ты говоришь, а не свистишь". Тогда он угрожающе сказал: "Я брошу тебя, Джанет, в колодец". Голос был очень похож на голос девицы и действительно напоминал его до мелочей. Джентльменка, которая слышала это и была свидетельницей, подумала, что голос был очень близок к ее собственным ушам, и сказала: "Свист был такой, какой обычно издают дети своими маленькими тонкими стеклянными свистульками". Примерно в середине ноября этот злой изверг начал новые и необычные нападения, бросая камни в двери и окна, а также в дымоход, которых было огромное количество, и бросали их с силой; однако, по Божьему провидению, ни один человек в семье не пострадал. Это вынудило Гилберта Кэмпбелла открыть священнику прихода, а также другим соседям и друзьям то, что до сих пор он переживал втайне. Несмотря на это, его беда увеличилась, так как вскоре после этого он обнаружил, что часто его нити и основы перерезаются, как ножницами; и не только это, но и их одежда была перерезана таким же образом, даже когда они носили ее, их пальто, чепцы, рукава, обувь, но не могли понять, как или каким способом. Только Богу было угодно сохранить их лица, чтобы не было причинено ни малейшего вреда. Однако ночью они не могли спокойно спать: что-то приходило и срывало с них постельное белье и одежду, оставляя их тела обнаженными. Затем открывали их сундуки и сундучки, и все находившиеся в них вещи набивали соломой тут и там. Также уносили и прятали в норах и скважинах дома те части их рабочих инструментов, которые уцелели, и едва ли их можно было найти снова. Кроме того, какая бы ткань или домашняя утварь ни находилась в доме, ее уносили и так изрезали и издевались над ней, что добрый человек был вынужден со всей поспешностью и быстротой убрать и перевезти все остальное в дом соседа, а сам он был вынужден бросить свое занятие, которым он только и занимался, что содержал свою семью. Тем не менее он решил оставаться в своем доме еще какое-то время; в это время некоторые люди, не очень благоразумные, советовали ему посылать своих детей из семьи то туда, то сюда, чтобы проверить, кого больше всего преследует беда, уверяя его, что его беда не против всей семьи, а против того или иного человека в ней, которому он с готовностью подчинился. Однако в течение четырех или пяти дней не было никаких заметных нападений, как прежде. Услышав об этом, служитель указал ему на пагубность такого поведения и заверил, что если он не раскается и не вернет своих детей, то не может рассчитывать, что его беда закончится благополучно. Дети, которые были поблизости, были возвращены домой, и никаких проблем не было, пока один из его сыновей по имени Томас, который был дальше всех, не вернулся домой. Тогда дьявол начал действовать с новой силой, ибо на следующий день Господень,

после полудня, дом был подожжен, но благодаря помощи соседей, возвращавшихся домой с проповеди, огонь был потушен, а дом спасен, не понеся большого ущерба. -Ткач, измученный и усталый день и ночь, отправился к приходскому священнику, честному и благочестивому человеку, прося его позволить сыну Томасу пожить у него некоторое время; тот смиростивился, но при этом заверил его, что он окажется обманутым; И так оно и случилось, ибо, несмотря на то, что отрок был без семьи, оставшиеся в ней были сильно обеспокоены, как днем, так и ночью, так что они были вынуждены бодрствовать до полуночи, а иногда и всю ночь, и за это время люди в семье понесли много потерь, как то: с них срезали одежду, бросали торф, срывали дерн и феал с крыши и стен дома, крали их одежду и кололи их плоть и кожу булавками. -Некоторые священнослужители, собравшись в этом месте для торжественного унижения, убедили Гилберта Кэмпбелла вернуть своего сына Томаса, несмотря ни на какие опасности, которые могут последовать: Мальчик, вернувшись домой, утверждал, что слышал голос, говоривший с ним, запрещавший ему входить в дом или в любое другое место, где осуществлялось призвание его отца; все же он вошел, но подвергся жестокому издевательству, пока не был вынужден снова вернуться в дом священника. В понедельник, 12 февраля, остальные члены семьи стали слышать голос, говоривший с ними, но не могли понять, откуда он исходит; однако с вечера до полуночи вели с сатаной слишком много пустых разговоров и задавали множество праздных и дерзких вопросов, не испытывая должного страха Божьего, который должен был бы охватить их дух при столь редком и необычном испытании; в конце концов они вступили в привычную беседу с мерзким вором, так что уже не боялись вести с ним перепалку, чем говорить друг с другом. Этим они доставили ему большое удовольствие, ибо он не желал ничего лучшего, чем приносить ему жертвы. Услышав об этом, священник отправился в дом во вторник, сопровождаемый несколькими джентльменами, Джеймсом Бейли из Карфина, Александром Бейли из Данраггеда, мистером Робертом Хэем и джентльменшей по имени миссис Дуглас, которую сопровождала жена священника. Когда они только вошли, дьявол сказал: "Quam Literarum - хорошая латынь"; это первые слова латинских зачатков, которым учат ученых, когда они поступают в гимназию; он снова крикнул: "собака". Священник, думая, что это он ему сказал, сказал, что ему не обидно, что его поносит сатана, так как его учитель прошел этот путь раньше него. Сатана ответил: "Не с вами, господин, я говорил, я имел в виду вон ту собаку", ибо за спинами стояла собака. Покончив с этим, они все отправились на молитву; по окончании которой из-под кровати послышался голос, говоривший из-под земли на соответствующем деревенском наречии, которое он в точности подделал, говоря: "Хотите знать ведьм из Гленлуса? Я расскажу вам о них"; и так он назвал имена четырех или пяти человек, о которых ходила дурная слава; ткач сообщил компании, что один из них давно умер. Дьявол ответил и сказал: "Правда, она давно умерла, но дух ее живет с нами в этом мире". Служитель ответил: "Господь обличил тебя, сатана, и заставил тебя замолчать; мы не должны получать от тебя информацию о том, под какой славой кто-либо находится; ты стремишься лишь обольстить эту семью, ибо царство сатаны не разделяется само на себя". После этого все снова перешли к молитве, которая закончилась, так как во время молитвы не было ни шума, ни неприятностей, разве что однажды на расстоянии послышался громкий страшный крик; дьявол угрожал и пугал мальчика Тома, который вернулся в тот день со служителем, "что если он не уйдет из дома, то подожжет все". Священник сказал: "Господь сохранит дом и парня тоже, ведь он один из семьи и имел Божье разрешение оставаться в нем". Изверг ответил: "Он не получит свободы оставаться в доме; его уже раз изгоняли, и он не останется здесь, хоть я буду преследовать его до конца света". Служитель ответил: "Господь прекратит твою злобу на него". И тогда они все снова приступили к молитве; закончив ее, дьявол сказал: "Дай мне лопату и заступ и отойди от дома на семь дней, и я сделаю могилу и лягу в нее, и больше не буду тебя беспокоить". Добряк ответил: "С Божьей

помощью тебе не дадут и соломинки, хотя это и будет сделано". Служитель также добавил: "Бог удалит тебя в свое время". Дух ответил: "Я не уйду за тебя; у меня есть поручение от Христа, чтобы оставаться и досаждать этой семье". Служитель ответил: "Разрешение у тебя действительно есть, но Бог прекратит его в свое время". Дьявол ответил: "У меня, сэр, есть поручение, которое, возможно, продлится дольше, чем ваше собственное". Священник умер в 1655 году, в декабре. Дьявол сказал им, "что он отдал свое поручение Тому, чтобы тот его выполнил". Компания поинтересовалась у парня, и он сказал: "Ему что-то положили в карман, но оно не задерживалось".

После этого служитель и джентльмены встали и пошли к тому месту, откуда, казалось, исходил голос, чтобы попытаться увидеть или найти что-нибудь. После усердных поисков, ничего не найдя, джентльмены стали говорить: "Мы думаем, что этот голос говорит от детей, потому что некоторые из них лежали в своих кроватях". Дух ответил: "Ты лжешь, и Бог будет судить тебя за твою ложь, а я и мой отец придем и заберем тебя в ад вместе с разбойниками-колдунами"; и тогда дьявол запретил джентльменам говорить что-либо, сказав: "Пусть говорит тот, у кого есть поручение (имеется в виду священник), ибо он слуга Божий". Джентльмены, вернувшись со служителем, сели возле того места, откуда, казалось, доносился голос; и он, открыв рот, сказал им так: "Господь обличит дух сей в свое время и изгонит его". Дьявол, отвечая, сказал: "В Евангелии от Марка, гл. ix, написано, что ученики не могли изгнать его". Служитель ответил: "Что не смогли сделать ученики, то Господь, укрепив веру родителя, ради Своей славы изгнал его, и так будет и с тобой". Дьявол ответил: "В Евангелии от Луки, глава IV, написано, что он отошел и оставил его на время". Служитель сказал: "Господь в дни Своего уничижения не только одержал победу над сатаной в том нападении в пустыне, но когда Он пришел снова, Его успех был не лучше: ибо написано, Иоанн xiv. Вот, князь мира сего приходит и ничего не имеет во Мне, и, будучи ныне во славе, исполнит обетование Свое, - и Бог сокрушит сатану под ногами вашими вскоре", Рим. xvi. Дьявол ответил: "Написано, Матф. xxv. Было десять дев, пять мудрых и пять юродивых, и когда пришел жених, юродивые не имели масла в светильниках своих и пошли к мудрым искать масла; а мудрые сказали: пойдите, купите себе; и когда они шли, пришел жених и вошел, и дверь затворилась, и юродивые девы были посланы в геенну огненную". Служитель ответил: "Господь знает искренность своих слуг, и хотя в нас есть грех и глупость, но в доме Давида открыт источник для греха и нечистоты; когда Он избавит нас от грехов наших ради имени Своего, Он изгонит нечистого духа из земли". Дьявол ответил и сказал: "Господин, тебе следовало бы привести для этого места Писания Зах. xiii. И он начал с первого стиха, повторил несколько стихов и закончил такими словами: "В тот день Я изведу пророка и нечистого духа из земли"; но после этого написано: "Я поражу пастыря, и овцы рассеются". Священник ответил и сказал: "Мы знаем, что наш благословенный пастырь был поражен и тем самым ушиб голову твою. И хотя в час Его страданий ученики Его оставили Его, Мф. xxvi. Но теперь, вознесшись на высоту, Он восседает во славе, и хранит, собирает и обращает руку Свою на малых Своих, и спасет бедных Своих в этой семье от злобы твоей". Священник отступил немного назад, и, стоя на полу, дьявол сказал: "Я не знал этих писаний, пока мой отец не научил меня им". Тогда священник призвал его рассказать, откуда он. Дьявол ответил, что он злой дух, пришедший из бездонной адской ямы, чтобы смутить этот дом, и что его отец - сатана". И вскоре появилась обнаженная рука, и рука от локтя вниз, и била по полу, пока дом не затрясся, и еще он издал самый страшный и громкий крик, говоря: "Поднимись, отец мой, поднимись; я пошлю отца моего к вам; видите, он за вашими спинами". Тогда служитель сказал: "Я видел руку и кисть, когда был нанесен удар, и услышал его". Дьявол сказал ему: "Видел ты это? Это была не моя рука, а моего отца; моя рука более черна в мочалке". "О (сказал Гилберт Кэмпбелл), чтобы я мог видеть тебя так же хорошо, как и слышать!" "Если вы хотите меня увидеть, - сказал вор, - потушите свечу, и я приду в дом, как

огненные шары. Я дам вам увидеть себя воистину". Александр Бейли из Данраггеда говорит слуге: "Пойдемте, посмотрим, нет ли там какой-нибудь руки". Дьявол ответил: "Нет, пусть он идет один; он хороший честный человек, его слову можно верить". Примерно в это же время дьявол издевался над мистером Робертом Хэем, очень честным джентльменом, очень злоязычным, называя его ведьмой и колдуном. Через некоторое время дьявол закричал (кажется, без всякой цели и без всякой цели): "Ведьма, ведьма, на руине сидит ведьма, уберите ее"; он имел в виду курицу, сидящую на стене дома. После этого все перешли к молитве, во время которой он молчал; когда молитва закончилась, дьявол ответил и сказал: "Если молитвы сына доброго человека в колледже Глазго не увенчались успехом у Бога, то мы с отцом уже натворили здесь бед". На что Александр Бейли из Данраггеда ответил: "Так, так, я вижу, ты признаешь, что Бог есть, и что молитва побеждает его; поэтому мы должны молиться Богу и поручить это событие ему". На что дьявол ответил: "Да, сэр, вы говорите о молитве в своей широкополой шляпе, (так как джентльмен недавно приобрел шляпу по моде с широкими губами) я принесу от отца ножницы, которые немного подрежут губы". И тут ему привиделось, что он слышит и чувствует, как ножницы обхватывают его шляпу, и он поднял ее, чтобы посмотреть, не посягнул ли на нее нечистый вор.

За это время произошло еще несколько событий, но менее значительных: он хотел, чтобы Том стал купцом, Роб - кузнецом, Джон - священником, а Хью - адвокатом, и все это в какой-то мере сбылось. Что же касается Джанет, дочери хозяина, то он обратился к ней со словами: "Джанет Кэмпбелл, Джанет Кэмпбелл, не бросишь ли ты мне свой пояс?". А она ему: "Что ты сделаешь с моим поясом?" "Я бы хотел (говорит он) скрепить им свои расшатанные кости". Младшая дочь, сидевшая за маками, как обычно делают молодые девушки, получила угрозу от изверга, что он вырвет у нее рожки, то есть мозги, и ответила, ничуть не обеспокоившись: "Нет, если Бог будет впереди"; и снова принялась за работу. Добрая хозяйка дома вынесла хлеб и стала ломать его, чтобы дать каждому из компании по кусочку. Он кричит: "Гризель Вилли, Гризель Вилли, дай мне кусок этого твердого хлеба (так они называют свои овсяные лепешки), я ничего не получил за этот день, только немного от Маррит", то есть, как говорят в той стране, Маргарет. Священник сказал: "Остерегайтесь этого, ибо это жертвоприношение дьяволу". Девушку позвали и спросили, давала ли она ему черствый хлеб? "Нет, - говорит она, - но когда я ела сегодня утром свой кусок, что-то пришло и выхватило его у меня из рук".

Вечер был уже далеко, и было решено, что каждый должен разойтись по своим домам. Тогда дьявол страшно закричал: "Не пускайте слугу домой, я сожгу дом, если он уйдет"; и многими другими способами он угрожал. После того как слуга ушел, Гилберт Кэмпбелл очень долго упрашивал его задержаться, после чего тот вернулся, а все остальные отправились домой. Когда он вошел в дом, дьявол разразился хохотом. "Теперь ты, господин, выполнил мою просьбу". "Не твое, - ответил тот, - но в послушании Богу я вернулся, чтобы составить компанию этому человеку, которого ты страшась". Тогда священник воззвал к Богу. И когда молитва закончилась, он велел ткачу и всем членам семьи сказать дьяволу слово, а когда он скажет, пусть они только встанут на колени и помолятся Богу. Тогда дьявол сильно зарычал и воскликнул: "Что вы, не хотите говорить со мной? Я буду бить детей и делать всякие пакости". Но после этого ему ничего не ответили, и долгое время не было слышно речи. Несколько раз он бил детей в их кроватках, и хлопки его мочалки по ягодицам были слышны, но не причиняли им никакого вреда. Когда министр и джентльмены стояли у двери, собираясь идти домой, жена министра и добрая жена были внутри; тогда Сатана закричал: "Гризель, потуши свечу". Говорит она жене священника: "Мне это сделать?" "Нет, - говорит та, - ибо тогда ты будешь слушаться дьявола". На это он снова кричит, уже громче: "Погасите свечу". Свеча продолжает гореть. В третий раз он кричит: "Погасите свечу"; но, не получив послушания, он так часто повторял эти слова и повышал голос, что его было

удивительно слышать, отчего они затыкали уши: им казалось, что звук раздается прямо у них над ухом; наконец свеча была потушена. "Теперь, - говорит он, - я больше не буду беспокоить вас этой ночью". Здесь я должен вставить то, что слышал от одного из служителей пресвитерии, который вместе с остальными был назначен собраться в доме ткача для молитвы и других занятий такого рода. Когда настал день, собрались только пятеро; но прежде чем войти, они некоторое время постояли в крофте, который находится вокруг дома, раздумывая, что делать. Они решили решить две вещи: во-первых, не должно быть никаких слов заклинания, как повеление ему от имени Бога сказать, где он находится, или уйти из семьи; для этого, как они думали, у них не было призыва от Бога. Во-вторых, чтобы, когда дьявол заговорит, никто не отвечал ему, а продолжал поклоняться Богу и выполнять обязанности, к которым они были призваны. Когда все они по очереди помолились, а трое из них произнесли пару слов из Писания, они снова помолились, а затем закончили без всякого беспокойства. Когда тот брат, который сообщил мне об этом, вышел, один из компании, Хью Нисбет, побежал за ним, желая, чтобы он вернулся, потому что он начал свистеть. "Нет, - говорит тот, - я оставался до тех пор, пока Бог призывал меня; но заходить снова я не стану". После этого Гилберт понес большие потери, у него было много печальных ночей, не было двух свободных ночей за неделю, и так продолжалось до апреля. С апреля по июль он получил некоторую передышку и облегчение, но после этого к нему стали приставать с новыми нападениями; даже их пища была так израсходована, что семья была в опасности умереть с голоду, а то, что они ели, не доставляло им обычного удовольствия, которое они обычно находили.

В этой тяжелой и печальной ситуации Гилберт Кэмпбелл решил обратиться к синоду пресвитеров за советом и рекомендацией, как поступить, который был назначен к созыву в октябре 1655 года, а именно: оставить ли дом или нет? Синод своим комитетом, назначенным собраться в Гленлусе в феврале 1656 года, счел нужным провести торжественное умиление во всех пределах синода; и, среди прочих причин, просить Бога от имени этой страдающей семьи; что и было тщательно сделано, но в результате до апреля его проблемы становились все меньше, а с апреля по август он был полностью свободен. Примерно в это время дьявол начал новые нападения; взяв готовое мясо, которое было в доме, он иногда прятал его в дырах у дверных столбов, в другое время прятал его под кроватями, иногда среди постельного белья и под веревками, и наконец унес его совсем, пока там не осталось ничего, кроме хлеба и воды. - В подтверждение сказанного мне вспомнилась одна небольшая история: однажды утром у доброй жены, готовившей похлебку для детского завтрака, быстро выхватили тарелку из дерева, на которой лежало блюдо. "Ну-ка, - говорит она, - дайте мне мою тарелку". И тут же она полетела на нее, не дав ничего сделать. Как будто, если бы она тоже искала еду, она могла бы ее получить: Такова его вежливость, когда к нему обращаются с просьбой: малая дань порадует его раньше, чем он захочет получить все. После этого он проявил свою злобу и жестокость ко всем членам семьи, утомляя их по ночам, перемещаясь по дому, так что они не имели покоя от шума, и так продолжалось весь август месяц. После этого дьявол стал еще хуже, ревя и пугая их, бросая камни, ударяя их шестами по постели в ночное время. И (18 сентября) около полуночи он закричал громким голосом: "Я сожгу этот дом". И примерно через три или четыре ночи после этого он поджег одну из кроватей, которая вскоре была потушена без какого-либо ущерба, кроме самой кровати... Таким образом, я написал краткий и правдивый отчет обо всех существенных событиях, которые произошли. Чтобы описать каждую деталь, особенно менее значимую, пришлось бы заполнить большой том. Добрый человек прожил несколько лет после этого в том же доме; и, похоже, с помощью какого-то колдовства или чего-то еще дьявол был изгнан и дал ткачу мирное жилище. Этот ткач был очень старым человеком, который так долго терпел эти чудесные волнения".

XII.- Нетерпеливая *мать Джексон со своим колдовством.*

В этой истории столько достоверности, сколько не может быть ни в одной человеческой истории. Автор, написавший ее, - известный служитель Евангелия, и она подтверждена известными свидетелями. Эта женщина была привлечена к суду и осуждена в Ньюгейте за околдовывание Мэри Гловер, дочери торговца с Темз-стрит. Некий доктор Бонкрафт сообщил судье Андерсону, тогдашнему лорду верховному судье, что упомянутая мать Джексон была обманута, а служанка совершила подделку; после чего лорд верховный судья отдал приказ сэру Джону Круку, тогдашнему регистратору Лондона, устроить над ними суд в его палате в Темпле. За служанкой послали, и она пришла со своей матерью и разными соседями; а примерно через час после этого послали за ведьмой, и ее привели, переодетую в деревенскую торговку, с муфтой, скрывающей лицо, в старой шляпе и коротком плаще, забрызганном трясинной. Когда она вошла в комнату, служанка вдруг упала на пол спиной вперед, глаза ее были втянуты в голову, язык прижат к горлу, рот прижат к уху, тело окоченело и потеряло чувствительность. Губы ее были сомкнуты, из ноздрей вырвался отчетливый голос: "Повесьте ее, повесьте ее". Тогда регистраторша позвала свечу и лист бумаги и поднесла горящую бумагу к руке, пока рука ее не покрылась волдырями; волдырь лопнул, и полилась вода, которая капала на пол; служанка лежала неподвижно и бесчувственно, как мертвое тело, а из ее ноздрей доносился голос: "Повесить ее, повесить ее". Тогда регистратор взял длинную булавку, которую держал в пламени свечи, пока она не раскалилась добела, и воткнул ее головку в ноздри, чтобы посмотреть, не заставит ли это ее чихнуть, моргнуть, изогнуть брови или пошевелить головой, чего она не сделала, но лежала неподвижно, как мертвая и бесчувственная. Затем я рассказал регистратору (по словам моего автора), что часто молился со служанкой, и когда я заканчивал молитву Господню, служанка, как только я говорил "но избавь нас от зла", поднималась и тряслась, как будто собака-мастиф брала в пасть маленького карлика и трясла его. Затем регистратор велел ведьме произнести молитву Господню, что она и сделала, пока не дошла до этих слов "но избавь нас от зла", которые она пропустила и никак не могла заставить себя произнести их. Затем ее заставили повторить пункты христианской веры, что она и делала, пока не дошла до этих слов "Господь наш", то есть Иисус Христос - наш Господь. Я также рассказала регистратору, что когда служанка находилась в беспамятстве и мертвых судорогах, стоило ведьме только положить на нее руку, как она поднималась на ноги и бросалась к ней. Тогда регистратор велел взять служанку и положить на кровать, а на нее накинуть одежду, особенно на голову, потому что она не должна была ни видеть, ни слышать. Затем он сделал знак женщинам встать вокруг кровати, а ведьме - среди них, и чтобы каждая тихонько положила на нее руки, что они и сделали; служанка не шевелилась, пока ведьма не положила на нее руку, тогда все одежды были сброшены, и служанка встала к ней. Тогда регистратор, взглянув на ведьму, сказал: "Господи, помилуй тебя, женщина!" и отправил ее в Ньюгейт. Как только она ушла, голос, исходивший из ноздрей служанки, прекратился, она пришла в себя и отправилась домой с матерью. Примерно через три недели или месяц после осуждения ведьмы служанка продолжала каждый второй день испытывать самые странные и страшные приступы и мучения. Регистратор, услышав об этом, обвинил меня и всех служителей Лондона и сказал мне, чтобы мы все стыдились видеть дитя Божье в когтях дьявола, без всякой надежды на избавление, но с помощью таких средств, какие назначил Бог, а именно поста и молитвы. Через несколько дней после этого Богу было угодно сделать меня инструментом, чтобы собрать вместе пять служителей и других добрых христиан, чтобы

они выделились и присоединились ко мне в этом святом упражнении, в котором мы пребывали с утра до зажжения свечей. И вдруг, после страшного столкновения, которое сильно поразило некоторых и заставило их сбивчиво кричать: "Иисус, спаси, Иисус, помоги", служанка встала с палочного стула, на котором сидела, и с силой подняла меня на руки. Я стояла на коленях позади нее и держала ее на руках, а она, извергая белую пену из горла и рта, металась по палате и вдруг упала в кресло, как настоящая мертвая: голова ее свесилась вниз, шея и руки обмякли и обмякли, а до этого были неподвижны, как замороженные; потом вдруг жизнь вошла во все ее тело, и глаза, втянутые в голову, и язык, втянутый в горло, встали на свои места. Тогда она с радостным лицом оглядела всю палату и громким голосом проговорила: "О, Он пришел, Он пришел, Утешитель пришел, Утешитель пришел, я избавлена!" Ее отец, услышав эти слова, заплакал от радости и прерывающимся голосом сказал: "О, это слова ее деда, когда он был на костре, и огонь трещал вокруг него". Похоже, он умер мучеником во времена королевы Марии. Затем она опустилась на колени и принесла сладкую вечернюю жертву благодарности и хвалы Богу за свое избавление, пока ее голос не ослабел. Тогда священник сказал ей, чтобы она воздержалась, и пусть один из них закончит день благодарением. И поскольку я (сказал служитель) начал день с молитвы, компания пожелала, чтобы я закончил его благодарением. Это было сделано, и о ней позаботились, чтобы отдать ее на год какому-нибудь служителю, чтобы сатана не напал на нее снова; и, по общему согласию, ее отдали мне, и я взял ее к себе домой, чтобы она была моей служанкой на это время, и ее мать и сестру, и поселил их в своем доме в большом Сент-Эленс, где я тогда жил. Эта история была опубликована в 1642 году священником, которого зовут Льюис Хьюз, и до сих пор не увидела свет.

XIII.- Король *Дафф*, 78-й король *Шотландии*, околдован.

Хотя эта история хорошо известна всем, кто читает наши шотландские истории, все же не будет лишним вставить ее сюда, как на свое место, для тех, кто о ней не слышал. Когда король занимался обустройством страны и наказанием нарушителей спокойствия, он начал страдать от новой и неслыханной болезни, причем причин его недуга не было ни малейших. В конце концов, после того как было безрезультатно использовано несколько средств и способов лечения, распространился слух, авторы которого были неясны, что король был доведен до этой болезни и беды ведьмами. Подозрение возникло из-за того, что он сильно потел, тело его понемногу чахло и увядало, а силы убывали с каждым днем; и поскольку все его лекари сделали все возможное, но не было никаких признаков выздоровления, предполагалось, что его случай был необычным. И вот, когда все люди с нетерпением ждали этого события, ко двору пришло известие, что в Форресе, городе в Муррее, проводятся ночные собрания с целью лишить короля жизни. Вскоре это было принято и принято за истину, поскольку ничего другого, более вероятного, на данный момент не происходило. После этого надежные и верные люди были отправлены к Дональду, правителю тамошнего замка, которому король очень доверял. Этот человек, получив некоторые сведения об этом деле от некой юной девицы, мать которой пользовалась дурной славой как искусная в этом черном искусстве, выяснил и раскрыл все дело. Юную блудницу схватили, потому что она опрометчиво сказала несколько слов о болезни короля, и что через несколько дней его жизнь оборвется. Посланные стражники нашли мать девушки с несколькими такими же, как она, каргами, которые жарили на небольшом умеренном огне изображение короля, сделанное из воска. Смысл этого ужасного действия заключался в том, чтобы, поскольку воск

мало-помалу таял, тело короля, постоянно потая, в конце концов полностью истлело. Когда восковое изображение было найдено и разбито, а эти старые каргасы наказаны смертью, король в тот же миг выздоровел. Сравните эту историю с первой, и вы увидите, что они точно совпадают.

XIV.- Явление Эдуарда Эйвона своему зятю Томасу Годдарду.

Томас Годдард из Марлебурга, в графстве Уилтс, ткач, 9 ноября 1674 года, отправляясь в Огберн, около девяти часов утра, встретил явление своего тестя, некоего Эдуарда Эйвона из этого города, перчаточника, на котором была та же одежда, шляпа, чулки и туфли, что он обычно носил при жизни, и который стоял, облокотившись на ту сваю; И когда он подошел, явление обратилось к нему звучным голосом с такими словами: "Боишься?" На что он ответил: "Я думаю о том, кто умер и похоронен, на кого ты похож". На что явление ответило таким же голосом: "Я тот, о ком ты думал; я Эдуард Эйвон, твой тесть: подойди ко мне, я не сделаю тебе ничего плохого". На что Годдард ответил: "Я уповаю на того, кто купил мою душу своей драгоценной кровью, и ты не причинишь мне вреда". Затем явление спросило: "Как обстоят дела дома?" Годдард спросил: "Какие дела?" Затем оно спросило его: "Как дела у Уильяма и Мэри?" Имелись в виду, по его замыслу, его сын Уильям Эйвон, здешний сапожник, и Мэри, его дочь, жена упомянутого Годдарда. Затем он сказал: "Что? Тейлор умер"; это означало, как он думал, некоего Тейлора из Лондона, который женился на его дочери Саре; этот Тейлор умер в прошлое Майклмас. Затем явление протянуло руку, а в ней, как полагал Годдард, 20 или 30 фунтов серебра, и затем произнесло громким голосом: "Возьми эти деньги и пошли их Саре, ибо я закрыл свои недра сострадания к ней при жизни, а теперь у меня есть кое-что для нее". И затем сказал: "Мария (то есть жена Годдарда, как он задумал) беспокоится обо мне; но скажи ей, что Бог проявил милосердие вопреки моим заслугам". Но Годдард ответил: "Во имя Иисуса я отказываюсь от всех таких денег". Тогда явление сказало: "Я вижу, что ты боишься, я встречаюсь с тобой в другой раз". И тут же оно направилось вверх по дорожке к его дому; он перешел через ту же самую лестницу, но в тот день больше его не видел. Он говорит, что на следующую ночь, около семи часов, оно пришло и открыло окна его магазина, и стояло в такой же одежде, глядя ему в лицо, но ничего ему не сказало. А на следующую ночь, когда Годдард вышел в свой магазин со свечой в руке, оно снова явилось ему в том же облике; но он в страхе убежал в свой дом и больше его не видел. Но он утверждает, что в четверг 12-го числа, когда он приехал из Чилтона, спускаясь верхом по холму между усадьбой и фермерским полем Аксфорда, он увидел нечто похожее на зайца, перебегающего ему дорогу, отчего его лошадь испугалась, повалила его в грязь, и как только он смог встать на ноги, то же самое явление снова встретило его там в той же самой привычке: И вот, стоя перед ним на дороге в восьми футах, оно снова обратилось к нему громким голосом: "Источник (слово, которое он обычно употреблял при жизни), ты долго пробыл здесь", и сказало ему: "Томас, прикажи Уильяму Эйвону взять меч, который у него был от меня и который сейчас находится в его доме, и отнести его в лес, когда мы будем ехать в Эйтон, в верхний конец леса, на обочину, ибо этим мечом я совершил зло тридцать лет назад, и он никогда не процветал с тех пор, как у него появился этот меч. И попроси Уильяма Эйвона отдать его сестре Саре 20 фунтов, которые он получил от меня; и поговори с Эдуардом Лоуренсом, потому что я занял у него 20 фунтов несколько лет назад и сказал, что заплачу ему, но не заплатил; и я хотел бы, чтобы ты

заплатил ему 20 фунтов из денег, которые ты получил от Джеймса Эллиота в два платежа". Эти деньги, по словам Годдарда, были 5 фунтов стерлингов, которые Джеймс Эллиот, здешний пекарь, задолжал Эйвону по залогу, и которые он, Годдард, получил от Эллиота с Михаэля, в два платежа, а именно 35 с. в один и 3 л. 5s. в другой платеж. И далее ему было сказано: "Скажи Маргарет (имеется в виду его собственная жена, как он полагал), что я хотел бы, чтобы она отдала деньги, которые я дал маленькой Саре Тейлор, или кому-нибудь другому, кому она их доверит; но если она не будет говорить с Эдвардом Лоуренсом, уговори ее; а если все же не захочет, то скажите ей, что я увижу ее очень неожиданно; и проследите, чтобы это было сделано в течение двенадцати месяцев и одного дня после моей кончины, и да будет мир с вами" И вот она ушла через рельсы в лес, как любой человек переходит через перила, к его ужасу; и так он больше не видел ее в то время. И он говорит, что заплатил эти 20 фунтов Эдварду Лоуренсу из этого города; который, присутствуя здесь, помнит, что одолжил упомянутому Эйвону 20 фунтов лет двадцать назад, о чем никто не знал, кроме него самого и его жены, а также Эйвона и его жены, и никогда больше не получал их до сих пор от этого Годдарда. И этот Годдард далее говорит, что в этот самый день, по приказу мистера Мейджора, он, с Майора, он со своим шурином Уильямом отправился с этим мечом, и около девяти часов утра они положили меч в роще, неподалеку от того места, куда явление назначило Годдарду нести его; а затем, отойдя этого места, Годдард, оглянувшись назад, увидел то же самое явление снова в такой же привычке, как и раньше; тогда он позвал своего шурина и сказал: "Вот явление нашего отца"; тот ответил: "Я ничего не вижу: Тогда Годдард упал на колени и сказал: "Господи, открой ему глаза, чтобы он мог увидеть это, если будет на то Твоя благословенная воля"." И явление, явившись Годдарду, поманило его рукой, чтобы он подошел к нему, и тогда Годдард сказал: "Во имя Отца, Сына и Святого Духа, что ты хочешь, чтобы я сделал?" На что оно ответило: "Томас, возьми меч и следуй за мной"; и вот он взял меч и последовал за явлением примерно на десять шестов дальше в рощу, а затем, повернув назад, остановился в полутора шагах от него, его шурина остался позади на том месте, где они впервые положили меч; затем Годдард, положив меч на землю, увидел, что рядом с явлением стоит нечто, похожее на собаку породы мастиф коричневого цвета. Тогда явление подошло к Годдарду, он отступил примерно на два шага, и явление сказало ему: "У меня есть разрешение на тебя и поручение не трогать тебя"; затем оно взяло меч и вернулось к тому месту, где стояло прежде, с собакой-мастифом рядом, как и прежде, и указало острием меча на землю, сказав: "В этом месте погребено тело того, кого я убил в 1635 году, которое теперь сгнило и превратилось в прах". Тогда Годдард сказал: "Заклинаю тебя именем Отца, Сына и Святого Духа, когда ты совершил это убийство?" И он ответил: "Я взял у этого человека деньги, а он стал спорить со мной, и я убил его". Тогда Годдард спросил его, кто был сообщником его в этом убийстве? и он ответил: "Никто, кроме меня, не был соучастником этого убийства". Тогда Годдард сказал: "Что ты хочешь, чтобы я сделал в этом деле?" И явление ответило: "Чтобы весь мир знал, что я убил человека и похоронил его в этом месте в 1635 году". Затем явление положило меч на голую землю, на которой ничего не росло, но показалось Годдарду могилой, утонувшей в земле; и явление, пробежав дальше в рощу, исчезло, и он его больше не видел; после этого Годдард и его шурина Эйвон ушли вместе, оставив меч там. Эйвон сказал Годдарду, что слышал его голос и понял, что он сказал, и слышал другие слова, отличные от его, но не мог понять ни слова из этого, и не видел никакого явления, что он теперь, присутствуя при этом, подтверждает; и все это упомянутый Годдард засвидетельствовал под своей рукой; и подтвердил, что он приступит к тому же, когда от него это потребуется.

XV.- Некоторые случаи Божьего провидения благочестивому служителю, давшего ему полную ясность относительно Бесси Грэхем, подозреваемой в колдовстве.

Ее задержали в конце августа 1649 года за угрожающие слова, сказанные ею в пьяном виде жене Джона Рэнкена в Килвиннинге, после чего бедная женщина через десять дней после этого заболела и умерла. Она была заточена в шпиле тринадцать недель, все это время я, священник, приходил к ней, но находил ее все более и более одержимой; во всех своих речах она была так хитра, что я не только не мог извлечь никакой пользы из ее слов, но иногда она заставляла меня думать, что она невинная женщина; так что я был опечален ее жестоким обращением, если бы можно было помочь, и имел свои собственные тайные желания, чтобы с ней никогда не возились. Да, если бы ей удалось сбежать, а я в этом не повинен, я был бы рад; ибо я очень боялся, что все, что мы могли на нее доказать, не было бы достаточным основанием для того, чтобы гражданский магистрат выдал ордер на предание ее суду. Или, если бы они дали ордер, я боялся, что присяжные не осудят ее, если только я не посоветую им этого, а я не был ясен, так что ее отпустили бы на свободу, а меня обвинили бы в этом, потому что я не посоветовал присяжным осудить ее. В это время пришел некто Александр Богс, искусный в поисках следов, за которым часто посылали, и нашел след на середине ее спины, куда он воткнул большой медный штырь, которого она не почувствовала, и крови не было, когда штырь вытащили. Я счел это незначительным доказательством в сравнении с тем, что обнаружил впоследствии; тем не менее это несколько склонило судей к тому, чтобы отправить процесс в Эдинбург, хотя надежды на получение комиссии для предания ее присяге были невелики. Мои опасения обманули меня, ибо мне сообщили, что комиссия была дана, хотя и с трудом: Но тут мое затруднение усугубилось, ибо самый главный человек в приходе отказался встретиться с ней, заявив, что считает все, что было на нее доказано, просто болтовней; и мне сообщили, что другие судьи говорили не меньше; однако я сам не мог считать ее виновной: Но если бы присяжные и приговорили ее к этому, я не мог бы так ясно советовать им, потому что все было доказано только одним свидетелем. Это навело меня на множество мыслей и молитв, в которых я обязывался перед Богом, что если он найдет способ дать мне и присяжным полную ясность, либо через ее собственное признание, либо иным способом, я должен отметить это как особую благосклонность и особую милость. Это решение я часто повторял: "Господи, сделай так, чтобы я помнил об этом". Спустя некоторое время провидение вывело на свет неожиданное предположение о ее виновности, которое убедило меня больше, чем все остальные. В среду 28 ноября, вечером, я отправился увещевать ее к исповеди, с Александром Симпсоном, служителем кирхи, и моим собственным слугой. Поработав с ней безрезультатно, мы оставили ее; но когда я подошел к лестнице, то решил немного задержаться, чтобы послушать, что она скажет. Прошло совсем немного времени, и она начала говорить так, как будто с ней кто-то разговаривал. Голос ее был так низок, что я не мог понять, что она говорит, кроме одного предложения, из которого я понял, что она говорит о чем-то, в чем я ее обвинял, а она отрицала. После того как она произнесла это, через некоторое время я услышал другой голос, который говорил и шептал, как бы совещаясь с ней, и вскоре я понял, что это голос изверга: Но, не зная, слышали ли его те, кто был со мной, чтобы они могли дать о нем показания, и не смея спросить их, хотя бы она, слыша наш шепот, больше не говорила, я решил постоять еще немного, так как она некоторое время молчала, по случаю, как мне показалось, небольшого шума среди нас, когда мы услышали непристойный голос; Она снова начала говорить, и не успела она закончить, как другой голос произносит длинное предложение, и хотя я не понял, что это было, но оно было таким низким и призрачным, что я был уверен, что это был другой голос, а не ее. Кроме того, ее акцент и манера говорить были

такими, как будто она говорила с кем-то другим; и этот другой голос, насколько я помню, начал говорить раньше, чем она закончила, так что можно было услышать сразу два голоса. - К этому времени страх овладел Александром Симпсоном, который был самым задним на лестнице, и поэтому он закричал. Я громким голосом увещевал его не бояться, и мы все вместе спустились по лестнице, благословляя Бога, даровавшего мне такую ясность в этом деле. Оба, кто был со мной, заявили, что они оба раза слышали этот неодобрительный голос. Через четверть часа я снова поднялся, взяв с собой двух или трех способных мужчин, и привел ее в школу, поставив шесть человек для наблюдения, где она и остается на момент написания этой книги, 30 ноября, упрямая и покорная, и я боюсь, что она будет такой до самой смерти.

Во всем этом я заметил некоторые особенности Провидения.

Во-первых, хотя мы ничего не знали о ней при первом задержании, а только то, что она была плохого мнения и имела несколько хвастливых слов в адрес жены Джона Рэнкина, после чего вскоре умерла; однако отчасти все больше и больше света проливалось, пока не было доказано столько предположений о ней, что гражданский магистрат счел справедливым предать ее суду. Во-вторых, Александр Богс пришел и обнаружил на ней клеймо, как раз в тот момент, когда ее хотели отпустить на свободу, что, хотя и не говорило о многом, все же было средством держать ее в тюрьме. В-третьих, комиссия была дана на более слабых основаниях, чем все, что было дано ранее; и Господь сохранил величайшие доказательства ее вины, пока комиссия не была получена и не был назначен день суда. В-четвертых, что, получив поручение, я был в большом затруднении, как поступить: мне было представлено не меньше, чем ее кровная вина, если бы я посоветовал осудить ее, и щажение врага Божьего, если бы я не посоветовал; это сделало милость, даровавшую мне столь полное очищение, еще более приемлемой. В-пятых, что Бог сделал все другие средства, которые я использовал, неверными, пока не очистил меня этими, благодаря чему я больше увидел Себя. В-шестых, прежде чем Он дал мне очищение, меня заставили заняться особым наблюдением за Его самыми замечательными провидениями в отношении меня. В-седьмых, что у меня часто возникали мысли испытать ее, отправившись ночью на вахту, не услышу ли я, как дьявол и она беседуют друг с другом, но мне всегда мешали, пока я не решилась на это, когда выходила от нее, а только намеревалась немного постоять, не думая услышать ничего подобного; и если бы она не начала говорить, я бы ушла. В-восьмых, что я сам присутствовал при слушании их разговора; если бы он происходил в другом месте, я не был бы так удовлетворен ни сам, ни другие, которые должны были бы услышать о нем. В-девятых, что не только я, но и двое со мной также слышали, что является законным доказательством. В-десятых, что я все время держался мужественно, веря в Бога, что злой дух не причинит нам вреда, хотя он был так близок к нам. В-одиннадцатых, я слышал столько, что было совершенно ясно, что это был другой голос, хотя я не мог разобрать ни одного слова. Господь счел это достаточным, чтобы вывести меня из пролива, хотя и не удовлетворил моего любопытства. Дважды, хотя я и не мог разобрать слов, все же было столько доказательств, что было ясно, что это был другой голос, а не ее.

Во-первых, мы слышали его дважды. И, во-вторых, трое из нас так думали. В-третьих, что я был в мужестве, и поэтому мои суждения не были смяты никакими опасениями. В-четвертых, что акцент и манера ее речи, а также то, что мы из нее поняли, не были похожи на то, как сожалеют о чем-то в одиночестве, а на то, как один человек беседует с другим. В-пятых, что

другой голос, на мой слух, отличался от ее голоса, был настолько пустым и призрачным, что мне было так же легко провести между ними различие, как между голосом мужчины и голосом ребенка. В-шестых, насколько мне помнится, беззвучный голос начинался раньше, чем она заканчивала, так что можно было услышать сразу два голоса. Наконец, А. Симпсон понимал их язык и впоследствии осуждал слова в судебном порядке... Хорошо (1), когда люди продолжают исполнять свой долг, хотя и предвидят непреодолимые трудности, прежде чем дойдут до конца. Пусть человек продолжает идти, пока не дойдет до трудности, а пока он не дойдет до нее, Бог ее устранил. (2) Прося милости, хорошо побуждать сердце к некоторым обязанностям благодарности за ее предоставление. (3) Как ревностно дьявол стремится заполучить проклятые души, что, хотя он и обладает прекрасной субстанцией, большими природными данными, долгим опытом, глубоким пониманием, все же он настолько поработает себя бедным неразумным телом, что готов по их зову говорить и общаться с ними, чтобы в конце концов заполучить их. Каким бы услужливым и надежным ни казался дьявол ведьмам, он все же не заботится о том, чтобы заманить их в ловушку; ведь он не мог не знать, что мы ждем, чтобы услышать его и ее; так что он нарочно вступил с ней в беседу, чтобы взять ее в оскал.

Я перехожу к другим примечательным эпизодам, связанным с Элизабет Грэм перед ее смертью и свидетельствующим о том, что она была наиболее виновна в колдовстве, хотя умерла упрямой и не призналась в этом. В субботу вечером, 13 ноября, она, казалось, склонилась к признанию и пообещала Уильяму Уотту рассказать мне завтра после проповеди все, что было у нее на сердце. В это время со мной не было никого, кроме Уильяма Уотта. Когда я поговорил с ней, она пожалела о том, что так плохо провела время, но особенно о своей злобе ко мне, которую, как она утверждала, внушил ей дьявол. Все это время она говорила очень низким голосом, и хотя я просил ее говорить громче, мы едва ее слышали. Тогда я заинтересовался, почему она не может говорить громче? Она ответила: "Когда она задалась целью сказать что-нибудь, что было бы на пользу ее душе, она не хотела говорить". Вот ее слова. "Но если бы она бранилась и ругалась, как раньше, дьявол дал бы ей достаточно сил, чтобы говорить так громко, как никогда". Через некоторое время я спросил ее, не виновна ли она в колдовстве: Она уставилась на меня глазами, сначала в одну сторону, потом в другую; в это время, я уверен, она увидела дьявола, потому что сразу после этого она начала ругать меня, хотя и призналась, что ее злость на меня была отчасти причиной ее величайшего горя, и все же, по мере того как она продолжала ругать, ее голос становился все сильнее и сильнее, пока, наконец, она не заговорила так громко, как никогда.

В понедельник, перед полуднем, она была очень горька в своих выражениях. Я спросил ее, какие у нее есть основания для уверенности, что все будет хорошо с ее душой? Она ответила: "Пока у нее нет оснований, потому что она жила как злая женщина и еще не раскаялась; но она надеется, что попадет на небеса и получит покаяние, и в ней произойдет перемена; и хотя ей осталось жить совсем недолго, она уверена в этом, и я скоро это увижу". Я подумал, что в то время она говорила это в гневе. Но потом я понял, что у дьявола и у нее был другой замысел, о чем свидетельствует следующее. В тот же день после обеда они пришли и рассказали мне, что она припала к молитве и произнесла много благодатных слов, выражая свою мерзость и ощущение милости Божьей, причем со слезами: В таком положении она пребывала до самого ужина. Тогда я пришел к ней, и она продолжала, как и прежде, усугублять свои грехи и вину, выказывать свои надежды на спасение и желание умереть. И все это время у нее были такие меткие выражения, и Писание так часто и обильно

цитировалось, что я был удивлен, учитывая, что я когда-либо находил ее совершенно невежественной в вопросах религии, как до, так и после того, как она была посажена в тюрьму.

После того как я некоторое время размышлял над этим, не разговаривая с ней, учитывая то, что она так уверенно предсказывала перед полуднем, я пришел к выводу, что это был сговор между дьяволом и ней, чтобы притвориться раскаявшейся таким странным образом, чтобы мы были обмануты; нас заставили думать, что она не ведьма, иначе она призналась бы в этом, видя, что Бог дал ей покаяние. -После этого, серьезно обдумав дело, я поставил ее перед фактом виновности; она призналась во всех деталях процесса, из чего несомненно следовало, что она ведьма; но остальные детали она отрицала, как и само преступление колдовства. Однако, по ее словам, "она знала, что умрет, и не хотела жить; и она думала, что мы будем свободны перед Богом от ее крови, потому что, как бы она ни была свободна, против нее столько всего наговорено, что, хотя нам трудно было думать о ней иначе, чем мы думали, она все же хорошо знала свою собственную невиновность". Так я изложил все эти подробности, как я нашел их в подлинном протоколе, написанном рукой самого священника. Вскоре после этого ее казнили, и она умерла, так и не признавшись в колдовстве.

XVI.- О явлении сэра Джорджа Вильерса.

За несколько дней до того, как герцог Бекингемский отправился в Портсмут, где его зарезал Фелтон, призрак его отца сэра Джорджа Вильерса явился некоему Паркеру, человеку религиозному и трезвому, который был слугой у упомянутого сэра Джорджа, а теперь у герцога, его сына. Он явился ему в утреннем халате и велел передать сыну, чтобы тот отказался от задуманного дела, иначе его непременно убьют. Паркер пообещал явлению сделать это. Когда герцог готовился к походу, явление снова явилось Паркеру, очень сурово порицая его за нарушение обещания и требуя не медлить с сообщением сыну о грозящей ему опасности. На следующий день Паркер сообщил герцогу, что призрак его отца дважды являлся ему и велел, не откладывая, передать ему это предупреждение. Герцог отнесся к этому с пренебрежением и сказал ему, что "он старый дурак". В ту же ночь явление явилось Паркеру в третий раз и сказало: "Паркер, ты хорошо сделал, что предупредил моего сына об опасности, но хотя он тебе не поверит, все же пойди к нему еще раз и передай от меня такой знак (называет личный знак), который не знает никто, кроме него и меня, что если он не откажется от этого путешествия, то вот такой нож, как этот (достает из-под платья длинный нож), станет его смертью". Это послание Паркер на следующий день передал и герцогу, который, услышав частную примету, решил, что получил ее от призрака своего отца. Однако он сказал, что теперь на карту поставлена его честь, и он не может отказаться от того, что предпринял, будь то жизнь или смерть. Это послание Паркер после убийства герцога передал своему сослуживцу Генри Сили, который рассказал его преподобному божеству, моему соседу, (говорит мой автор) из чьих уст я его получил. Этот Генри Сили умер не более двадцати лет назад, и несколько лет до своей смерти он жил в Норт-Курри, в трех милях от этого места. Мой друг, вышеупомянутый провидец, был близким знакомым этого Генри Сили и уверяет меня, что он был человеком известной правдивости и честности.

XVII.- Анент Хаттараик, старый колдун.

Этого человека звали Сэнди Хантер, он называл себя Сэнди Гамильтон, и, похоже, дьявол называл его Хаттараиком, а другие - прозвищем. Сначала он был пастухом-нолтом в Восточном Лотиане у одного тамошнего джентльмена. Он много занимался очарованием и лечением людей и зверей с помощью слов и заклинаний. Иногда его чары удавались, иногда нет. Однажды, когда он пас своих коров на склоне холма в летнее время, к нему явился дьявол в образе лекаря и сказал: "Сэнди, ты слишком долго следовал моему ремеслу и никогда не признавал меня своим господином; теперь ты должен перейти ко мне и стать моим слугой, и я сделаю тебя более совершенным в твоём призвании". После этого человек отдал себя дьяволу и получил его знак с новым именем. После этого он прославился на всю страну своими чарами и исцелениями от болезней людей и зверей и превратился в бродягу, вроде качка, добывая себе еду и плоть, и деньги своими чарами; таково было невежество многих в то время. В какой бы дом он ни приходил, никто не мог отказать Хаттарайку в милостыне - скорее во вред, чем во благо. Однажды он пришел в дом Сэмюэльстона, когда друзья после ужина собирались сесть на лошадь. Молодой джентльмен, брат леди, увидев его, потрепал его по ушам, говоря: "Ты, колдун, что тебе здесь делать?". После чего парень ушел, ворча, и, как было подслушано, сказал: "Ты дорого купишь это, пока не наступит время". Это был *damnum minatum*. Молодой джентльмен проводил своих друзей в дальний путь и вернулся домой той же дорогой, где и поужинал. После ужина, сев на коня и переправившись через Тайнские воды, чтобы отправиться домой, он проехал через тенистую часть гавака, обычно называемую Аллерс, и вечером, когда было немного темно, встретил там несколько человек, которые вызвали в нем ужасное смутение, о котором он, по большей части, никогда бы не рассказал. Это было *malum secutum*. Когда он вернулся домой, слуги заметили в его лице ужас и страх. На следующий день он помутился рассудком и несколько дней пролежал связанным. Его сестра, леди Сэмюэльстон, услышав об этом, сказала: "Конечно, этот плут Хаттараик - причина этой беды, позовите его поскорее". Когда он пришел к ней, "Сэнди, - говорит она, - что это ты сделал с моим братом Уильямом?" "Я сказал ему, - говорит он, - что заставлю его раскаяться в том, что он ударил меня в последнее время на ". Она сказала негодяю честные слова и пообещала ему полный карман еды с говядиной и сыром, уговорила его снова вылечиться. Он понял, в чем дело: "Но сначала, - говорит, - я должен получить один из его сарков". Что и было вскоре сделано. Какие шалости он с ним проделывал, неизвестно. Но через некоторое время джентльмен восстановил свое здоровье. Когда Хаттарайк пришел получать свое жалованье, он сказал леди: "Ваш брат Уильям быстро уедет из страны и никогда не вернется". Она, зная, что пророчества парня сбываются, заставила своего брата отдать ей все свое состояние, чтобы обмануть его юного брата Джорджа. После того как этот колдун долгое время злоупотреблял в стране, его наконец задержали в Данбаре, привезли в Эдинбург и сожгли на замковом холме... Я вставил эту историю, которую узнал от родного брата джентльмена, хорошо известного в то время в стране, не столько из-за того, что в ней, сколько для того, чтобы она послужила мне поводом немного поговорить о чарах. Слово "чары" или "заклинания" происходит от латинского слова *carmen*, означающего "стих", потому что римские прорицатели излагали свои чары в стихах. Это всего лишь странное самообладание слов, ослепляющее понимание людей, притворяющихся, что с помощью слов можно вершить великие дела. Но сами по себе слова, произнесенные или написанные, (как и эти чары) не имеют никакой силы, чтобы привести что-либо в исполнение. Это только сила всемогущего Бога. Очарование часто практикуется Папой Римским и Римской церковью. Все их формы религии, как частные, так и публичные, состоят из всевозможных чар. У папы Льва был талисман, который, по его словам, он получил от ангела, который научил его, что тот, кто будет носить этот талисман

при себе и каждый день произносить три Pater Nosters, три Aves и один Creed, не будет в тот день побежден своими врагами, ни в другой опасности, призрачной или телесной, но будет защищен этими святыми именами Иисуса Христа, написанными с четырьмя евангелистами и крестами между ними, как † Jesus, † Christus, † Messias, † Sotar, † Emmanuel, &c. Среди папистов до сих пор распространен обычай носить с собой амулеты, чтобы не стрелять, когда они идут на войну; это также было обнаружено на опыте во время последних ирландских войн, когда многие идолопоклонники-ирландцы были найдены с амулетами в карманах, составленными папистским духовенством. Они делают свою святую воду с помощью чар или заклинаний, таким образом: "Я заклинаю тебя, создатель воды, во имя Отца, Сына и Святого Духа, чтобы ты изгнал дьявола из каждого уголка этой церкви и алтаря, чтобы он не оставался в наших пределах, которые справедливы и святы". Это используется при посвящении их церквей. Таким образом, святой водой они отгоняют дьявола не только от своих церквей, но и от жилых домов, от мяса и питья, от соли на столе. Они посвящают свои колокола на шпильях, которые имеют силу очищать воздух от дьяволов. Кроме того, у многих ведьм есть своеобразный талисман: между двумя днями Бельтана срубить рябину. Если у кого-нибудь из мужчин или женщин, лошадей или коров есть кусочек этого дерева, то ни черти, ни феи не имеют права вмешиваться в их дела. Одна старуха, о которой я читал, использовала этот амулет, когда ложилась спать,

Матфей, Марк, Лука и Иоанн,

Да будет благословенна кровать, на которую я ложусь".

А другая старуха научила свою соседку этому заклинанию, когда масло не взбивалось,

Приди, масло, приди,

Приди, масло, приди:

Петр стоит у ворот

Ждет пирога с маслом,

Приди, масло, приди.

XVIII.- Призрак миссис Бретон.

Доктор Бретон, покойный настоятель Ладгейта в Дептфорде, ранее жил в Херефордшире и женился на дочери доктора Сантера. Эта джентльменша была человеком необычайно набожным, что она выражала, как при жизни, так и после смерти. У нее была служанка, к которой она была очень добра; она была замужем за ближайшим соседом, которого, как я помню, звали Алиса. Вскоре после ее смерти, когда Алиса вечером укачивала ребенка, ее отвлек от колыбели стук в дверь, и, открыв ее, она с удивлением увидела джентльменку, которую нельзя было отличить от ее покойной хозяйки ни по лицу, ни по повадкам. Она была одета в утреннее платье, такое же, как то, которое она часто видела на своей хозяйке. При первом взгляде на нее она выразила сильное изумление и сказала: "Если бы моя госпожа не умерла, я бы не сомневалась, что вы - она". Она ответила: "Я та самая, что была вашей госпожой", - и взяла ее за руку, которая, по словам Алисы, была холодна как камень.

Она добавила, что у нее есть очень важное дело, в котором она должна принять участие, и что она должна немедленно пройти с ней немного пути". Алиса дрожала и умоляла ее извинить ее, и очень настойчиво просила ее пойти к хозяину, который должен быть более пригоден для работы. Она ответила, "Что он, ее муж, нисколько не беспокоится; однако у нее было желание скорее воспользоваться им, и для этого она несколько раз была в его покоях, но он все еще спал; и она не имела сил более одного раза расчехлить его ноги, чтобы разбудить его". И доктор сказал: "Что он действительно слышал хождение в своей комнате ночью, о чем до сих пор не мог рассказать". Алиса возразила: "Ее муж уехал в путешествие, и ей некому было присмотреть за ребенком; он очень сильно плакал, и она боялась, что если он проснется до ее возвращения, то закричит до смерти или причинит себе вред". Привидение ответило: "Ребенок будет спать до твоего возвращения".

Алиса, видя, что этого не избежать, против своей воли последовала за ней, перешагнув через столб, в большое поле, и сказала ей: "Посмотри, сколько этого поля я измеряю своими ногами". И когда она сделала большой и неторопливый замер, то сказала: "Все это принадлежит бедным, так как досталось им незаконным путем", и поручила ей пойти и сказать своему брату, у которого она в это время была, чтобы он немедленно отдал все это бедным, так как он любил ее и свою покойную мать. Этот брат был не тем человеком, который совершил этот несправедливый поступок, а его отцом. Она добавила, что ее это беспокоит еще больше, потому что ее имя было использовано в каком-то письме, касающемся этой земли." Алиса спросила ее, как ей убедить брата, что это не обман и не заблуждение ее фантазии. Она ответила: "Расскажи ему эту тайну, которую он знает и в которую посвящены только я и он сам, и он тебе поверит". Пообещав Алисе отправиться с этим поручением, она стала давать ей добрые советы и всю оставшуюся ночь развлекала ее небесными и божественными беседами. Когда наступили сумерки, они услышали шум лошадиных колокольчиков, и тогда явление сказало: "Алиса, меня не должен видеть никто, кроме тебя", - и исчезло. Алиса тут же поспешно побежала домой, заботясь о своем ребенке, но нашла его, как и говорило явление, спящим, как она его и оставила. Одевшись и отдав его на попечение соседки, она отправилась к своему хозяину, доктору, который, позабавленный ее рассказом, отправил ее к своему шуруну. Тот, выслушав ее рассказ и сообщение, от души посмеялся над ним. Но не успела она открыть ему тайну, как он изменился в лице и сказал ей, что отдаст беднякам их собственный дом, что он и сделал, и теперь они им наслаждаются. - Об этом с другими обстоятельствами много раз рассказывал сам доктор Бретон, который был известен как человек большой доброты и искренности. Он подробно рассказал об этом явлении своей жены двум моим друзьям, говорит мой автор. Сначала одной миссис Недхэм, а затем, незадолго до своей смерти, доктору Вичкоту.

XIX.- Прикосновение к *слуге аптекаря, который вернулся в лавку после смерти.*

Это известный случай, произошедший в 1669 году в Кроссене, в Силезии, то есть в той части Германии, которая с давних пор находилась под властью полонян, а теперь подчиняется короне Богемии; главным магистратом этого города в то время была принцесса Елизавета Чалотта, личность знаменитая в своем роду. Весной вышеупомянутого года некий Кристофер Мониг, уроженец Сербеля, города, принадлежащего принцессе Анхальтской, слуга аптекаря, умер и был похоронен с обычными церемониями лютеранской церкви. Через несколько дней после его кончины в аптеке появился человек, в точности похожий на него

лицом, одеждой, ростом, повадками и т. д. появился в лавке аптекаря, где он то садился, то ходил, брал с полок ящики, горшки и стаканы и снова ставил их на другие места, иногда пробовал и проверял доброкачественность лекарств, взвешивал их на весах, с сильным шумом толкнул в ступке, а также обслуживал людей, приходивших в лавку со счетами, брал их деньги и клал их в сохранности на прилавок; словом, делал все то, что в подобных случаях делал человек-путешественник. Он очень призрачно смотрел на тех, кто был его сослуживцами и боялся что-либо сказать ему; а его хозяин, больной в то время подагрой, часто доставлял ему много хлопот, выхватывал у него из рук принесенные ему счета, иногда выхватывал свечу и ставил ее за печку. Наконец, он взял плащ, висевший в лавке, надел его и пошел по улицам, не обращая внимания ни на кого; он заходил в некоторые дома горожан и входил в их общество, особенно к тем, кого знал раньше, но ни с кем не здоровался и не разговаривал, только с одной служанкой, с которой встретился у церковного двора, и попросил ее пойти домой к хозяину и раскопать в земле камеру, где она найдет неоценимые сокровища; Но служанка, пораженная его видом, упала в обморок; тогда он поднял ее, но оставил на ее плоти такой след от поднятия, что он был виден еще некоторое время; служанка, придя в себя, отправилась домой, но тут же заболела, а в болезни узнала, что сказал ей Мониг, и, соответственно, они стали копать в указанном ею месте, но не нашли ничего, кроме одного старого истлевшего горшка с гемаритом, или кровавым камнем, в нем. После этого принцесса заставила откопать тело юноши, которое нашли гнилым, с вытекающей из него гнойной массой, а хозяину посоветовала вынести из дома вещи юноши, белье, одежду и то, что он оставил после смерти, и дух тут же покинул дом, и больше его не видели. В этом могут поклясться некоторые ныне живущие люди, которые хорошо помнят, что видели его после смерти; и эта история была настолько известна, что в Лейпцигской академии Генрих Курадус, который оспаривал степень доктора в университете, устроил публичный диспут по этому поводу. И это заставляет меня вспомнить об аптекаре из Райхенбаха в Силезии, около пятнадцати лет назад, который после смерти явился многим своим знакомым и закричал, что при жизни он отравил несколько человек своими снадобьями; тогда городские магистраты взяли его тело и сожгли; после этого дух исчез и больше его не видели.

XX.- Замечательная история некоего Роберта Черчмана, соверщенного в квакерство, написанная доктором Джоном Темпларом.

Сэр, ваше желание ознакомиться с некоторыми сведениями о квакерах в этом городе Балшам вынуждает меня дать вам следующий отчет: Во время моего первого поселения здесь в качестве служителя я обнаружил, что они очень заняты тем, чтобы склонить моих людей к соблюдению их убеждений в религии; эту цель они пытались осуществить, распространяя среди них свои газеты. За двумя из моих прихожан я следил особо, а именно за Робертом Черчманом и его женой; они были людьми очень хорошей жизни и приятного состояния, и я опасался, что их уход из церкви может послужить средством склонить других к тому же. Первый из них в беседах, которые я с ним вел, проявил очень сильную склонность к принципам квакеров. Вторая была настолько увлечена (имеется в виду жена упомянутого Роберта), что квакеры обычно сообщали, что в ней зародился принцип.

Однажды, когда я беседовал с упомянутым Робертом Черчменом, я попросил его, чтобы, когда мне попадется под руку какая-нибудь из их книг, он оказал мне любезность принести ее мне, чтобы мы могли прочесть ее вместе, заверив его, что я не желаю прислушиваться к тому, что покажется разумным. То, чего я желал, он исполнил вскоре после этого; получив в руки бумаги, я, прежде чем начать читать, предложил ему, что было бы удобно послать за человеком, который был причиной его соблазнения, и услышать, что он ответил на их содержание, на что он охотно согласился. Когда пришел квакер, одним из направлений нашего разговора было: следует ли считать Писание правилом, что квакер отрицал, утверждая, что правило находится внутри них. После двух-трех часов беседы об этом и других вопросах я пожелал, чтобы Роберт Черчмен принял к сведению, что квакеры не имеют Писания в качестве правила, о чем до этой конференции я намекнул ему, но обнаружил, что он не желает в это верить.--Бог так благословил сказанное, что в следующий раз, когда он встретил своего брата Томаса Черчмана, он рассказал ему о том, что произошло в моем доме, и что теперь он уверен, что квакеры не признают Писание за правило; и, со своей стороны, он не будет принадлежать к той религии, которая отрекается от Писания в этой части.--Вскоре после этого жена вышеупомянутого квакера пришла к нему в дом, чтобы навестить его жену, он встретил ее у дверей и сказал ей, что она не должна входить, намекая, что ее визит внесет раздор между ними. После некоторой беседы жена квакера обратилась к нему со следующими словами: "Ты не поверишь, пока не увидишь знамение, и ты можешь увидеть его". Через несколько ночей после этого в комнате, где он лежал, когда во всех остальных частях города было очень тихо, на Роберта Черчмана обрушилась сильная буря, и голос внутри него, когда он лежал в постели, обратился к нему и попросил его петь хвалу, сказав ему, что он увидит Новый Иерусалим, и примерно в это время по всей комнате появился мерцающий свет. Ближе к утру голос велел ему выйти из постели нагим, с женой и детьми. Все они стояли на полу, и дух, используя свой язык, велел им опуститься и положить рот в пыль; они так и сделали. Он также велел ему пойти и позвать брата и сестру, чтобы они увидели Новый Иерусалим, к которому он отправился нагишом примерно за полмили. Когда он передал свое послание, тот, кто говорил в нем, велел ему объявить гнев на них и объявить, что огонь и сера падут на них, как на Содом и Гоморру, если они не послушаются, и так он вернулся в свой дом, где на полу в низкой комнате он простоял обнаженным три или четыре часа. Все это время он вел себя очень необычно. Иногда дух внутри заставлял его петь, иногда лаять, как собака. Когда его брат и сестра последовали за ним и очень упрашивали его сопротивляться, дух приказал ему убить их, используя такие слова: "Этих врагов моих, которые не хотели, чтобы я царствовал над ними, приведите и убейте перед моим лицом". Оно заставило его с готовностью произнести многие места Писания, о которых он раньше не знал. Суть сказанного сводилась к тому, чтобы убедить его подчиниться квакерам, и в ней были названы некоторые из тех, кто жил в соседних городах. Проведя таким образом около трех или четырех часов, он пришел в себя и смог прекрасно рассказать о том, что с ним случилось. Несколько ночей спустя та же беда снова настигла его. Его жена мучилась необычайными болями. Дети, которые лежали в комнате, жаловались, что им затыкали рот ватой, когда они лежали в постели. Беспокойство было столь велико, что у них возникли мысли на время покинуть его дом, и он изъявил желание быть у меня, в моем. Я убедил его не уезжать так внезапно, а провести еще одно испытание. Богу было угодно, чтобы он продолжал молиться каждый день в доме, и в конце концов он был полностью свободен от всех домогательств. Квакеры, услышав о его состоянии, заявили, что сила Божья снова сойдет на него, и что рана была лишь затянута священником, что заставило меня еще сильнее убеждать его держаться ближе к общественному служению Божьему и не иметь ничего общего с ними или их писаниями... Этого указания он придерживался до ноября 1661 года, и, читая одну из их книг, немного погодя, 10 числа того же месяца, его беда вернулась.

Голос внутри него заговорил прежним голосом. Первое предложение, которое он произнес, было: "Прекрати человека, чье дыхание в ноздрях его, ибо где ему быть в ответе?" Цель, которую, как он понял, оно преследовало, была такова: отвратить его от посещения церкви (где он был в тот день) и от слушания Слова Божьего. Оно предложило несколько других мест Писания, чтобы убедить его присоединиться к квакерам, и сказала ему, "что будет бороться с ним, как ангел боролся с Иаковом". В среду вечером он решительно сопротивлялся этому. Когда он начал упрашивать его, он ответил: "Он видит, что это дух заблуждения, которому он не будет подчиняться". После чего дух произнес такие слова: "Идите, проклятые, в огонь вечный", - и покинул его с очень сильным жаром в теле.

После этого он, по его собственному мнению, находился в очень комфортном состоянии; и когда он размышлял о случившемся, голос внутри него сказал ему, что дух, который был на нем прежде, был духом заблуждения, но теперь к нему пришел истинный Дух Божий. Теперь сатана превратился в ангела света. Он ознакомил его с тем, что учение о Троице истинно, и что у Бога есть избранный народ, и что тех, кого избрал Отец, искупил Сын, а кого искупил Христос, освящает Святой Дух. И сказал ему, чтобы служитель города и дальше наставлял его в истине этих вещей. В четверг утром, около рассвета, оно поставило его на колени, когда он лежал в постели, и попрощалось с ним. В тот же день оно настигло его в поле, когда он шел на рынок и возвращался с него, и заставило его поверить, что это был добрый дух, которым он действовал, в чем он все еще сомневался. Однажды вечером на той неделе, среди множества аргументов, которые он использовал для этой цели, он сказал ему: "Если он не хочет верить без знамения, пусть получает, что хочет". После этого Роберт Черчмен пожелал, "если это добрый дух, чтобы проволочный подсвечник, который стоял на шкафу, был превращен в медный", на что дух сказал, что сделает это. Вскоре в комнате появился очень неприятный запах, похожий на запах только что погасшей свечи; но больше ничего не было сделано для исполнения обещания... На следующий день Господень, когда он был в церкви, на него снизошло это. Когда были названы главы, он обратился к ним в своей Библии, но не смог читать. Когда пели псалмы, он не мог произнести ни одного слога. В понедельник утром у него полностью пропала речь. Когда я подошел к нему и спросил, как у него дела? Он повернул ко мне голову, но не смог говорить. Я прождал в комнате час или два, надеясь, что речь вернется к нему и я смогу получить от него хоть какой-то отчет о его состоянии. Но, не найдя никаких изменений, я попросил присутствующих присоединиться ко мне в молитве. Пока мы молились, его тело с большой силой было сброшено с кровати, а затем он с большой яростью призвал меня держать язык за зубами. Когда молитва была закончена, его язык был связан, как и прежде, пока, наконец, он не вырвался на эти слова: "Твое есть Царство, Твое есть Царство", которые он повторил более ста раз. Иногда его заставляли смеяться, иногда петь. Его руки обычно были заняты тем, что били его по груди. Все мы (присутствовавшие при этом), кто стоял рядом, могли заметить необычные колебания в его теле. Расстройство продолжалось до утра следующего дня; и голос внутри него, говоривший ему, что он покинет его, велел ему встать на колени, чтобы это, что он и сделал, и вскоре он полностью овладел собой. Когда я подошел к нему, он трезво рассказал мне обо всех событиях прошедшего дня, отчетливо помня, что дух заставлял его делать и что говорили ему те, кто стоял рядом. В частности, он сказал мне, что был вынужден передать мне то расстройство в молитве, о котором я уже упоминал: дух использовал его конечности и язык по своему усмотрению, вопреки склонности его собственных мыслей и разума. В четверг после этого дух начал бушевать в прежней манере, когда я молился с ним. Было очень заметно, как он действует на его тело, заставляет его скрипеть зубами и кривить рот. Он сказал мне, когда я закончил, что это заставило его провозгласить горе против меня. Богу

было угодно, чтобы после продолжительной молитвы со мной он избавился от своей беды, и это оказалось настолько полезным для него и его жены, а также для некоторых других людей, которые были так сильно предубеждены принципами квакеров, что теперь они совершенно не любят этот путь и усердно посещают общественное богослужение в приходской церкви. - Сэр, вы можете быть уверены в истинности того, что здесь рассказал ваш друг.

Бэшем, 1 января 1682 года.

Джон Тамплиер.

XXI.- Прикосновение к *Изабель Хериот*.

Эта женщина родилась в Пистоне, в приходе Ормистон, и в течение нескольких лет была очень полезной служанкой у тамошнего священника, выполняя всякую работу по дому. Она была невысокого роста, небольшого роста, стройного телосложения, со смуглым цветом лица, голова ее была несколько наклонена к шее; она отличалась веселым и насмешливым нравом и могла бы с большим доверием разговаривать с почтенными людьми.

После нескольких лет службы она стала не нравиться служителю, особенно за то, что она не преуспевает в познании Бога, имея столько возможностей и поводов для познания и обучения; поэтому она была удалена и долгое время ходила на другую службу; после чего она вернулась в город Ормистон и иногда преследовала дом служителя, но без его ведома. Она заболела в начале зимы 1680 года, а ко времени ее смерти ее лицо стало очень черным. В течение трех или четырех ночей после ее погребения некая Изабель Мюррей, реликвия Уильяма Крейга, служителя кирка, видела ее явление около двенадцати часов ночи, и ее белые одежды на ней, такие, в каких ее положили в гроб, шли из часовни к лупинговому камню священника, где, по своему обычаю, когда она была жива, она остановилась на некоторое время, опираясь на него локтем. После этого она заметила, как вошла на задний двор к конюшне священника. У нас есть только голые свидетельства этой женщины. В течение нескольких ночей после этого в дом священника бросали камни, а некоторые попали в дверь и окна зала. Камни были найдены в доме на следующее утро, когда зажгли свет; по большей части они падали мягко. Министр, вошедший однажды ночью в дом (против которого, в основном, и была злоба дьявола) через заднюю дверь и закрывший ее за собой, бросил вслед большой камень, который очень сильно ударился о дверь и оставил на ней след и отпечаток; это сделала она, или, скорее, дьявол, в подражание той шалости, которую она совершила при жизни, поскольку министр заставил других слуг вытолкнуть ее через ту же дверь, она с силой бросила в нее большой камень из гнева и злобы. Вышеупомянутая Изабель Мюррей, выходя однажды ночью из дома служителя или входя в него, получила сильный удар камнем по спине. Слугу, который держал лошадей, после того как он совершил свой обряд и собирался лечь в свою постель в конюшне, кто-то схватил за пятку, к его великому изумлению; он издал сильный и громкий крик, хозяйка семьи и другие вошли в конюшню и нашли парня в большом испуге: в эту ночь было брошено несколько комьев и камней, но ни один человек не пострадал. Примечательно одно: старый конский гребень, который не использовался уже несколько лет, был брошен на кровать мальчика с большой силой, но никому не причинил вреда. На следующее утро лошадей можно было

найти стоящими и лежащими в беспорядке, а иногда все они были в сильном поту... Когда слуга-человек убирал в саду, в него бросили несколько камней, но он ни разу не был задет, кроме одного, который попал в него очень удачно; в доме иногда раздавался небольшой шум и грохот... Однажды под одну из кроватей бросили горящий уголь. Однажды под одну из кроватей бросили горящий уголь, и один из членов семьи ночью снял с головы ночной колпак, а на следующее утро обнаружил его полным золы и пепла, лежащим под дымоходом. Если бы дьявол мог сделать что-то большее, он бы непременно это сделал. Это большая часть неприятностей, с которыми столкнулась семья, и они продолжались в течение восьми или девяти недель, не каждую ночь, но время от времени; в течение этого времени частые и горячие молитвы были вознесены к Богу теми, кто был в семье, и другими вне ее, которые не имели успеха. Об этом призраке много говорили, и говорили необдуманно, а некоторые из злобы придумывали ложь и неправду. Один, насмехаясь, сказал: "Пусть теперь служитель и его братья всеми своими молитвами отгонят дьявола". Весьма примечательно, что после этого в семье больше не было никаких неприятностей - для того, что следует далее, у нас есть только простые слова упомянутой Изабель Мюррей, которая, возвращаясь из церкви домой между проповедями, в город Ормистон, чтобы посетить свой дом и двор, опасаясь бродячих коров, переходящих через дамбу и спускающихся в ее двор, увидела во дворе священника, находившемся рядом, явление Изабель Хериот, в той самой привычке, с которой она лежала в гробу. Никогда ни одно яйцо не было так похоже на другое, как это явление: и лицом, и ростом, и движениями, и языком, и поведением. Дьявол был так же похож на нее, как Аполлон на старого Бутеса, которого Вергилий прекрасно описывает в девятой книге своих "Энеид", спуская его с небес, чтобы подстеречь Аскания.

*Ascantiumque petit, forma tum vertiture oris
Antiquum in Butten-Ibut Apollo
Omnia longaevo similes, vocemque coloremque
Etrorines albos et saeva sonantibus arma.*

Аполлон пошел, и с небес спускается,
И в облике старого Бутеса к Асканию склоняется.
Во всем, как старик, он шел,
Которого затем послал ждать сын Энея;
Такие же белые волосы, цвет лица и голос,
И грозные руки, грохочущие с великим шумом.

По словам женщины, ее лицо было черным, как нога, вытирающая ноги (одно из ее собственных выражений), именно такого цвета было ее лицо, когда она умерла. Она видела, как та ходила под фруктовыми деревьями и по грядкам, где были посеяны семена, склонив тело вниз, как будто хотела немного оттолкнуться от земли, и приговаривала про себя: "Стане, стане", потому что так она произносила эти слова; в коленях у нее было собрано немалое количество мелких камней, которые женщина видела, как она бросила в корень куста, недалеко от подножия двора. Кто-то может предположить, что это были камни, которые она часто бросала по ночам. Женщина, увидев ее, с большой уверенностью говорит: "Ого! Что ты здесь делаешь, Изабель Хериот? Я поручаю тебе, по закону, по которому ты живешь, рассказать мне". См. аналогичное выражение, стр. 16. Она отвечает, или, вернее, мерзкий изверг в ее облике: "Я даже пришел снова, потому что я обидел моего господина, когда был его слугой; ведь это я украл его сикль". Это был золотой еврейский сикль (который вместе с другими вещами был украден у него несколько лет назад), "который я спрятал под камнем очага на кухне, а потом, когда я скрылся, отнес его в Канонгейт и

предложил продать одной француженке, которая жила там, где я служил. Она спросила, где я его взял? Я ответил, что нашел его между Лейтом и Эдинбургом. "Однажды ночью, - говорит она, - я поздно возвращалась домой из города, и недалеко от Фаузид-брей лошадь споткнулась, и я сказала: "Дьявол тебя побери!" Тут же явился этот мерзкий вор и пригрозил мне, что если я не дам уничтожить моего господина министра, то он бросит меня в глубокую яму, которая, я полагаю, еще сохранилась; или, если я не смогу получить власть над моим господином, я должна буду попытаться уничтожить школьного учителя". Весьма примечательно, что одна из служанок священника отдала служанке школьного учителя кое-какое белье для чистки, среди которого была крестовина из крепкого льна, которую никак не могли найти, хотя старательно искали, пока однажды утром хозяин, проснувшись, не обнаружил ее привязанной к своему ночному колпаку, что привело в восхищение и его самого, и его жену; больше ни дьявол, ни ведьмы не могли ему помешать. Каким образом это было сделано и с какой целью, доподлинно неизвестно; но вполне вероятно, что они задумали задушить и уничтожить его в ночное время, которое является их обычным временем для работы и совершения злодеяний. Это случилось примерно в то время, когда, как я полагаю, дьявол поручил Изабел Хериот погубить этого честного человека; однако в течение двух дней заболел его годовалый ребенок, которого быстро унесла смерть, причем никто не знал ни причины, ни природы болезни; но я продолжаю. Она также призналась, как дьявол встретился с ней во второй раз на Элфинстон-милл, в четверти мили от Ормистона, и рассказала, что дьявол с ней сделал: "Однажды ночью я шла из Хаддингтон-маркета с кукурузой для лошади и встретилась с дьяволом в Нокхиллсе, который предложил мне уничтожить Томаса Андерсона, который ехал со мной; а поскольку я отказалась, он сбросил кукурузу с лошади". Этот Томас Андерсон был христианином. Еще хорошо помнят, как на следующее утро она в положенное время пошла и принесла домой свой овес, который пролежал там всю ночь. "И еще, - говорит она, - я обманула своего хозяина, когда пошла на рынок покупать овес; ведь я заставила его поверить, что дала за пучок больше денег, чем было на самом деле. И разве ты не помнишь, Изабель Мюррей, что однажды вечером, выходя из дома священника, ты получила сильный удар камнем по спине? Это была я, но не ради тебя, а ради твоего благоверного, Уильяма Крейга, который однажды бросил меня в язву и издевался надо мной". Она также сказала этой женщине, что хотела бы поговорить со своим хозяином. После этого разговора женщина начала бояться и поспешно побежала домой. За все это время в семье не было ни одного человека, который бы не встретил обиды или несчастья, или не увидел чего-либо - такова была доброта Господа ко всем им. Одна ведьма Изабель Эллот призналась священнику, что много ночей его дом и двор были облеплены ведьмами. Однажды та же женщина спросила дьявола, почему они не могут с ним помириться? Он сказал ей, что его заперли. Эта женщина, Изабель Хериот, никогда не считалась ведьмой и не привлекалась никем за колдовство; некоторые с насмешкой называли ее так. Она действительно была невежественна в вопросах религии, несмотря на множество прекрасных возможностей получить знания. Кроме того, ее верховая езда и путешествия из дальних уголков страны, как ночью, так и днем, и поздние возвращения домой без страха, а также ее дурной характер вызывали подозрения. Если бы перед смертью она призналась в том, что заключила договор с дьяволом, это могло бы стать веским основанием; но эта беда, случившаяся с семьей сразу после ее смерти, и ее явление, которое видели, дали всем повод говорить, что она была ведьмой. Но из таких вещей нельзя сделать безошибочный вывод. Но что могло быть ее явлением? Это должно было быть либо ее настоящее тело, которому сообщал информацию и действовал дьявол (ведь ее душу нельзя было вернуть), либо только дьявол, принявший ее форму и облик, действовавший и подражавший ей до самой жизни; что более вероятно.

Я решился опубликовать это без его ведома, полагаясь на его доброту, любовь к истине и полезные наставления для мира, хотя мне и придется не по нраву его собственный юмор, хотя, возможно, по зрелом размышлении я смогу удовлетворить какой-то более благородный принцип в нем. Ибо я не знаю ничего такого, что могло бы обернуться его бесчестьем; ведь лучшие люди и семьи страдали от дьявола необычайными способами, и слава их в том, что верой, мужеством и упованием на руку Божью они победили его. Если я ошибся в некоторых обстоятельствах или в чем-то другом, меня можно извинить, поскольку я не был очевидцем. А то, что я написал о явлении, большей частью взято из уст самой женщины.

XXII.- О маге в Антверпене.

Мистер Тиндаль, первый переводчик Библии на английский язык после Реформации, будучи в Антверпене, в то время как в Англии разгорались гонения на истину, получил от одного английского купца сведения о знатном маге в этом месте, который имел обыкновение на пирах или когда собирались за ужином, приносить к столу любые вина или вкусные фрукты, какие пожелает компания, и ставить их перед ними, а также другие удивительные доказательства власти дьявола. Мистер Тиндал, понимая, какой ловушкой это может стать для некоторых, пожелал, чтобы, когда они соберутся вместе, он присутствовал, не будучи известным, кто он такой. После того как они собрались и сели за стол, этот несчастный фокусник таким образом начал пробовать свое черное искусство, но оно ему не помогло; пока он изнурял себя, наблюдая за своими заклинаниями, чарами и заговорами, и за тем, что самое далекое, что адское мастерство и сила могли сделать, чтобы удовлетворить компанию, он наконец был вынужден сделать это признание перед всеми ними, которое он произнес с большим гневом и злобой: "Что в компании был один, который мешал его работе, из-за которого он не мог ничего сделать в то время." - Я могу добавить к этому странное Божье провидение: мистер Джон Крейг, который был министром короля Якова здесь, в Шотландии, будучи, когда он был молодым человеком, задержан в Риме за распространение ереси, как они это называли, был заключен в тюрьму. В это время умирает Павел IV. Этой ночью бандиты выломали все двери тюрьмы и выпустили на свободу всех заключенных. Мистер Джон Крейг сбежал, намереваясь отправиться в Бононию. Но, опасаясь, что там ему причинят вред, он направился в Милан. Пройдя несколько дней, избегая дорог из страха, он зашел в лес, дикое и пустынное место, и, сильно утомившись, прилег среди кустов на берегу небольшой речки, чтобы освежиться. Он лежал в задумчивости и раздумье, ибо не знал, в каком месте он находится, и не имел средств, чтобы перенести его с дороги. В это время к нему подбежала собака с кошельком в зубах, в котором были деньги, и положила их перед ним; он, пораженный страхом, поднялся, но, сочтя, что это исходит от благосклонного Божьего провидения, принял их и продолжал свой путь, пока не пришел в Вену в Австрии.

XXIII.- О великом докторе богословия, который поднялся с одра и обратился ко всем присутствующим.

В житии некоего Бруно рассказывается, что некий доктор, отличавшийся большой ученостью и благочестием, будучи мертв, был принесен в церковь для погребения; и когда

они совершали свои папистские богослужения и дошли до слов "*Responde de mihi*", то из-под корыта поднялось тело и чрезвычайно страшным голосом воскликнуло: *Justo Die Judicio accusatus sum*, "Я обвинен на справедливом суде Божьем". При этом голосе народ в ужасе разбежался. На следующий день, когда они снова пришли, чтобы совершить обряд отпевания, на те же слова, что и раньше, труп снова встал и закричал страшным голосом: *Justo Die condemnatus sum*. "Я осужден на праведном суде Божьем". После этого люди с изумлением разбежались. На третий день почти весь город собрался вместе; и когда они дошли до тех же слов, что и раньше, труп снова поднялся и закричал с еще большим ужасом, чем прежде: *Justo Dei judicio condemnatus sum*. "Я осужден на праведном суде Божьем". Соображение о том, что человек, считавшийся столь праведным, все же должен быть проклят по собственному признанию, заставило Бруно и остальных его товарищей вступить в строгий орден карфузианцев. Автор и рассказчик так использует это: "Если голос мертвеца мог утратить их до суеверия, то разве предупреждение Бога не должно утратить до истинного учения?"

XXIV.- Некоторые пьяницы, уничтоженные дьяволом.

Это было опубликовано в проповеди одного благочестивого служителя, но я должен вставить его сюда, на его собственное место. 8 февраля, говорит мой автор, в 1578 году компания пьяниц, имена которых записаны следующим образом: Адам Гиббонс, Джордж Кипел, Джон Кейзел, Питер Хорсдрофф, Джон Уорнер, Симон Химкерс, Джейкоб Хермонс и Хермон Фроу. Эти восемь пьяниц, пренебрегая благословенной субботой, договорились пойти в таверну в день Господень, чтобы повеселиться; и, придя в дом Энтони Ходжа, честного благочестивого человека, они попросили жженого вина, мешка, кларета и прочего. Добрый человек, отказавшись дать им что-нибудь, посоветовал пойти в церковь и послушать слово Божье; но все они, кроме Адама Гиббонса, отказались, сказав, что ненавидят это занятие. После этого хозяин ушел, а они, отправившись в церковь, стали проклинать и запрещать, желая, чтобы он сломал себе шею, прежде чем вернется, и желая, чтобы дьявол сломал их собственные шеи, если они пойдут отсюда, пока не выпьют немного вина.

Тогда дьявол, в образе юноши, явился к ним и принес в руке кувшин вина, и выпил его, сказав: "Веселитесь, ребята, вина у вас будет достаточно; вы, кажется, похотливые парни, и я надеюсь, что вы хорошо заплатите мне; а они, отвечая, сказали: "Они либо заплатят ему, либо сломают себе шею за это. Да, скорее, чем они потеряют свои тела и души". Так эти люди продолжали пить и пить так долго, что едва могли видеть друг друга. Наконец дьявол, их хозяин, сказал им, что теперь они должны заплатить за все, и сердца их похолодели. Но дьявол сказал им, чтобы они не унывали, потому что теперь им придется вечно пить с ним огонь и серу в адской яме. Тогда дьявол свернул им шеи и уничтожил их. Так закончились дни этих пьяниц, и это, кстати, может служить документом для всех пьяниц на вечные времена и убедить людей в том, что у Господа есть дьявол в качестве палача, когда он желает отомстить великим грешникам.

XXV.- О некоем Уильяме Бартоне, колдуне.

Около тридцати лет назад, более или менее, некий Уильям Бартон был задержан за колдовство. Он признался, во-первых, что если бы у него было двадцать сыновей, он посоветовал бы им избегать похоти нечистоты. "Ибо, - сказал он, - я никогда не видел красивой женщины, служанки или жены, но я жаждал их, и это была единственная причина, которая привела меня к тому, что я стал вассалом дьявола. Однажды день, направляясь из своего дома в Киркклистоне к парому королевы, я нагнал в Денни-Муире молодую джентльменку, на вид красивую и приятную. Я приблизился к ней, но она уклонилась от моего общества, а когда я стал настаивать, она рассердилась и стала очень милой. Я сказал, что, поскольку мы оба идем в одну сторону, будьте добры принять конвой: наконец, после долгих уговоров, она стала лучше, и в конце концов мы дошли до такой фамильярности, что она позволила мне обнять ее и сделать то, о чем христианские уши не должны слышать. В это время я расстался с ней с большой радостью. На следующую ночь она явилась ему на том же самом месте; и после того, что не должно быть названо, он почувствовал, что это был дьявол. Здесь он отрекся от своего крещения и отдал себя на ее служение, а она назвала его своим возлюбленным, дала ему новое имя Иоанн Креститель и приняла знак. Она также дала ему 15 шотландских фунтов от имени Точера, и так расстались. Когда он отошел на некоторое расстояние, она позвала его обратно и дала ему марку в хороших и достаточных деньгах, которые она заставила его потратить на паром, и пожелала, чтобы он сохранил все 15 фунтов, которые, как он заявил, были настоящими и подлинными деньгами. Он признался, что они никогда не встречались вместе, но играли в свои шалости. После этого признания он попросил разрешения немного поспать, что судьи ему и предоставили. Проспав некоторое время, он проснулся от громкого смеха. Судьи спросили, в чем причина; он ответил, что к нему пришел дьявол, который гневно упрекал его и угрожал ему, чтобы он признался, и велел ему все отрицать, ибо он будет его поручителем... После этого он повинился и никогда, до самого своего смертного часа, не признал ничего, ибо дьявол убеждал его, даже с самого первого его обручения, что никто не должен лишать его жизни; этому обещанию он твердо верил до последнего. Когда в темнице ему сказали, что костер разведен, кол поставлен и палач идет, чтобы привести его, он ответил, что ему это безразлично, ибо, сказал он, "я не умру в этот день". Но палач вскоре получил приказ вывести его; и он, ступив в дверь тюрьмы, был в одно мгновение застрелен, как говорят, насмерть и больше не шевелился. В таком положении они поручили жене палача задушить его, что она и сделала с готовностью, за что ей была обещана награда. Когда колдун услышал, что женщина должна была предать его смерти, "О, - говорит он, - как обманул меня дьявол? Пусть никто никогда не доверяет его обещаниям". Все это происходило в Киркклистоне, перед знаменитыми свидетелями. Палача звали Эндрю Мартин, а его жену - Маргарет Гамильтон, которая, когда ее муж умер, хлопала в ладоши и часто восклицала: "Дура, прощай, мой дорогой Эндрю Мартин". Жена этого Бартона тоже была с ним, и она заявила, что никогда прежде не знала, что он колдун; а он, в свою очередь, заявил, что никогда прежде не знал, что она ведьма. Она призналась, что на служение дьяволу ее подвигла злоба против одного из соседей. Она отказалась от крещения и предала свое тело злобному духу, получила от него знак и новое имя, и стала зваться Маргаратусом. Ее спросили, получала ли она когда-нибудь удовольствие от его общества? "Никогда, - говорит она, - но однажды вечером, когда мы танцевали на Пентландхиллсе, он шел перед нами в образе грубого пса, играя на трубе; весна, на которой он играл, говорит она, была такой: "Глупый кухонный гарь брось ему огурец, и он вырастет мяклым". А когда мы спускались с холма, что было самым лучшим развлечением, он нес свечу на дне, под хвостом, и играл: "Ай, парик, парик, парик". Она была сожжена вместе с мужем.

В этой истории примечательно то, что он дал колдуну столько денег, которые оказались хорошей и достаточной монетой. Он редко бывает таким либеральным. Но, конечно, он был бы более щедрым, если бы Господь позволил ему украсть или воспользоваться сокровищами, спрятанными в земле или на дне моря. Если бы ему была предоставлена такая свобода, он мог бы обмануть своими дарами большую часть мужчин и женщин в мире". В подтверждение сказанному приведем следующие сведения.

XXVI.- Удивительный и странный случай, который произошел в Лионе во Франции.

Лейтенант гвардии по имени Жакетт, поужинав однажды вечером в богатом купеческом доме, возвращался домой и по дороге сказал: "Интересно, что я ел и пил в купеческом доме: ведь я нахожу себя таким горячим, что если бы встретил этой ночью дьявольскую даму, то не смог бы удержаться от ее употребления". Вскоре после этого он нагнал джентльмена в маске, которого хотел проводить до дома, но отпустил всех, кроме двоих. Она привела его, к его ужасу, в низкий дом у городской стены, где было всего две комнаты. Насладившись ею, он пожелал, чтобы, по обычаю французских джентльменов, два его товарища могли получить то же удовольствие; и она впустила их одного за другим. И когда все было сделано, когда они сидели вместе, она сказала им: "Если бы они хорошо знали, кто она такая, никто из них не решился бы на нее". После этого она трижды свистнула, и все исчезли. На следующее утро двух товарищей, отправившихся с лейтенантом Жакеттом, нашли мертвыми под городской стеной, среди мусора и экскрементов, а самого Жакетта немного поодаль полумертвым; его подняли, и он, придя в себя, признался во всем этом и вскоре умер. Это может подтвердить предыдущую историю.

XXVII.- Чудесная проделка, разыгранная дьяволом в Хамелене, городе в Германии.

Этому городу досаждали крысы и мыши. Случилось так, что туда пришел волынщик, который договорился с главными мещанами о вознаграждении, если он сможет избавить их от этих вредителей; и он не будет требовать его в течение двенадцати месяцев и одного дня после этого. Договорившись, он начал играть на трубах, и все крысы и мыши последовали за ним к большому озеру, расположенному неподалеку, где все они погибли; так что город больше не был заражен. В конце года волынщик вернулся за вознаграждением, но мещане отнеслись к нему с пренебрежением и предложили ему какую-то мелочь, от которой он отказался. И вот, пробыв несколько дней в городе, в воскресенье утром, во время высокой мессы, когда большинство людей было в церкви, он стал играть на своих трубах, а дети, все до одного, последовали за ним из города, к большому холму неподалеку, который разломился надвое, впусив его и детей, и так снова закрылся. Это случилось около двухсот пятидесяти лет назад. И в том городе до сих пор датируют свои векселя, облигации и прочие правовые документы по году выхода детей; кроме того, у подножия упомянутого холма стоит большой каменный столб, на котором высечена эта история.

XXVIII.- *Рассказ о странном колдовстве, обнаруженном в деревне Монра в Швеции.*

Весть об этом колдовстве дошла до слуха короля, и его величеству было угодно назначить уполномоченных, из духовенства и мирян, чтобы они отправились в вышеупомянутый город и рассмотрели все дело; соответственно, рассмотрение было назначено на 13 августа; И уполномоченные собрались 12-го числа в упомянутой деревне, в доме пастора, которому и сам священник, и несколько модных людей со слезами на глазах жаловались на то жалкое состояние, в котором они находятся, и поэтому умоляли их придумать какой-нибудь способ, как им избавиться от этого бедствия. Они привели комиссарам очень странные примеры тирании дьявола среди них; как с помощью ведьм он привлек к себе несколько сотен детей и сделал их подвластными своей власти; как его видели идущим в видимой форме по деревне и ежедневно являющимся людям; как он воздействовал на бедняков, давая им мясо и питье, и таким образом заманивал их к себе, а также другие обстоятельства, о которых будет сказано далее. Жители деревни с великим плачем добавили, что, хотя их дети все рассказали, а сами они очень усердно искали Бога в молитвах, он все же увлек их. И потому умоляли господ комиссаров искоренить эту адскую шайку, чтобы вернуть им прежний покой и тишину; тем более что дети, которых обычно уносили в деревню или район Элсдейл, поскольку там сжигали ведьм, оставались неохраняемыми. - В тот день, *то есть* 13 августа, будучи последним днем унижения, установленным властью для снятия этого осуждения, комиссары отправились в церковь, где собралось немало молодых и старых. Дети почти все умели читать и петь псалмы, и женщины тоже, хотя и без особого рвения и пыла. В тот день были прочитаны две проповеди, в которых рассказывалось о несчастном случае тех людей, которые поддались дьявольскому заблуждению; и эти проповеди завершились очень горячими молитвами. - Когда общественное богослужение закончилось, все жители города были собраны в доме пастора, около трех тысяч человек. Было приказано соблюдать тишину, но перед всеми публично зачитали указ короля, и им было поручено, под угрозой очень больших наказаний, ничего не скрывать из того, что они знают, и говорить только правду; особенно тем, кто был виновен, чтобы дети были избавлены от лап дьявола. Все они обещали повиноваться; виновные притворно, а невинные горько плакали и рыдали.

14 августа уполномоченные снова собрались, чтобы посоветоваться, как им противостоять этому опасному наводнению. После долгих размышлений, а также по приказу его величества, они решили исполнить все, что можно было доказать на деле. В вышеупомянутой деревне было не менее трехсот десяти человек, из которых триста двадцать, признавшись в своих преступлениях, были приговорены к смерти; одна притворилась, что она беременна, а остальные отрицали и не признавали себя виновными, были отправлены в Факлуну, где большинство из них было впоследствии казнено. - Пятнадцать детей, которые также признались, что занимались этим колдовством, умерли, как и остальные; тридцать шесть из них в возрасте от 9 до 16 лет, которые были менее виновны, были вынуждены бежать на гантлоп. Еще двадцать человек, которые не имели большой склонности, но были соблазнены на эти адские развлечения, поскольку были очень молоды, были осуждены на то, чтобы их били прутьями по рукам в течение трех воскресений вместе у дверей церкви; и вышеупомянутые тридцать шесть человек были также обречены на то, чтобы их били таким образом раз в неделю в течение целого года вместе. Число соблазненных детей составляло около трехсот человек. 25 августа была совершена казнь над известными виновными; день был яркий и великолепный, солнце сияло, и на зрелище присутствовало несколько тысяч человек. Порядок и метод, соблюдаемые при осмотре,

были таковы: сначала комиссары и соседние судьи отправились на молитву; после этого перед ними предстали ведьмы, у которых в большинстве своем были дети, которых они либо соблазнили, либо пытались соблазнить, примерно 7 лет от роду, а то и от 4 до 16 лет. Некоторые из детей жаловались на страдания и несчастья, которые им иногда приходится терпеть от дьявола и ведьм. Детей спросили, уверены ли они, что их когда-либо уносил дьявол? Все они заявили, что да, и умоляли комиссаров освободить их от этого невыносимого рабства. - После этого самих ведьм спросили, правдивы ли признания этих детей, и увещевали исповедовать истину, чтобы они могли обратиться от дьявола к живому Богу. Сначала большинство из них очень жестко, не проронив ни единой слезинки, отрицали это, хотя и вопреки своей воле и склонности. После этого дети были осмотрены каждый сам по себе, чтобы выяснить, сходится ли их исповедание или нет; и члены комиссии обнаружили, что все они, за исключением некоторых совсем маленьких, которые не могли рассказать обо всех обстоятельствах, точно сходились в своем исповедании в деталях. - Тем временем члены комиссии, принадлежавшие к духовенству, осмотрели ведьм, но не смогли привести их ни к какому признанию: все они упорно отрицали свою вину, пока наконец некоторые из них не разрыдались, и их признание совпало с тем, что сказали дети; они выразили свое отвращение к этому факту и просили о прощении. При этом они добавили, что дьявол, которого они называли Локита, затыкал рты некоторым из них, так как не хотел расставаться со своей добычей, и затыкал уши другим. И теперь, когда он ушел от них, они не могли больше скрывать этого, ибо теперь они поняли его вероломство. Признание, которое ведьмы сделали в Элсдейле судьям, совпало с признанием, которое они сделали в Монре; и главное, в чем они признались, состояло в этих трех пунктах: во-первых, куда они обычно ходили. Во-вторых, в какое место они ходили, называемое ими Блокула, где встречались ведьмы и дьявол. В-третьих, какое зло и беду они там совершили или задумали. - Во-первых, о своем путешествии в Блокулу. Мы, жители провинции Элсдейл, признаемся, что обычно ходили в гравийный карьер, который находится у перекрестка дорог, и там надевали на голову жилет, а затем танцевали, после чего бежали перекрестку дорог и трижды звали дьявола, сначала тихим голосом, второй раз несколько громче, а третий раз очень громко со словами: "Антиквар, приди и перенеси нас в Блокулу". После этого он сразу же появлялся, но в разных одеждах; чаще всего мы видели его в сером плаще и красно-синих чулках. У него была рыжая борода, шапка с высоким венцом, на который наматывалось белье разных цветов, и длинные подвязки на чулках. Очень примечательно, что дьявол никогда не появляется перед ведьмами с мечом наготове. Затем он спросил нас, будем ли мы служить ему душой и телом? Если мы были согласны, он посадил нас на зверя, которого приготовил, и понес через церкви и высокие стены; в конце концов мы пришли на зеленый луг, где лежит Блокула. Мы должны добыть обрезки алтарей и опилки церковных часов, а затем он дал нам рог с мазью, которой мы помажемся, и седло с молотком и деревянным гвоздем, чтобы закрепить седло; после этого мы призвали дьявола и ушли". - Те, кто был из города Монра, сделали такое же заявление. Их спросили, уверены ли они в том, что их действительно перевозили лично, и бодрствовали ли они, когда это происходило? Все они ответили утвердительно, и что дьявол иногда подкладывал в это место что-то очень похожее на них. Но одна из них призналась, что он только лишил ее сил, а тело ее лежало неподвижно на земле; однако иногда он забирал ее тело с собой... Когда их спросили, как они могли пройти со своими телами через дымоходы и разбитые стекла? Они ответили, что дьявол сначала удалил все, что могло помешать им в их бегстве, и таким образом у них было достаточно места, чтобы идти. - Других спросили, как они смогли унести с собой столько детей? Они ответили, что когда дети спали, они входили в палату и брали на руки детей, которые тут же просыпались, и спрашивали их, пойдут ли они с ними на пир? На что одни отвечали: "Да", другие: "Нет", но все они были вынуждены пойти. Они дали детям только рубашку, плащ и

дублет красного или синего цвета, посадили их на зверя, которого предоставил им дьявол, и усаkali. Дети признались в том же, а некоторые добавили, что, поскольку на них была надета очень красивая одежда, они очень хотели пойти. Кроме того, ведьмы заявили, что до последнего времени у них никогда не было силы уносить детей, но только в этом и прошлом году; и тогда дьявол принудил их к этому: Раньше достаточно было взять с собой одного своего или чужого ребенка, что случалось редко, а теперь он изводит их и бьет кнутом, если они не приносят ему много детей, так что у них нет для него ни мира, ни покоя: И если раньше им хватало одной поездки в неделю из своего города в вышеупомянутое место, то теперь они были вынуждены бегать за детьми в другие города и места; и каждую ночь они брали с собой то 15, то 16 детей; для поездки, по их словам, они использовали всевозможные орудия, зверей и людей, вертела и столбы, в зависимости от возможности. Если они едут на козлах и с ними много детей, чтобы всем хватило места, они втыкают вертел в спину козла, а затем помазываются вышеупомянутой мазью. Каков порядок их путешествия, одному Богу известно. Было установлено, что если дети называли имена тех мужчин или женщин, которые были с ними или унесли их, то их снова силой уводили в Блокулу или на перекресток и там избивали, так что некоторые из них умирали от этого; в этом признались некоторые ведьмы и добавили, что теперь они очень переживают и мучаются от этого. Дети, которых так использовали, выглядели очень черными, изможденными и избитыми. Судьи не могли заметить на них следов от плетей, кроме одного мальчика, у которого на спине было несколько ран и дыр, которые ему нанесли шипами; но ведьмы сказали, что они быстро исчезнут.

После этого дети стали очень слабыми, и если кого-нибудь из них переносят на ночь, то на следующий день они не могут прийти в себя и часто впадают в припадки, о наступлении которых они узнают по необычайной бледности, которая охватывает детей: когда припадок настигает их, они опираются на руки матери, которая сидит с ними, иногда всю ночь, и когда они замечают бледность, трясут детей, но безрезультатно.-Они замечают также, что грудь их детей в такое время становится холодной, и они берут иногда горящую свечу и втыкают ее в волосы, которые при этом не сгорают. Они падают в обморок от этой бледности; этот обморок длится иногда полчаса, иногда час, иногда два часа, а когда дети снова приходят в себя, они скорбят и плачут, и жалобно стонут, и просят, чтобы им помогли. Об этом старики заявили под присягой перед судьями, и призвали в свидетели жителей города, которые больше всех пережили странные симптомы у своих детей. Маленькая девочка из Элсдейла призналась, что, называя имя Иисуса, когда ее уносили, она внезапно упала на землю и получила большую дыру в боку, которую дьявол тут же залечил, и унес ее. И по сей день, призналась девушка, у нее очень сильно болит бок. Другой мальчик тоже признался, что однажды его унесли с хозяйкой; чтобы совершить путешествие, он вывел лошадь отца на луг, где она кормилась, а когда он вернулся, она пустила лошадь в ход. На следующее утро отец мальчика искал лошадь и, не найдя ее, выдал за пропавшую; но мальчик рассказал ему всю историю, и отец вернул лошадь, а одна из ведьм призналась в этом.

Далее мы переходим к месту, где они собирались, называемому Блокула, и к тому, что они там делали. Они единодушно признались, что Блокула находится на большом лугу, похожем на равнинное море, которому не видно конца. В том месте или доме, где они собрались, перед ними были большие ворота, расписанные разными цветами. Через эти ворота они вышли на небольшой луг, удаленный от другого, где водились звери, на которых они ездили: А люди, которых они использовали в своем путешествии, стояли в доме у ворот в дремотной позе, привалившись к стене; в огромной большой комнате этого дома, по их словам, стоял очень большой длинный стол, за которым сидели ведьмы; и что рядом с этой комнатой была другая комната, где стояли прекрасные и изысканные кровати.-Первое, что, по их словам,

они должны были сделать в Блокуле, это отречься от всего, посвятить себя телом и душой дьяволу, пообещать верно служить ему и подтвердить это клятвой. После этого они обрезали себе пальцы и записали свое имя в его книге. Они добавили, что он также заставил их креститься у тех священников, которые были у него там, и заставил их подтвердить свое крещение страшными клятвами и проклятиями. После этого дьявол дал им кошелек, в котором лежали опилки часов, и привязанный к нему большой камень, который они бросили в воду, а затем их заставили произнести такие слова "Как эти опилки от часов никогда не возвращаются в часы, из которых они были взяты, так и моя душа никогда не вернется на небо". К этим словам они добавляли богохульства и другие клятвы и проклятия. След от порезанного пальца был обнаружен не у всех. Но одна девочка, которой порезали палец, заявила, что, поскольку она не хотела вытягивать палец, дьявол в гневе так жестоко ранил его.- После этого они сели за стол, и тех, кого дьявол почитал больше всего, посадили ближе к нему; дети же должны стоять у двери, где он сам дает им мясо и питье.- По их словам, их рацион составляли бульон с половником и беконом, хлеб из овсяной муки, намазанный маслом, молоко и сыр. И еще они добавили, что иногда это было очень вкусно, а иногда очень плохо. После еды они отправлялись танцевать, а в это время клялись и ругались самым ужасным образом, а после переходили к дракам друг с другом. Те из Элсдейла признались, что дьявол играл перед ними на арфе, а потом уходил с теми, кого любил больше всего, в палату, где совершал с ними благочестивые действия. А еще все признались, что он имел с ними плотские отношения и что у дьявола были от них сыновья и дочери, на которых он женился, и они совокуплялись и приносили жаб и змей. Однажды дьявол, казалось, умер, и тогда в Блокуле раздались великие причитания; но вскоре он снова пробудился. Если ему вздумается повеселиться с ними, он пускает их всех перед собой на вертелах, а потом берет вертела и бьет их до крови, а потом смеется над ними. Он заставляет их верить, что судный день наступит скоро, и поэтому начинает строить большой каменный дом, обещая, что в этом доме он сохранит их от Божьего гнева и даст им возможность наслаждаться величайшими удовольствиями и наслаждениями; но пока они усердно работают, большая часть стены снова падает, в результате чего некоторые из ведьм обычно получают ранения, что вызывает у него смех; но вскоре он снова их лечит. Они сказали, что иногда видели очень большого дьявола, похожего на дракона, с огнем вокруг него и закованного в железную цепь; и дьявол, который разговаривает с ними, говорит, что если кто-нибудь признается в чем-нибудь, то он напустит на них этого большого дьявола, и тогда вся Шведская земля подвергнется большой опасности. Они добавили, что у дьявола там есть церковь, такая же, как в городе Монра. Когда приехали комиссары, он сказал ведьмам, что они не должны их бояться, потому что он непременно убьет их всех. И они признались, что некоторые из них пытались убить комиссаров, но не смогли этого сделать. Некоторые из детей много говорили о белом ангеле, который запрещал им то, что дьявол просил их сделать; и сказали им, что это не должно продолжаться долго; то, что было сделано, было только разрешено из-за греха и нечестия людей и их родителей; и что похищение детей должно быть явлено. И они добавили, что этот белый ангел иногда ставил себя у дверей, между ведьмами и детьми; и когда они приходили в Блокулу, он оттаскивал детей, а ведьмы входили внутрь.- Далее мы переходим к показу бед и зла, которые ведьмы обещали причинить людям и зверям. Они признались, что пообещали дьяволу, что сделают все, что плохо лежит; и дьявол научил их доить, что происходило следующим образом: Они втыкали нож в стену и вешали на него своеобразный ярлык, который рисовали и гладили; и пока это продолжалось, люди, над которыми они имели власть, страдали от несчастий, а зверей доили таким образом, пока они иногда не умирали.- Одна женщина призналась, что дьявол дал ей деревянный нож, которым, заходя в дома, она могла убить любую вещь, к которой прикасалась; однако мало кто признался, что причинил вред мужчине или женщине. Когда их спросили, не убивали ли они детей, они признались,

что действительно мучили многих, но не знают, умер ли кто-нибудь из них от этих язв, и добавили, что дьявол показал им несколько мест, где он имеет власть творить зло.- Служитель Элсдейла заявил, что однажды ночью эти ведьмы, по его мнению, были на короне его головы, и с тех пор у него долго болела голова. -Одна из ведьм призналась, что дьявол послал ее мучить этого служителя; и что ей было приказано использовать гвоздь и ударить им в его голову, но он не вошел глубоко, и поэтому она стала этой head-ach. Священник сказал также, что однажды ночью он почувствовал боль, как будто его рвали инструментом, которым чистят лен, или льночесалкой; а когда он проснулся, то услышал, как какое-то тело царапается и скребется в окно, но никого не видит; и одна из ведьм призналась, что это сделала она, будучи послана дьяволом.-Священник из Монры также заявил, что однажды ночью одна из этих ведьм вошла в его дом и с такой силой схватила его за горло, что он подумал, что его задушили; проснувшись, он увидел ту, кто это сделала, но не смог узнать ее; и несколько недель он не мог говорить или совершать богослужение. -Старуха из Элсдейла призналась, что дьявол помог ей сделать гвоздь, который она вбила в колено мальчика, от чего тот долгое время оставался хромым. И она добавила, что прежде чем ее сожгут или казнят по приговору суда, мальчик выздоровеет. Они также признались, что дьявол дает им зверя, по форме и размеру напоминающего кошку, которого они называют перевозчиком; и еще он дает им птицу, размером с ворону, но белую: Этих тварей они могут посылать куда угодно; и где бы они ни появлялись, они забирают всевозможные продукты, которые могут достать: масло, сыр, молоко, бекон, всевозможные семена, все, что они могут найти, и несут это ведьмам. То, что приносит птица, они могут оставить себе, но то, что приносит носильщик, они должны оставить для дьявола, и это приносят Блокуле, где он дает им столько, сколько сочтет нужным.- Они добавили, что носильщики часто так набивают себя, что вынуждены извергаться по дороге, и это извержение можно найти в нескольких садах, где растут коллорты, и недалеко от домов ведьм. Она желтого цвета, как золото, и называется маслом ведьм".-Лорды-комиссары были действительно очень серьезны и приложили немало усилий, чтобы убедить их показать некоторые из своих фокусов, но безрезультатно; ибо все они единодушно признались, что с тех пор, как они во всем признались, они обнаружили, что все их колдовство исчезло, и дьявол в это время появился очень страшный, с когтями на руках и ногах, с рогами на голове и длинным хвостом сзади, и показал им горящую яму с протянутой рукой; Но дьявол снова вонзил в человека железную вилку и предложил ведьмам, что если они будут продолжать исповедовать свою веру, то он поступит с ними таким же образом.

Приведенная выше история взята из публичного реестра, где все это описано с более подробными обстоятельствами. В это время по всей стране во всех церквях еженедельно совершаются молебны, чтобы Всемогущий Бог разрушил власть дьявола и освободил тех бедных существ, которые до сих пор стонали под ним. Лорд Лионберг, чрезвычайный посланник короля Швеции, подтвердил это в Лондоне 8 марта 1682 года и передал под свою руку, что упомянутый здесь факт является правдой.

XXIX.- О явлении, виденном в Глэдсмуире, и некоторые другие сведения.

Среди некоторых моих записей, сделанных в 1666 году, я обнаружил, что Ричард Чаплен и его отец Джордж, оба купцы из Хаддингтона, возвращались домой поздно вечером в субботу из Эдинбурга, 4 ноября 1666 года, и, выехав на муир в месте, называемом Двухмильный

крест, в двух милях от своего дома, увидели четырех мужчин в серой одежде и синих чепцах, стоявших вокруг мертвого трупа, лежавшего завернутым в простыню. Их собака была так напугана, что не смела идти вперед, а бежала назад среди ног их лошадей. На сайте еще жив один брат, трезвый и христианский человек, который может это подтвердить. Если я и изменил, то только в некоторых незначительных обстоятельствах, которые не меняют самой сути дела. Это тем более примечательно, что произошло примерно за двадцать дней до Руллиана Грина.

Некая Алиса Дьюк, англичанка, была взята в 1664 году и призналась судьям, что после своих собраний все ведьмы очень низко поклоняются дьяволу, который появляется в черной одежде и с маленьким оркестром. Он приветствует их, когда они приходят, и приносит им вино, пиво, пироги, еду или что-то подобное. Он садится на возвышение, а рядом с ним обычно сидит Энн Бишоп; они едят, пьют, танцуют и музицируют. При расставании они говорят: "Весело встретились, весело расстались". А перед тем, как их несут на собрание, их лбы помазывают зеленоватым маслом, которое у них от дьявола: По большей части их несут по воздуху. Когда они проходят мимо, они говорят: "Тоут, тоут, тоут, тоут, тоут, тоут, тоут". Проходя обратно, они говорят: "Rentum, tormentum", и еще одно слово, которое она не помнит.

Я читал об одном старом джентльмене, прекрасном мировом судье в Англии, который постоянно оспаривал бессмертие души и ее отличие от тела, а также существование духов. Его не могли убедить никакие доводы, кроме осязаемого опыта. Будучи человеком смелым, он отваживался заходить очень далеко и, ничего не боясь, использовал все магические обряды, какие только мог, чтобы вызвать дьявола или духа, и имел самое искреннее желание встретиться с ним, но никогда не мог этого сделать. Но однажды ночью, когда его слуга снимал сапоги в зале, какая-то невидимая рука так хлопнула его по спине, что в зале снова зазвенело. Он тут же отправился в поле, чтобы проверить, не призвал ли его какой-нибудь дух, чтобы побеседовать с ним; но не нашел никого. Когда ни рифма, ни разум не смогли убедить его в существовании духов, джентльмен, который с ним спорил, сказал: "Так, так, помнишь ли ты хлопок, который ты получил по спине однажды ночью?" "Да", - ответил он. "Уверяю вас, - сказал другой, - этот гоблин будет первым, кто примет вас на том свете". При этих словах его лицо очень заметно изменилось, и это смутило его больше, чем все философские или рациональные доводы, которые можно было бы привести против него.

Некая Джулиан Кокс, англичанка, была задержана за колдовство. Первым против нее выступил егерь, который поклялся, что отправился со сворой гончих охотиться на зайца. Он запустил одну неподалеку от дома Джулиан Кокс. Собаки охотились за ней очень близко, а третье кольцо преследовало ее наперебой, пока наконец егерь не увидел, что заяц почти выдохся и направляется к большому кусту, и побежал по другую сторону куста, чтобы поднять его и уберечь от собак. Но как только он взял ее на руки, оказалось, что это Джулиан Кокс, руки которой лежали на земле, а глобусы (как он выразился) были подняты вверх. Узнав ее, он так испугался, что волосы у него на голове встали дыбом. Она запыхалась и не могла говорить. Собаки подошли и понюхали ее, но больше ничего не сделали". В этом рассказе, говорит мой автор, есть самое достоверное подтверждение того, на что способны человеческие дела, разум и святость клятвы.

XXX.- О некоем Сполдинге в Далкейте.

Примерно в то время, когда граф Тракуар был комиссаром Его Величества в Шотландии, случилось в Далкейте, где он жил, что некто Сполдинг, городской житель, убил своего соседа, некоего Сэдлера. Убийца бежал и скрывался в течение года и более, но иногда возвращался домой ночью, обнаружив, что его никто не преследует. Устав от такого образа жизни, он решил взывать к милосердию комиссара. Однажды он подъехал к городу Далкейт в карете, и Сполдинг, придя в самом смиренном виде, распростерся перед ним и стал просить о милости. Комиссар поинтересовался, в чем дело? Слуги сказали ему, что это такой человек, который убил своего соседа, жителя города. Тогда он велел отвести его в тюрьму, где тот пролежал год с лишним. Наконец присяжные признали его виновным и назначили ему виселицу. Услышав свой приговор, он воскликнул: "О! Я должен умереть как собака! Почему меня не приговорили к потере головы?". Придя на эшафот и закончив молитву, он поднимается по лестнице, и когда веревка была накинута на его шею, он громким голосом кричит при всех: "Господи (говорит он), пусть никогда не отходит душа моя от тела сего, пока не примирится с Тобой". Сказав это, палач сбросил его с лестницы. Когда он провисел обычное время, достаточное для того, чтобы лишить человека жизни, его срубили, положили тело на одр и понесли в тобольскую тюрьму. Когда они открыли крышку корыта, человек упал на дно, и его глаза уставились в голову, а изо рта пошла пена, он зашумел и заревел, как бык, ударяя вокруг себя кулаками, к великому ужасу всех. Судьи, услышав об этом, отдали приказ, чтобы его лучше задушили. Палач принялся за работу и, накинув веревку на его шею, встал ему на грудь и так сильно напруг шею, что она стала не больше его запястья. И так продолжалось достаточно долго, после чего его отнесли в могилу и засыпали землей. Несмотря на все это, он издавал в ней такой грохот и кувыркание, что сама земля поднималась, а мулы были так нагружены, что едва могли удержаться на ногах. После этого его дом в восточном конце города (как мне сообщили) стал часто посещать призрак, из-за чего он долгое время стоял пустым. Обитал ли в нем кто-либо с тех пор, я не знаю. Это я узнал от весьма достойного доверия человека, который, будучи в то время там ученым, был очевидцем и свидетелем, и который еще жив.

XXXI.- О дьяволе Маскона во Франции.

В 1612 году некий месье Перро, тамошний протестантский священник, будучи однажды ночью у себя дома, и его жена, лежавшая в постели, была сильно встревожена шумом и грохотом в доме: на следующую ночь она почувствовала нечто такое, что стянуло одеяла с кровати, и в ту же ночь все оловянные сосуды и медные подсвечники были разбросаны по комнате. Об этом сообщили священнику, который, прежде чем лечь спать, тщательно обыскал все углы в доме и запер все двери и окна, чтобы не заподозрить самозванства. Едва он улегся в постель, как услышал на кухне странный шум, похожий на качение большой железной пули, бьющейся о стенную перегородку; на это священник пошел в комнату, но ничего не нашел. На следующее утро он сообщил об этом старейшинам церкви и государственному нотариусу, некоему Фрэнсису Торнеусу, который сидел каждую ночь до полуночи, но они ничего не слышали до 20 сентября; В это время, около девяти часов вечера, в присутствии всех, кто там был, дьявол начал свистеть три или четыре раза громким и пронзительным голосом (хотя и несколько хриплым), который, казалось, находился примерно в трех или четырех шагах от них, напевая небольшую мелодию из пяти нот, которую учат свистеть птиц; и после он часто повторял это слово: "Министр, министр"; на что

г-н. Перро сказал: "Да, я действительно министр и слуга Бога живого, перед Величеством которого ты трепещешь". Другой сказал: "Я ничего не знаю об обратном". "Я не нуждаюсь в твоём свидетельстве", - сказал он. После этого он громким голосом произносит молитву Господню, Символ веры, десять заповедей, утреннюю и вечернюю молитвы и поет восьмидесятый и первый псалом. Он рассказал священнику, что его отца отравили, и назвал имя человека, который это сделал. Он рассказал ему, что когда он в ту ночь проходил мимо дома своего старшего брата, то поприветствовал его и спросил, не хочет ли он оказать какую-нибудь услугу брату Маскону? И сказал, что они были очень добры к нему и помнили о своей любви к священнику. После этого присутствовавшие рассказали ему, что некий человек странного вида приехал верхом на очень худой лошади и, свесив голову вниз, говорил об этом. В другой раз дьявол начал насмехаться над Богом и всей религией, произнес доксологию, но пропустил второе лицо и сделал нецензурную, ужасную и отвратительную двусмысленность в третьем лице. Он также убедительно просил их послать за мистером Дю Шаффином, священником-попистом из прихода Святого Стевена, которому он исповедуется; кроме того, он просил его принести с собой немного святой воды, потому что, сказал он, в скором времени придет мне упаковка. Этот мастиф, сказал он, не смеет лаять на меня (это была большая домашняя собака), потому что я осенил его крестным знаменем... Затем он стал насмехаться и издеваться и рассказал, как упал с лестницы в канаву среди лягушек, когда савойцы возводили стены Женева, и в точности подражал их кваканью. В другой раз он сказал им жалобным голосом, что задумал составить свою последнюю волю и завещание, и велел позвать господина Торнуса, государственного нотариуса, и объявил ему, какое наследство он хочет оставить; одному человеку он сказал, что завещает 500 фунтов стерлингов; но тот ответил: "Я не возьму ничего из твоих денег, твои деньги погибнут вместе с тобой". В другой раз, пока он говорил, один из присутствовавших бросился туда, откуда, казалось, доносился голос, и строго обыскал его, но ничего не нашел, кроме маленькой бутылочки, которую и принес; тогда дьявол расхохотался и сказал ему: "Мне давно говорили, что ты дурак; и теперь я вижу, что ты действительно дурак, если веришь, что я в бутылочке; я был бы еще большим дураком, если бы полез в нее, ибо так меня можно поймать, закрыв горлышко бутылочки пальцем". - В другой раз священник сказал ему: "Иди, проклятый, в огонь вечный, уготованный дьяволу и ангелам его". На что он ответил: "Ты лжешь, я не проклят; я надеюсь на спасение через смерть и страсти Иисуса Христа".

Дьявол пригрозил служителю, что вытащит его из постели за ноги и сдернет с него одеяла. Он ответил: "Я лягу и буду спать, потому что только Господь дает мне безопасное жилище; ты не можешь иметь надо мной никакой власти, кроме той, которая дана тебе свыше". Тогда он сказал: "Хорошо тебе, хорошо тебе". И наконец он признался, что не может одержать верх над семьей, потому что они слишком часто призывают имя Божье. И действительно, было замечено, что как только они становились на колени для молитвы, дьявол оставлял разговоры и часто говорил: "Пока вы молитесь, я пойду и пошалу на улице". Но едва молитва заканчивалась, он начинал говорить как прежде, и так продолжалось до 25 ноября; тогда он произнес эти последние слова: "Увы, увy, я больше не буду говорить". Министр рассказал г-ну Дю Мулену, что однажды к нему в дом пришел один могильный провидец и, услышав, как дьявол сквернословит, резко упрекнул его за это. На что дьявол ответил: "Министр, вы святы и ревностны в этой компании, но вы не были таким, когда пели такую непристойную песню в такой таверне". И, сказав это, он снова запел перед всеми ту же похабную песню. Божественный сказал: "Правда, сатана, я был развратен в молодые годы, но Бог по своей милости дал мне покаяние и помилование за это; ты же, ожесточившись в грехе, никогда не получишь ни покаяния, ни помилования". На это дьявол сказал: "О бедные гугониты (приверженцы реформаторской религии), вам предстоит много страдать в течение нескольких лет. Какое зло замышляется против вас!"

Один папист, служивший в суде, будучи адвокатом, из любопытства пришел в дом священника, чтобы задать несколько вопросов, касающихся многих дел. Священник запретил ему, но тот не устоял. И после того, как дьявол выведал у него многое о отсутствующих друзьях, частных делах, новостях, государственных делах и вопросах права, он говорит ему: "Итак, господин, я сказал вам все, что вы требовали; я должен сказать вам следующее, чего вы не требовали, - что в это самое время такой-то человек (которого он назвал) перемолвился словом с вашей женой у себя дома". И далее он открыл много тайн и нечестных приемов адвоката. И, наконец, говорит: "А теперь, господин, позвольте мне поправить вас за то, что вы так дерзко вели спор с дьяволом: вам следовало бы прислушаться к совету священника". И вдруг вся компания увидела, как адвоката за руку вытащили на середину комнаты, где дьявол закружил его и сделал много оборотов с большой быстротой, касаясь земли только пальцами ног, а затем с большой силой бросил его на пол; и, взяв на руки, понес в свой дом, он лежал больной и долгое время был в смятении. - Последние десять или двенадцать дней дьявол непрерывно, с утра до вечера, бросал камни в дом священника, причем очень большие, некоторые из них были весом в два или три фунта. В один из этих дней в государственного нотариуса мистера Торнуса бросили большой камень, который упал к его ногам, он поднял его, пометил углем и бросил в заднюю часть дома, но вскоре дьявол снова бросил его в него; когда он поднял его, то обнаружил, что он очень горячий, думая, что он побывал в аду с тех пор, как последний раз с ним обращался. На следующий день, 22 декабря, дьявол тихо ушел; а на завтра из дома священника вышла большая гадюка, которую соседи схватили щипцами и понесли по всему городу с криками: "Вот дьявол, вышедший из дома священника". Аптекарь установил, что это была настоящая натуральная гадюка, змея, редко встречающаяся в этих странах. Сравните это с двадцатым и первым случаем, и вы найдете яркое доказательство удивительной доброты и милосердия Божьего к этим религиозным служителям и их семьям.

XXXII.- О Маргарет Уилсон.

Это правдивое повествование о том, что случилось с ней однажды ночью, когда за ней присматривали несколько человек: о том, что происходило в другие ночи, я не могу рассказать, поскольку мне нужны сведения. Говорят, что джентльмен, ее дядя, из прихода Галлашиэльс, пришел в воскресенье после проповеди к священнику, мистеру Уилки, и сказал ему, что дьявол находится в его доме; "потому что, - сказал он, - в кровати, где лежит моя племянница, раздается странный стук". Тогда священник пошел с ним и обнаружил, что так оно и есть; она поднялась с постели, села ужинать, и тут снизу раздался такой стук, что все присутствующие испугались. Стук этот раздался прямо под ее креслом, куда не мог постучать ни один смертный. Покончив с ужином, все отправились на молитву; она встала со своего места, пошла и преклонила колени в другом месте, и там тоже был слышен стук под ней, даже во время молитвы. Когда ее уложили в постель, при этом присутствовало много людей, она погрузилась в глубокий сон; затем ее тело так поднялось, что многие сильные мужчины не могли его удержать. Иногда ее тело совершало такие движения в кровати, как будто что-то хватало ее за ноги и тянуло вверх и вниз. В это время они слышали громкий звук, царапающий по перине, как будто длинными ногтями. И еще священник утверждает, что слышал громкий стук в ее сердце, подобный тому, какой издают утюги по дереву и брусу. Проснувшись, она рассказала им о многих вещах, которые говорил ей дьявол, предлагая ей подарки и презенты: ее с трудом уговорили помолиться, да она и не могла, даже когда ей

вложили слова в уста. Служитель потребовал, чтобы она заключила личный завет с Богом, который он и составил; но, обнаружив, что один уже составлен под его рукой, в маленьком трактате под названием "Великий интерес христианина", он заставил ее подписать его. Когда она это сделала, дьявол многими аргументами убедил ее нарушить завет. Так дьявол поступал каждую ночь во время ее долгих мучений. В ту же ночь, около двенадцати часов, служитель вывел ее дядю в сад, чтобы тот посидел там пару минут, и начал доносить до него смысл этой тяжелой беды, обрушившейся на семью; увещевал его поразмыслить над своими поступками и подумать, не сделал ли он чего-нибудь, что вызвало бы Господа против него; и особенно он обвинил его в одной вещи, о которой было громко сказано. Он торжественно, с ужасными проклятиями, заявил, что не виновен в том, что о нем говорили, и полностью отрицал это. Она призналась, что видела дьявола в человеческом обличье, но особенно однажды, когда шла в церковь, и он запретил ей идти и слушать проповедь. После долгих хлопот, шума и разговоров молодая женщина, которой было всего 12 лет, приехала в Эдинбург и остановилась там у подруги, а оттуда отправилась в Лейт, где служила у одной хозяйки. В конце концов она отправилась в Истер Даддингстон, кажется, и вышла там замуж за мужа, с которым прожила несколько лет в Магдален Пэнс, где и умерла. Я не слышал, чтобы впоследствии к ней приставали. Если собрать все подробности этого дела, то они составили бы гораздо более длинную историю, чем я изложил.

XXXIII.- Краткие сведения о Джанет Дуглас.

Когда я был в Глазго летом 1675 года, мне захотелось увидеть немую девушку, о которой вы упоминаете в своем первом сообщении. При первом моем появлении она отказалась от беседы, но, дружелюбно выражаясь и дав ей немного денег, я добился ее расположения. Сначала я поинтересовался ее происхождением. "Я не помню, - говорит она, - своих родителей, но знаю только, что все, кто меня знал, называли меня Джанет Дуглас. Когда я была совсем маленькой, меня держала у себя одна бедная женщина, которая оказалась жестока со мной, била и издевалась надо мной; тогда я покинула дом этой женщины и пошла просить милостыню". Далее я поинтересовался, как она стала немой. Она рассказала мне, что из-за того, что у нее опухли горло и язык; но потом с помощью *Album Græscum*, "который, как я думала, - сказала она, - был мне явлен, я восстановила свою речь". "Я спросил ее, как она пришла к знанию о ведьмах и их практиках. Она ответила, что получила его только в видении, и знала все вещи так же хорошо, как если бы лично присутствовала при них; но не имела откровения или информации от голоса какого-либо духа; не общалась с дьяволом или каким-либо духом такого рода; только, - говорит она, - дьявол представлялся мне, когда он был в компании с любой из ведьм, в той же форме и привычке, в которой его видели они." Она сказала мне, что была совершенно невежественна в вопросах религии, но имела некоторое представление о молитве Господней, которую она слышала, как ведьмы повторяли, кажется, по ее видению, в присутствии дьявола; и по его желанию, которое она наблюдала, они добавляли к слову *art* букву *w*, что делало ее такой: "Отче наш, бодрствующий на небесах"; и делали третье прошение таким: "Как на земле, так и на небе"; таким образом дьявол применял молитву к себе.--Помню, однажды в городе была женщина, которая имела любопытство навестить ее, и спросила ее, как она достигла знания стольких вещей? Но молодая девица отвлекла ее, спросив, как ее зовут. Она назвала свое имя. Другая говорит: "Есть ли в Глазго другие с таким именем?" Нет, - ответила женщина. Тогда, сказала девушка,

"ты ведьма". Другой говорит: "Тогда ты дьявол". Девушка отвечает: "Дьявол не открывает ведьм, но я знаю, что ты одна из них, и знаю твои обычаи". Тогда женщина убежала в большом смятении, так как ее действительно подозревали в колдовстве и иногда сажали в тюрьму за это. Другая женщина, которую звали Кэмпбелл, тоже имела любопытство прийти и увидеть ее и начала задавать ей вопросы. Женщина, не решаясь дать ей ответ, говорит: "Молю тебя, скажи мне, где ты была вчера вечером и что делала? И еще, - говорит она, - покажите мне вашу руку". Она отказалась, тогда хозяин дома схватил женщину и еще нескольких человек, находившихся в доме, и заставил ее обнажить руку, где Джанет Дуглас показала им невидимый знак, который она получила от дьявола. Бедная женщина, сильно пристыженная, убежала домой. Через некоторое время она вышла и рассказала соседям, что все, что говорила о ней Джанет Дуглас, было правдой, и убедительно попросила их показать все это магистрату, чтобы ее задержали, "иначе дьявол, - говорит она, - заставит меня покончить с собой". Но соседи, решив, что она находится в приступе рассеянности, отнесли ее домой, а рано утром следующего дня женщину нашли утонувшей в Клайде. Девушка также рассказала мне в Глазго, будучи тогда не в силах сдержаться, что ей было открыто, что ее повезут на большой совет в Эдинбург, заключат там в тюрьму и будут бичевать по всему городу. Все так и случилось; примерно через год после этого она была задержана и заключена в тюрьму в тольботе Канонгейта и предстала перед советом, но против нее ничего не нашли, и она была уволена; но затем за несколько преступлений, совершенных в Эдинбурге, ее снова схватили, заключили в тюрьму, подвергли бичеванию и отправили на какую-то чужую плантацию; с тех пор я ничего о ней не слышал". -Есть еще несколько примечательных эпизодов, касающихся ее, о которых я не могу сообщить вам, но которые, возможно, могут сделать другие; поэтому я резко прервусь и не скажу больше ничего, кроме того, что я ваш нежный друг. Эту информацию я получил от одного благоразумного джентльмена, который несколько лет назад был одним из моих учеников в Глазго.

XXXIV.- О Хелен Эллиот, сожженной в Кулроссе.

Для мистера Синклера.

Эдин. 8 октября 1684 года.

Сэр, я не могу не одобрить ваш замысел опубликовать книгу "Невидимый мир Сатаны обнаружен", особенно в наше время, когда так много тех, кто отрицает существование дьяволов, духов и ведьм, и не верит ничему, кроме того, что видит своими глазами. Я расскажу вам три примечательные истории, которые могут подтвердить известные свидетели, многие из которых еще живы... Когда я был школьником, я имел любопытство проехать из Борроустуннеса в Кулросс, чтобы увидеть, как сжигают известную ведьму. Ее несли к месту казни на стуле четверо мужчин, потому что ее ноги и живот были сломаны, по одной из хитрых уловок дьявола, которые он с ней разыграл. Однажды ночью за этой

женщиной наблюдали в шпиле Кулросса двое мужчин, Джон Шэнк, мясник, и Джон Драммонд; они, утомившись, пошли в другую комнату, где был огонь, чтобы взять трубку. Но чтобы обезопасить ее, они засунули ее ноги в колодки и заперли их как можно лучше. Но не успели они выйти из комнаты, как в темницу вошел дьявол и сказал ей, что он обязан избавить ее от позора, который она должна претерпеть ради него; он вытащил ее из колодок и, обняв, вынес из темницы; она в ужасе воскликнула по дороге: "Боже, куда ты меня ведешь?". При этих словах он позволил ей упасть на расстоянии от шпиля, равном ширине Эдинбургской улицы, где она переломала себе ноги и живот. Я видел отпечаток и ямку от ее пяток, как и многие тысячи людей, и это продолжалось шесть или семь лет; на этом месте никогда не росла трава. В конце концов на этом месте построили каменный колодец. - Второй мой рассказ будет о некоторых ведьмах в Борроустаннесе, которые стали поводом для долгих расследований. В 1644 году некая женщина в этом городе пришла около восьми часов утра в дом своей соседки, впад в ярость, и напала на нее, царапая ей лицо и вырывая волосы из головы, говоря: "Ты, воровка-предательница, ты думала погубить моего сына сегодня утром, но это было не в твоей власти". Корабль, на котором молодой человек был матросом, в то утро попал в страшную бурю у острова Сент-Эббс-Хед; от натиска моря, налетевшего на палубу, его выбросило за борт одной стороны корабля, и, к всеобщему восхищению, он снова оказался на палубе, с другой стороны, без вреда. Об этом чудесном деле моряки, сойдя на берег, рассказали около восьми часов и сравнили с тем, что одна женщина сказала другой в то утро, их обеих задержали и, после их признания, сожгли, причем зрителями были многие сотни людей, среди которых был и я. - Последнее, более примечательное, касается жены некоего Гудалла, бондаря из прихода Каррон. Этой женщине было около тридцати двух или тридцати трех лет, она была самой красивой и привлекательной из всех, что были в стране. О ней часто писали и рассказывали многие из тех, кто был сожжен. Рассказывали, что среди них всех она была той, кого дьявол на их собраниях больше всего обхаживал и обнимал, постоянно называя ее "моя дорогая госпожа", ставя ее всегда по правую руку от себя, к большому неудовольствию своих старых ведьм, которых, как они считали, он теперь пренебрегал. Ее задержали и посадили в тюрьму. В это время там находился некий Джеймс Флеминг, хозяин корабля, человек весьма мужественный, сильный и решительный, и она намекнула ему, когда он увещевал ее исповедаться, что, как она поняла, он будет дежурить в следующую ночь, и если до часа ночи она не получит избавления, которого ожидала, она откроет ему свое сердце перед другими. Тогда он, опасаясь того, что может случиться, и имея на то основания, отправился к своему дяде, человеку серьезному и опытному, который посоветовал ему взять на корабль всю компанию, до четырнадцати способных мужчин, и нести вахту, не забывая о чтении Писания и усердной молитве к Богу. Ночь была тихой и спокойной, как летняя ночь, без малейших признаков перемен, как вдруг в полночь, когда сам Джеймс Флеминг разговаривал с ней и, по обычаю, держал ее за руку, я говорю, внезапно, налетела страшная буря, подобная урагану, которая сорвала крышу с дома, к их большому ужасу; И трижды раздался голос, призывавший ее странным именем уйти; в это время она сделала три прыжка вверх, постепенно увеличивая высоту, пока ее ноги не оказались на уровне его груди. Но он держал ее за обе руки и (как он говорил, когда рассказывал об этом) сильно и искренне учил себя Богу, хотя и с большим изумлением, волосы стояли у него на голове дыбом. И после третьего призыва он, преодолев величайшее усилие, которое когда-либо испытывал, повалил ее на землю, она корчилась и пенилась, как больная, и погрузилась в глубокий сон на два или три часа. Проснувшись, она с горечью обрушилась на вероломство и коварство дьявола, который обещал до четырех часов утра доставить ее в Ирландию и сделать остановку в Пейсли, где она могла бы мимоходом увидеть свою сестру. Она сделала свободное и полное признание и обманула многих женщин, некоторые из них пользовались хорошей репутацией, которые впоследствии также

признались и умерли. Автор этого письма - человек очень честный и искренний. Из первого же его рассказа мы видим очевидный пример того, что дьявол может переносить тела мужчин и женщин по воздуху. Правда, он не унес ее далеко, но не из-за недостатка мастерства и силы. Не испугался он и произнесения имени Божьего; но, предлагая погубить и душу, и тело бедняжки, он сделал вид, что так оправдывает себя от ее руки. - Первая история заставляет меня вспомнить об одной Крик, ведьме, посаженной в тюрьму на шпилье Кулросса, к которой несколько лет назад пришел мистер Александр Колвил, судья-отступник, джентльмен, обладающий большой проницательностью и знаниями о ведьмах. Он спросил, была ли она ведьмой? Она отрицала. "Осмелюсь поднять руку и поклясться, что вы не ведьма!" "Да, сэр", - ответила она. Но вот какой удивительный суд Божий обрушился на нее! Пока она клялась, подняв руку, она стала жесткой, как дерево, и не могла ее вытянуть, к изумлению всех присутствующих. Один человек, до сих пор живущий там, был свидетелем и может подтвердить это. Джентльмен, видя, как Бог мстит ей за ее злодеяния, тут же упал на колени и стал молить Господа о ней, который был милостиво рад его выслушать. - Некоторые считают, что дьявол не может поднимать ветры и бури на море и на суше. Это явствует из последнего рассказа в письме, который заставляет меня вспомнить о страшной буре в Фёрте в тот день, когда Бесси Фаулер была сожжена в Муссельбурге в мае 16 года. Дьявол пообещал ей, что она не умрет в это время; тогда она, глядя в окно тюрьмы, очень уверенно сказала людям внизу: "Вы думаете увидеть меня сожженной в этот день, но вы будете обмануты". Ураган так разбушевался, что все подозревали, что она не должна была умереть в тот день. Утро и день были очень спокойными.

XXXV.- О некоторых молитвах, чарах и приметах, используемых в горных районах.

Во времена невежества и суеверий, когда тьма язычества не была рассеяна евангельским светом, духи вели более привычную беседу с семьями; и даже во времена Поперии, что было более частым в домах, чем пирожные, которых они использовали во многих службах. Было бы неразумно и смешно пересказывать все истории, которые рассказывали о брауни и феях, обычно называемых нашими добрыми соседями: как существовали король и королева фей, такой двор и состав, как у них был; и как у них была добыча и обязанность, как это было, всех кукурузных зерен, плоти и еды; как они ездили верхом и ходили по склонам холмов, все в зеленом одеянии. Я верю, что многие видели такие призраки. Но что это было? Не что иное, как заблуждение чувств разных людей, которых дьявол заставил поверить, что они видят и слышат такие вещи. Брауни был духом, который привычно преследовал разные дома, не делая никакого зла, но совершая необходимые обороты вверх и вниз по дому, и его часто находили работающим в амбаре, молотящим кукурузу в ночное время, который выглядел как грубый волосатый мужчина. Я не буду говорить о нелепых причудах, таких как встреча с удачной или неудачной ногой, когда мы идем по важным делам; это, несомненно, уроки дьявола и отрицание Божьего провидения. У язычников было принято приписывать добрую или злую удачу убийству птиц, как говорит Вергилий: "Sæpe sinister cava prædixit ab illice cornix". Есть ли магия в практике некоторых слишком любопытных молодых женщин, которые на Хэллоуин ложатся спать, ни с кем не разговаривая, предварительно съев пирог из сажи, и мечтают увидеть во сне человека, который станет их мужем, я не могу определить; но это выглядит как очень плохая практика. Я слышал об одной женщине, которая в эту ночь окунала свой халат в воду, текущую с юга, и вешала его сушиться перед огнем. Один из них

пришел в образе человека, который должен был стать ее мужем, повернул его и сразу же подошел к кровати, где она присутствовала при этом событии, и поцеловал ее. Кажется, она не поверила, что это был дьявол. Говорить о втором зрении я не могу, пока не будет получена более полная информация. Мне, несомненно, известно, что мужчины и женщины в Горных горах могут распознать приближение смерти, видя их в воде или с намотанными на них простынями; и что другие могут предсказать в овечьей плечевой кости смерть в приходе за семь или восемь дней до ее наступления. Не исключено, что такое сверхъестественное знание приходит сначала в результате договора с дьяволом и передается по наследству потомкам, многие из которых, как я полагаю, невинны и обладают этим зрением против своей воли и склонности.

Чары и заклинания были впервые преподаны мужчинам и женщинам в конфедерации с дьяволом, многие из них получены по традиции и используются ведьмами, а также невежественными людьми. Сила исцеления должна происходить от активного невидимого применения их дьяволом к той или иной болезни, как, например, исцеление универсальной подагры с помощью этого непонятного заклинания.

"Etter sheen etter sack, et ta leur etta pachk, wiper sicaan casemitter in shi, so leish en shi corne, orn heip twa till one eurcht mach a mainshore."

В некоторых районах Галлоуэя есть амулет для лечения болезни под названием Линг, который звучит так: "Catheri, Dumi, Chini, Brini". Есть и другой, который некоторые используют для осуществления того, что другие делают, завязывая три узла: "Far si far, fa sar fay u, far four na forty kay u, mack straik it a pain four hung creig weil mack smeoran bun bagie." Этот язык не поддается толкованию. Кроме того, у горцев есть молитвы и авы, в которых, по их мнению, кроется большая добродетель, как, например, в повторении молитвы Господней на латыни таким образом:

"Paidder nuhter kish in sheali sanctishetter noman du, ta renada, ta langa tu, quidi bonum aicht in dearrich, an dingers, an dangis, a nipis a nopolis, induraramis indaramis, indittimis indatamis, shechli sheclorum. *Аминь.*"

Их AVE MARY звучит следующим образом:

"Ave Mari crashi plena du na takamis pendicata tus onte willie yeramis, penedicata rucara shendri Esum Christum. *Аминь.*"

Ночью, во времена папства, когда люди ложились спать, они верили, что повторение следующей молитвы убережет их от опасности, а заодно и дом.

"Кто ночью дом портит?

Те, кто охраняет его ночью:

Святая Брайд со своим братом,

Святой Колме и его шляпа,

Святой Михаил и его копье,

Храните этот дом от плотины;

От бегущего вора;

И от горящего вора;

И от злого Ри,
Который в ворота может войти;
И от злого вождя,
И от недоброй ночи.
Девять тростников вокруг дома;
Храните его всю ночь.

Что это такое, что я вижу
Красное, яркое, за морем?
Это его пронзили в руки,
через ноги, через горло,
через язык;
через печень и легкие.
Хорошо тем, кому хорошо
Поститься в Страстную пятницу".

Еще одна молитва, которую использовали воры и разбойники на границах после мяса, чтобы обокрасть своих соседей.

"Тот, кто назначил нам родиться,
Пошли нам больше мяса на утро,
Часть из них правильная, а часть странная:
Дай нам Бог никогда не поститься до утра.
Благодарим Бога и нашу Госпожу,
Все сделано, что мы приготовили".

Один деревенский житель в Восточном Лотиане использовал эту молитву всегда до и после мяса.

"Благословите Господа за все его дары,
Победи дьявола и все его козни;
Бог послал мне больше серебра. *Аминь.*"

Как дьявол изначально является автором чар и заклинаний, так и он является автором нескольких бравурных песен, которые поются. Один преподобный священник рассказывал мне, что один человек, который был дьявольским волынщиком, верзилой, признался ему, что на танцевальном балу злой дух научил его непристойной песне, чтобы он пел и играл ее,

как в эту ночь, и не прошло и двух дней, как все парни и девушки города распевали ее на улице. Репетировать ее было мерзко.

XXXVI.- О некой Лиззи Мьюиди в Хаддингтоне.

Эта женщина была служанкой у Маргарет Кирквуд, женщины с хорошей репутацией, которая перед смертью немного помутилась рассудком, по какой причине, я не стану выяснять. Она сделала некоторым из своих друзей намеков на то, что склонна наложить на себя руки; после этого ее стали посещать и ждать, но у нее была свобода уединиться для молитвы, которой она занималась очень часто. В один из субботних дней, когда все были в церкви, а она дома, и с ней не было никого, кроме служанки, она ушла в какую-то высокую комнату, как она обычно делала, чтобы предаться молитве, и там, прежде чем служанка могла узнать, она повесилась. В это самое время Элизабет Муиди, ее старая служанка, находясь в церкви, стала считать на пальцах пятьдесят или пятьдесят один, и когда число закончилось, она громким голосом, в присутствии всех, воскликнула: "Теперь очередь сделана". Вскоре ее забрали как растерянную; а в церковь пришла весть, что такая-то женщина повесила себя, свою старую хозяйку, и ее отвели в тюрьму; но каково было ее признание, доподлинно неизвестно. Рассказывают и о многом другом, о чем я не могу рассказать. Эта трагедия была поставлена в течение нескольких лет в Хаддингтоне.

XXXVII.- О майоре Вейре и его сестре.

Этот человек, Томас Вейр, родился в Клайдсдейле, неподалеку от Ланарка, и уже давно был лейтенантом в Ирландии. Каким образом он получил государственную должность в городе Эдинбурге в 1649 и 50 годах, я не знаю, но, кажется, с тех пор его всегда называли майором Вейром. О нем можно было бы рассказать многое, но для краткости я не могу в это вмешиваться, поскольку намерен говорить только о его колдовстве и других связанных с ним вещах. По-видимому, до своего сожжения он имел некоторую власть над официантами в портах города, являясь, так сказать, их сменщиком. Придя однажды по своему обыкновению, он застал некоторых из них в подвале за кружкой эля, пренебрегая своими обязанностями. После мягкого упрека один из них ответил, что некоторые из них были на службе, а остальные ушли пить со своим старым другом мистером Берном. На что тот отпрянул назад и, бросив на него взгляд, четыре или пять раз повторил слово "Берн", и, отправившись домой, больше не появлялся за границей, пока не прошло несколько недель после того, как он обнаружил свою нечистоплотность. Некоторые заметили, что, отправляясь иногда в Либертон, он избегал переступать через тот ручей, который обычно называют Либертон-берн, но шел, избегая его. Некоторые предполагают, что он получил совет остерегаться ожога или чего-то другого, что может означать это двусмысленное слово, как ожог в огне. Если это так, то он предвидел приближение своего дня. За год до того, как он открыл себя, он сильно заболел; в течение этого времени он разговаривал со всеми, кто его посещал, как ангел, и часто бывал за границей... Этот человек, испытывая страшные муки совести, и ужасы Всемогущего были на его духе, признался нескольким соседям в своем собственном доме, и это было очень

охотно, в определенных грехах, в которых он был виновен, что вызвало удивление у всех людей, поскольку они исходили от человека с такой высокой репутацией в религии и благочестии. Закончил он таким примечательным выражением: "Перед Богом (говорит он) я не сказал вам и сотой доли того, что могу сказать больше, и в чем я виновен". В этих же мерзостях он признался и перед судьями. Но после этого он никогда, до самого своего предсмертного часа, не признавался больше ни в чем, что могло бы послужить для прославления Бога и назидания других, но оставался тупым, не имея уверенности посмотреть кому-либо в лицо или открыть глаза. - Когда двое из магистрата пришли ночью к нему в дом, чтобы отвести его в тюрьму, они спросили, есть ли у него деньги для обеспечения? Он ответил, что нет. Его сестра сказала, что есть. После этого в нескольких шкапулках были обнаружены пять долларов в упаковках, то тут, то там. Его сестра посоветовала двум магистратам особенно тщательно охранять его посох, ведь она тоже попала в тюрьму. После того как он был помещен в будки, бейлисы вернулись и зашли в таверну, расположенную неподалеку от дома Вейра на Вест-боу - так называется эта улица. Деньги были положены в мешок, а кулаки брошены в огонь хозяином дома и его женой, которые необычным образом устроили в огне круговорот и пляску. Был найден еще один клубок с каким-то твердым предметом, который они тоже бросили в огонь; это был некий корень, который кружился и сверкал, как порох, а выйдя из туннеля дымохода, дал треск, как маленькая пушка, к изумлению всех присутствовавших. После окончания семейной молитвы он удалился в ту же каморку (где был и я), и в это время его жена, которая еще жива, и остальные члены семьи были напуганы ужасным шумом в кабинете, похожим на падение дома, около трех раз вместе. Его жена, постучав, испуганно воскликнула: "Мой дорогой, ты жив?". Бэйли вышел без страха, ничего не услышав; скрыл ли он это по той причине, что его жена была беременна, или по другой, неизвестно. Вскоре деньги были отосланы в дом другого бейли, расположенный на большом расстоянии от дома Вейра; там, как сообщалось, произошел некоторый переполох, но в нецензурных выражениях.

За время своего заключения он ни разу не пожелал, чтобы с ним поговорили; а когда городские священники предлагали помолиться за него, он в ярости кричал: "Не мучайте меня больше, ибо я и так мучаюсь". Один из служителей (теперь уже спящий), спросив его, должен ли он молиться за него, ответил: "Ни в коем случае". Другой ответил с видом святого гнева: "Сэр, я буду молиться за вас, несмотря на ваши зубы, и дьявол - ваш хозяин тоже", и тот действительно молился, заставляя его хотя бы слышать; но тот дико таращился и был бессмыслен, как скотина. Другой, тоже успокоившийся, спросил, есть ли, по его мнению, Бог; тот ответил: "Не знаю". Тот другой ответил умно: "О человек, аргумент, побуждающий меня думать, что Бог есть, - это ты сам; ибо что еще побуждает тебя сообщать миру о своей нечестивой жизни?" Но Вейр ответил: "Оставьте меня в покое". Когда он категорически запретил одному из своих приходских служителей (еще живому) молиться, один из них потребовал, чтобы он позволил молиться кому-либо из пресвитериан, тот ответил: "Сэр, для меня вы все одинаковы". Тогда служитель сказал ему: "Я буду молиться с тобой". "Не делай этого, - сказал другой, - на свой страх и риск"; он посмотрел вверх на балки дома. Но молитва возносилась тем более искренне, что все вокруг ожидали какого-то видения. Заметно, что в обычных вещах он был достаточно уместен; но когда речь заходила о Всемогущем Боге и состоянии его души, он пожимал плечами, теребил свой плащ и грудь, говоря им: "Не мучьте меня раньше времени". Когда его посадили на костер, чтобы сжечь, городские служители позвали одного из церковников, который смотрел на него, будучи одним из тех, кого раньше считали Вейром, чтобы поговорить с ним; но не успел он открыть рот, как сделал знак головой, чтобы он замолчал. Когда ему на шею накинули веревку, чтобы приготовить его к костру, он хотел сказать: "Господи, будь милостив ко мне", но ответил: "Оставьте меня, я не буду; я жил как зверь и должен умереть как зверь". Разгорелся костер, и через некоторое

время и он, и его посох упали в пламя. Какое заклинание было в его посохе, не мне обсуждать. Он не мог исполнять никакие священные обязанности без своего жезла в руке и опираясь на него, что заставляло тех, кто слышал его молитвы, восхищаться его беглостью. Его падение в огонь вместе с ним, (пусть другие ищут несоответствие), напомнило мне этот отрывок. Несколько лет назад в Зетланде судья, осудив старуху и ее дочь по имени Хелен Стюарт за колдовство, отправил их на сожжение. Главная была настолько глупа, что ее сочли одержимой. Когда она провисела некоторое время на виселице, из ее рта вырвался черный шарик, похожий на смолу; после того как развели огонь, он вырос до размеров грецкого ореха, а затем взлетел в воздух, как стружка, что подтверждает судья, который еще жив. Это было воспринято как видимый знак того, что дьявол вышел из нее. Я не буду применять это к сотрудникам мистера Вейра - из хороших рук я знаю, что если этот человек и раскаялся в тюрьме, то только за то, что подверг бичеванию бедную служанку, которая утверждала, что видела, как он совершал скотоложство, отправляясь в Ньюмилс на торжественное собрание. Эта бедная женщина прожила около двух лет после его смерти и слышала о его роковом конце. Впервые он совершил кровосмешение со своей родной сестрой, когда она была еще юной девой. Место, где было совершено это мерзкое преступление, было проклято, ибо, вопреки природе, оно всегда оставалось голым и без травы. Один преподобный священник сказал мне (я говорю это от себя, а не от автора письма), что майор Вейр признался ему в этом и рассказал, что это место находится в стороне от дороги между Кирккалди и Кингхорном, на склоне небольшого холма; он имел любопытство пойти и посмотреть, и нашел, что это так. Это было сделано пятьдесят лет назад. Прежде чем я перейду к его сестре, примите это примечательное замечание от двух еще живых людей, проживавших у подножия Вест-Боу, во главе которого жил майор Вейр. Эта джентльменка, жена крупного торговца, очень хотела услышать, как он молится, поскольку о нем много говорили; и с этой целью она поговорила с соседями, чтобы, когда он придет к ним домой, за ней послали. Так и было сделано, но его никак не могли уговорить открыть перед ней рот; нет, не благословить чашку эля; он либо оставался немым, либо вставал с посохом и уходил. Тогда это ее беспокоило, но, полагаю, сейчас и муж, и она улыбаются этому.

За несколько дней до того, как он обнаружил себя, эта джентльменка, идущая из Касл-Хилла, где лежала с ребенком племянница ее мужа, около полуночи заметила в районе Боу-Хед трех женщин в окнах, которые кричали, смеялись и хлопали в ладоши. Джентльмен пошел вперед, пока дверью майора Вейра не возникла, как с улицы, женщина ростом с двух обычных женщин и шагнула вперед. Джентльменка, не слишком опасаясь, велела своей служанке идти дальше, если, конечно, они смогут разглядеть, что это за женщина; но как они ни спешили, длинноногий призрак все еще стоял перед ними, двигая своим телом с яростным клекотом и великим безмерным смехом. Так они и шли, пока великанша не дошла до узкого переулочка в Боу, обычно называемого Вонючим замком, и, свернув в него, джентльменша, глядя ей вслед, увидела, что замок полон горящих факелов (другого названия она им дать не могла) и, как и прежде, великого множества людей, задорно хохочущих и зияющих от хохота. Это зрелище в столь глухую ночь, когда в окнах, примыкающих к дому, не было людей, заставило ее и ее служанку поспешить домой и рассказать обо всем, что они видели, остальным членам семьи, но еще более страстно - мужу. И хотя ее мучил страх, на следующее утро она вместе со своей служанкой отправилась осмотреть места, отмеченные во время ночной прогулки, и у одного из домов спросила, кто там живет? Ей ответили: майор Вейр. Честная пара теперь радовалась, что за преданность Вейра они никогда не говорили "аминь". Я знаю, что есть те, кто упорно твердит о неразумности веры в подобные видения и явления; но вы сами достаточно убедительно доказали это своим отношением. По всей вероятности, они были предвестием его приближающейся смерти и ее способа, ссылки и факелы означали почетное погребение,

которое, возможно, было ему обещано. В городе был один священник, которого никак не могли уговорить поговорить с ним в тюрьме; но не раньше, чем он умер, он отправился в тольбот и позвал свою сестру, которая испытывала некоторые угрызения совести; о ней я сейчас расскажу. Он рассказал ей, что ее брат был сожжен и как он умер (хотя он не видел его казни), как я слышал от него самого. Она ничему не поверила, но после многих подтверждений спросила, где его посох, ибо, похоже, она знала, что в нем заключена его сила и жизнь. Он сказал ей, что он сгорел вместе с ним. Тогда, несмотря на свой возраст, она проворно и в ярости упала на колени, произнося слова, ужасные для памяти. А когда она поднялась, как ей было велено, ее неистовая агония завершилась такими словами: "О господин, я знаю, что он с дьяволами, ибо с ними он жил". Она умоляла священника помочь ей и сопровождать ее до самой смерти, на что он, по ее неистовой просьбе, согласился, хотя в его обязанности не входило ждать осужденных. То, что она сказала наедине с собой, по его словам, должно умереть вместе с ним. Она призналась, что с шестнадцати лет и до пятидесяти ее брат имел с ней кровосмесительную связь, а потом возненавидел ее за возраст. В это время она была уже довольно старой, а ему, когда он умер, было около семидесяти. Он спросил ее, была ли она когда-нибудь от него беременна? Она с большой уверенностью заявила, что он препятствовал этому с помощью отвратительных средств: когда она начала рассказывать, священник остановил ее. Некоторые свидетели хотели услышать остальное, но он сказал: "Господа, рассуждения об этом беззаконии сами по себе подлежат наказанию". В частых и повторных визитах ее допрашивали, не причастна ли она к дьявольским проискам своего брата? Она ответила, но в пассивной форме; и привела такой пример: Огненная колесница, или карета, как она ее называла, подъехала к его двери среди бела дня, и незнакомец пригласил его и ее навестить друга в Далкейте, небольшом городке в шести милях от Эдинбурга. Они оба вошли и отправились в гости; в это время (говорит она) один подошел и что-то прошептал ему на ухо, что подействовало на него. Оба они вернулись обратно тем же путем, что и ушли. И Вейр, отправившись после этого нанести несколько визитов, сказал им, что у него были сильные опасения, что в тот день войска короля были разбиты под Вустером; это подтвердилось через несколько дней по почте. Она утверждала, что никто не видел карету, кроме них самих. Дьявол в свое время совершал куда большие злодеяния, чем это. Она много знала о заколдованном посохе, ибо с его помощью он мог молиться, совершать мерзости, которые нельзя называть, да даже примирять соседей, мужа и жену, когда они враждовали. Она часто прятала его от него, а поскольку без него он ничего не мог сделать, он угрожал и клялся раскрыть ее кровосмешение; опасаясь этого, она снова отдавала его. Когда ее спросили, почему она так много прячет, чем она славилась, она отрицала всякую помощь от дьявола, но обнаружила, что у нее необыкновенная способность к этому, гораздо выше, чем у обычных пряж; при этом она призналась, что когда она вернулась домой после пребывания за границей, то обнаружила, что на колесе было больше пряжи, чем она оставила, и что ее ткачиха не могла сделать из нее ткань, так как пряжа рвалась или падала со станка.--Однажды к ней пришел незнакомец, когда она сидела за колесом, и предложил ей способ, как сделать рик, ибо оба они жили почти на милостыню. Способ был таков: "Встань и скажи, что все кресты и заботы уходят из этого дома". Она ответила: "Боже упаси, я так говорю, но пусть они будут желанными, когда Бог их пошлет". После еще двух или трех посещений она спросила незнакомку: , где она живет? Та ответила: "На Поттерроу", улице в пригороде того города; но, не найдя ни такого дома, ни такой женщины, я решила, сказала она, что это дьявол, один из знакомых моего брата, ибо я знаю, что он был знаком с дьяволом.

Его бедность напомнила мне о волшебнике, обвиненном и казненном в Зетланде, прежде названном, за колдовство, несколько лет назад, по прозвищу Лагги; который, будучи рыбаком, имел хитрость, в любое время, когда голодал в море, бросать свою линию, и из

самой низкой кухни Нептуна, приносил ловко вверх рыбу, хорошо сваренную и зажаренную; и его товарищи, по природной храбрости, делали веселый обед из нее, не спрашивая, кто был поваром. В любое время года или во время сильных бурь у него было еще одно искусство - подниматься на холм возле своего дома, где находилась глубокая яма, из которой он с помощью своей лески доставал трески или кили для провизии, которую не мог достать никто, кроме него самого. Эта история подлинная, ее еще можно найти в уголовных книгах той страны. Она была убеждена, что ее мать была ведьмой; "потому что самое тайное, что могла сделать я сама или кто-либо из семьи, когда на ее челе появлялась метка, она могла рассказать об этом, хотя делала это на большом расстоянии". На вопрос, что это за знак? Она ответила: "У меня самой есть такой знак на лбу, когда я захочу". Тогда она предложила обнажить голову для видимого удовлетворения; священник отказался смотреть на это и запретил что-либо обнаруживать, но некоторые зрители убедительно попросили его дать свободу. Он уступил: Она откинула головной убор, и, казалось, нахмурилась, в ее морщинах виднелся точный конский башмак в форме гвоздя, достаточно ужасный, уверяю вас, для самого стойкого зрителя. Утром перед казнью она сказала священнику, что решила умереть со всем возможным позором, чтобы искупить милосердием свою позорную жизнь; он понял это как бесхитростное признание своих грехов в противовес отчаянию и отчаянному молчанию брата, к чему он ее и побуждал. Расставаясь с ним, она сердечно поблагодарила его за труды и, пожав ему руки, предложила поцеловать их, повторив те же слова, которые он велел ей произнести. Поднимаясь по лестнице, она несколько сбивчиво рассказывала о своих грехах, о брате и его чарующем посохе; и с ужасным лицом, глядя на множество зрителей, все удивлялись, а некоторые плакали, она произнесла вслух: "Многие здесь в этот день удивляются и приветствуют меня, но, увы! немногие скорбят о сокрушенном..."; при этих словах многие рассердились: некоторые призвали ее к более высоким заботам; и я слышал, что проповедник заявил, что ему стоило большого труда сохранять спокойное лицо. Палач приступил к исполнению своих обязанностей, а она приготовилась умереть голой; тогда, и не раньше, были поняты ее слова о стыде; палач боролся с ней, чтобы она не снимала одежду, а она боролась с ним, чтобы снять ее. В конце концов он был вынужден бросить ее с открытым лицом, которое затем прикрыл тканью... - Вот такие сведения передал мне джентльмен; к ним я добавлю, что это не публикуется с целью охарактеризовать людей того или иного убеждения, отнюдь нет. Дьявол может подделывать любую религию, какую пожелает, и, как правило, хорошую. Истинная религия никогда не пострадает от того, что лицемер наденет на себя ее плащ, как добрые ангелы могут пострадать от того, что сатана превратится в ангела света. У дьявола есть свои лакеи и пажи с ливреей Христа на них. Разве Иуда, который был одним из двенадцати, не был гнусным лицемером? Удивительно, что если в общине тысяча исповедующих Христа, то и сотня из них не так плоха. Его сверкающий плащ религии ослеплял глаза всех людей; это было необходимо. Грязные недостатки должны быть прикрыты плащом. Апостол Иуда говорит о некоторых, которые идут по гетере Сарко, что можно понимать не только как грех, упомянутый в Римлянам, i. 27, но и как другой вид плоти, который не следует называть. Здесь была демонстрация, наглядно доказывающая, что Бог есть, - ужасами его совести. Очевидно также, что есть дьявол, который толкает людей на грех. Так он сказал двум служителям, которые пришли к нему в тюрьму; не было такого искушения, которое дьявол мог бы предложить ему, но он был способен принять его. Очевидно также, что между некоторыми людьми и дьяволом существует явный договор; ужасные грехи, прикрытые религией, в конце концов приводят к полному отчаянию. Отчаяние в аду "fieri". Некоторые люди, как и дьяволы, мучаются раньше времени. Не будем считать меньшим в религии то, что она делается плащом для прикрытия греха; будем остерегаться, чтобы падение такого человека не оказалось для нас переломом шеи; не будем боготворить человека за его исповедание, за то, что он того или иного убеждения или

такой-то партии: пусть никто не успокаивается на голом исповедании религии. Людям, вступившим в союз с дьяволом, можно помогать и проповедовать, и молиться. Слуги дьявола хорошо вознаграждаются в конце концов. Исповедание и практика должны сочетаться; кликушество с несдержанным языком - это тщетная религия. "Чистая религия и непорочная перед Богом и Отцом состоит в том, чтобы посещать отцов и вдов в их скорбях, и чтобы человек сохранял себя непорочным от мира".

Майор Вейр был сожжен между Эдинбургом и Лейтом, в местечке под названием Гэллоули, в четверг 14 апреля 1676 года.

XXXVIII.- Явление, увиденное в жилом доме в Мэри Кингс Клоуз в Эдинбурге.

Сэр, в течение нескольких лет в Эдинбурге жил некий Т. К., по профессии агент в доме заседаний; он в свободное от работы время перевозил свою мебель из нижней части города в верхнюю. Один из приближенных, увидев в субботу свою служанку, несущую в такой дом легкую мебель, спросил ее, будет ли она жить в этом доме? "Да", - ответила она, - "ибо я нанята на это полугодие". Ее друг сказал ей: "Если ты будешь жить там, уверяю тебя, у тебя будет больше компании, чем ты сама". И после того как она еще дважды или трижды ходила туда-сюда, получив несколько сведений об этом деле, ее уговорили сказать хозяйке, что она не будет оставаться служанкой в этом доме, поскольку в нем обитает дух или призрак, и она сообщила ей причину своих сведений.

Хозяйка сообщила об этом мужу, прося его держаться подальше от этого дома, чтобы не напугать ее опасениями; но он, по природному мужеству и стойкости духа, улыбнулся этому и решил остаться, поселившись там в ту же ночь. -Завтра, в день субботний, они оба пошли в церковь; но после обеда он, будучи нездоров, улегся спать; жена взяла Библию и, сев во главе стола у кровати, решила провести время в чтении Священного Писания, назначив служанке пойти в церковь, что она и сделала, но больше к семье не приходила. -Когда хозяйка читала про себя, она случайно бросила взгляд на дверь маленькой каморки, расположенной прямо против нее, и увидела там голову и лицо старика, седого, с седой бородой, который смотрел прямо на нее, причем расстояние было совсем небольшим; При виде этого она попыталась разбудить мужа, но упала в обморок и потеряла сознание, и лежала в таком положении, пока не услышала, как некоторые из соседей открыли двери после окончания проповеди; тогда она рассказала мужу, что было сделано, и что она видела, но явление исчезло; он сказал, что это была какая-то фантазия или заблуждение ее чувств, и посоветовал ей быть мужественной. -После ужина, когда оба остались одни, страх доброй жены не утихал, она развела большой костер и легла спать. Через некоторое время добрый человек бросил взгляд на дымоход и увидел на прежнем месте голову того самого старика. Он рассказал об этом своей жене, которая была готова впасть в прежнюю страсть. Он встал, зажег свечу, поставил ее на стол и снова лег в свою постель, ободряя себя в Господе и рекомендуя себя Божьей заботе и защите. Через час с лишним, проведенный таким образом, они ясно увидели маленького ребенка в плаще, висящего рядом с головой старика. При этом виде добрый человек, Том, слетел с кровати, а за ним и его жена. Взяв ее на руки, он опустился на колени перед кроватью, и с горячей преданностью они молили Господа избавить их от этого искушения. Он зажег вторую свечу, так как первая была погашена, и постучал к соседям; но, не получив ответа, они оба вернулись к своей кровати, где встали на

колени и помолились; их охватил сильный страх и пот. - По и по голая рука появилась в воздухе, от локтя вниз, и рука вытянута, как когда один человек собирается приветствовать другого. Тогда он вскочил с кровати и, стоя на коленях, стал молить небо о помощи. Рука приблизилась к нему на расстояние вытянутой руки, как бы для того, чтобы пожать ему руку. Тогда он тут же снова лег в постель, и при открытии занавеса она снова произнесла приветствие. Муж и жена от страха обнялись и, не сводя глаз с обнаженной руки, стали молиться еще усерднее. Но когда куб предложил прикоснуться к нему, он был в таком оцепенении и изумлении, что как бы растерялся; однако, взяв от Бога немного мужества, он смело обратился к нему следующим образом: "Во имя Бога живого и Спасителя нашего Иисуса Христа, скажи мне, почему ты беспокоишь мою семью? Насколько мне известно, я никогда не причинял зла ни одному человеку, убивая или обманывая его, но честно жил в этом мире. Если ты получил какую-то обиду, если я могу тебя исправить, я сделаю для тебя все возможное; но больше не беспокой меня". Несмотря на это, рука и кисть подошли ближе, чем прежде, все так же учтиво, с предложением познакомиться. Они снова погрузились в молитву, оба обливаясь потом, и в это время увидели, как из этой маленькой комнатки вышла маленькая собачка, которая, немного осмотревшись в сторону кровати и обнаженной руки, устроилась на стуле, как бы уткнувшись носом в хвост, чтобы поспать. Это несколько усилило их страх. Но вскоре из той же комнаты выскочила кошка и, оказавшись посреди зала, принялась разыгрывать какие-то маленькие представления. Затем зал наполнился маленькими существами, которые мило танцевали; никто из них не мог дать им название, так как никогда в природе не видел подобных.

Невозможно описать, в каком состоянии страсти и страха находились эти двое, когда все привидения разом предстали их взору, и это продолжалось долгое время. Честная чета снова опустилась на колени перед кроватью; на полу комнаты не было ни одного стоячего места. Во время молитвы до их слуха донесся глубокий, страшный и громкий стон, как у умирающего сильного человека; при этом все явления и видения сразу исчезли, и, как думали честные супруги, они удалились в маленькую комнату, откуда пришли, и в доме стало тихо. После этого они оба пошли рука об руку в маленькую комнату, где стоял напиток, и освежились им. После того как они выпили по второй порции, муж сказал: "Дорогая моя, Бог дал мне в эту ночь вынести то, что напугало бы до смерти самого крепкого из них". Наступил день, они оделись и не скрывали этого. Но, оглядываясь на случившееся, они удивлялись, что никто из них не догадался открыть дверь и выбежать из дома, что было проще, чем зажечь первую свечу. Но они должны были пройти через это испытание, не имея сил избежать его. И таким образом добрый человек набрался смелости и оставался в доме до самой смерти; при этом он никогда не хотел, чтобы с ним оставались добрые люди или другие, считая, что худшее уже позади, как оно и было на самом деле. - Через несколько недель после этого он в один из субботних дней отправился с женой в Корсторфин, деревню в двух милях от Эдинбурга, чтобы послушать проповедь. Вечером он подкрепился в трактире; и, подойдя к двери, чтобы облегчить душу, он был мгновенно поражен сильным дрожью и трепетом во всех суставах. Когда он шел из конца вышеупомянутой деревни, намереваясь вернуться домой, над ним пролетело несколько ворон, которые почти не отставали от него, пока он не дошел до Портсбурга, части пригорода города, где они оставили его и вернулись к себе домой. "Эти вороны, мой дорогой (говорит он), предсказывают, что я скоро умру". Он заболел от боли в голове и чрезмерного аканья. Но прежде чем я продолжу это повествование, я должен сделать визит в страну. Джентльмен около Транента, или в нем, городка примерно в семи милях от Эдинбурга, чьим агентом был этот человек, ведя свои юридические дела и храня свои бумаги для этого, проявил необычайную доброту к Томасу, как и он к нему. Однажды утром, когда этот джентльмен лежал в постели, а рядом с ним находились его жена, кормилица и ребенок, лежавший на койке, кормилицу испугало нечто

похожее на облако, двигавшееся вверх и вниз по комнате, но не имевшее такой формы. Она позвала своего хозяина и его жену и разбудила их. Он увидел, что облако имеет форму человека, проворно перепрыгнул через кровать и достал свой меч, а когда снова лег в постель, положил его рядом с собой и рекомендовал семью Богу. Некоторое время облако продолжало оставаться в вышеупомянутом темном виде, но вскоре все увидели тело человека, который ходил взад и вперед. Джентльмен вел себя скорее как христианин, чем как воин. Наконец, это явление посмотрело ему в лицо и встало рядом с ним с призрачным и бледным лицом; тогда джентльмен с большим мужеством сказал призраку: "Кто ты? Ты мой дорогой друг Томас Колтеарт?" (Так звали агента). "Ты мертв, друг мой? Скажи мне, если у тебя есть ко мне какое-нибудь поручение от Всемогущего Бога, скажи мне, и оно будет выполнено". Призрак трижды поднял руку, помахал ею и потряс в его сторону, и тут же исчез. Это произошло примерно в тот же час (как и предполагалось), когда агент умер.

В воскресенье после его смерти среди многих, сопровождавших его труп к месту общего захоронения, были и некоторые городские священники, и случайно один из друзей поблагодарил одного из них за присутствие и сказал: "Сэр, жаль, что некоторые из вас не видели его перед смертью". Священник спросил его: "Не было ли причиной его болезни какой-нибудь примечательной вещи?" Было рассказано так много, что это дало священнику основание нанести визит его вдове, которая приняла его со слезами на глазах. После того как она успокоилась, он помолился. После молитвы она приступила к предыдущей истории и рассказала ее с самого начала. Когда же она перешла к рассказу о собаке и сказала, что только что сидела на стуле, где спала собака, священник встал и, взяв хозяйку за руку, сказал: "Пойдемте, я видел его стул; во имя Всемогущего Бога, я посмотрю и его комнату", - и вошел в маленькую комнату, из которой явилось явление и в которую они вернулись; в этой комнате она рассказала священнику о том, что последовало за собакой. Тем временем вошел джентльмен, которого она узнала по голосу, и, подбежав к нему с большим пылом, они со слезами на глазах обняли друг друга. В довершение всего этот незнакомец оказался тем самым джентльменом, которому призрак покойного мужа явился в окрестностях Транента в тот самый час, когда он умирал в Эдинбурге. Он также рассказал, что в то утро, когда призрак явился ему, он был намерен сопровождать герцога Лодердейла из Лайтингтауна в Эдинбург; но это явление расстроило его жену, и он не смог. Но по первому удобству (сказал он ей) он зашел к ней, чтобы повидаться и получить отчет о том, как он был тронут тем, что видел в своем доме.

Эти сведения дошли до ушей герцога Лодердейла, как удивительные истории, и он призвал к себе этого министра, и тот поведал ему те же подробности перед многими дворянами.

XXXIX.- Явление умершей жены своему мужу в Эдинбурге.

Сэр, то, о чем я рассказывал вам на днях, я теперь отправил под своей рукой, как вещь совершенно определенную и достоверную. Я знал служанку, которая прислуживала одной джентльменше в старом Провостс-Клоуз, как они его называют, которая была замужем за мясником по имени Джон Ричи, около двенадцати лет назад. Она прожила с ним около пяти лет, родила ему четверых детей, а потом умерла. Через несколько дней после ее погребения он отправился на поиски молодой женщины, чтобы жениться на ней. У него был товарищ того же ремесла, которому он открыл свое намерение и попросил его встретиться с ним в таком-то доме, недалеко от караульного двора, в таком-то месте, чтобы он мог увидеть свою

новую хозяйку. Назначенное время было соблюдено. Влюбленные сели вместе на кровать, а товарищ сел напротив них, между ними был стол, а во главе комнаты - окно или проем, через который был виден свет; рядом был узкий проход, через который они могли видеть. И пока они вдвоем валялись на кровати, а другой улыбался им; вот, когда этот человек окидывал взглядом комнату, он отчетливо увидел тело и лицо мертвой жены в одежде, смотревшие на них из противоположного окна; тогда этот человек, его товарищ, испуганно поднялся и сказал другому: "Джон, что это?". Тогда все подняли головы и увидели, что погребенная женщина поднимает руки, чтобы снять с головы мертвое платье, но не может до него дотянуться. Мужчина выпустил женщину из рук, намереваясь поскорее уйти; но его товарищ поклялся, что не успокоится, пока не получит что-нибудь, что утешит его сердце; они выпили немного бренди и ушли, не без удивления и страха. После этого он проболел три или четыре дня; и его товарищ, придя навестить его, советовал ему повременить или совсем отказаться от этой цели жениться; но привязанность не позволила ему медлить, и, хотя он еще не совсем оправился от своего безумия, он сделал новое обращение к своей хозяйке; но, пока он надевал туфли, его умершая жена снова появилась в своей обычной привычке; и, пересекая комнату в его поле зрения, сказала: "Джон, не придешь ли ты ко мне?" и с этим исчезла. После этого он снова заболел, позвал своего товарища и рассказал ему о втором явлении, который очень убедительно просил его прекратить болезнь или хотя бы повременить. Болезнь усилилась, и он умер. Примерно в это же время он рассказал о третьем посещении, которое нанесла ему жена, обвиняя его в том, что он слишком быстро забыл ее, но не рассказал об этом внятно, и поэтому его товарищ не мог быть в этом уверен. Его похоронили через месяц после смерти жены. Один из эдинбургских священников, который был знаком с домом, где она служила, услышав какой-то шепот о явлении, тайно послал слугу позвать товарища этого человека, который честно и правдиво рассказал ему все, что я написал; добавив, что, увидев сначала видение, некоторые сказали ему, что он быстро умрет, но он все еще живет в городе, плотской человек; священник женил его на двух женах с тех пор. Покойную жену звали Хелен Браун. Я намеревался опубликовать еще одну историю о том, как дьявол приходит ночью и трижды стучится в дверь такого человека, но меня попросили воздержаться.

Не испытывая симпатии к картезианской философии, я вынужден обрушиться на нее в конце, как и в начале. Я не буду называть и приводить автора, который придерживается следующих богохульных мнений, хотя и могу: во-первых, что существует бесконечная умопостигаемая протяженность, которая есть Бог, в котором мы видим все тела. Во-вторых, этот автор превращает Христа в вечный Мир, выступая в качестве философа-картезианца. В-третьих, он полностью уничтожает Божье провидение. В-четвертых, он говорит, что Бог не создал все вещи для своей славы. В-пятых, что было необходимо, чтобы все люди были грешниками, чтобы было разнообразие славы. В-шестых, дела, совершенные без благодати, являются добрыми делами. В-седьмых, Бог не является автором всех добрых дел, которые есть в нас. В-восьмых, он разрушает авторитет Писания и выставляет его презренным для профанов. В-девятых, мысли Иисуса Христа являются случайными причинами распространения благодати. В-десятых, Бог мог создать духов от вечности. 11-е: Все творения полны Иисуса Христа. 12-е, Он разрушает природу греха идеей, которую дает о свободе. 13-е, Эта свобода не является существенной для духа. В-четвертых, человек, перенесенный своей страстью, не грешит. В-пятнадцатых, любая привычка, или страсть, или темперамент, которые он не может преодолеть, заставляют самые отвратительные и огромные поступки не быть грехами. Так, содомия, кровосмешение, убийство, прелюбодеяние, бунт, колдовство не являются грехами, если они привычны. Это лишь некоторые из его богохульных и атеистических мнений. Такая философия очень понравилась бы некоторым, кто в наши дни привык убивать; убивать одних в своих жилищах, а других на

королевской дороге, как это делают некоторые нехристиане. "О слабоумие! hucine rerum venimus?"

НЕКОТОРЫЕ

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ,

КОТОРЫЕ ПРОИЗОШЛИ В

ГРАФСТВЕ РЕНФРУ, ГОРОДАХ ПИТТЕНВИМЕ,
КАЛДЕР И ДРУГИХ МЕСТАХ.

XL.- О некоторых ведьмах в графстве Ренфру.

Примерно в конце августа 1696 года Кристиана Шоу, дочь Шоу из Баргаррана, что в графстве Ренфру, примерно одиннадцати лет от роду, увидела, как одна из служанок дома, по имени Кэтрин Кэмпбелл, украла и выпила немного молока; она рассказала об этом своей матери: Тогда служанка Кэмпбелл (будучи гордой и мстительной, а также большой любительницей ругаться и сквернословить) в сильном гневе трижды прокляла ребенка Богом и произнесла такие слова: "Дьявол пронзит твою душу в аду". В следующую пятницу некая Агнес Нэсмит пришла в дом Баргаррана, где спросила того же Кристиана, как поживает леди и маленький ребенок и сколько лет маленькому ребенку? На что Кристиан ответил: "Откуда мне знать?". Тогда Агнес спросила, как поживает она сама и сколько ей лет? На что она ответила, что здорова и находится на одиннадцатом году своего возраста.- В субботу вечером ребенок лег спать в добром здравии, но как только уснул, начал кричать: "Помогите, помогите!" и перелетел через кровать, на которой она лежала, с такой силой, что у нее вытекли бы мозги, если бы женщина не сломала силу движения ребенка, и оставался как мертвый в течение получаса. После этого ее стали мучить боли, за исключением некоторых коротких промежутков времени. И когда кто-нибудь из присутствующих прикасался к любой части ее тела, она плакала и кричала с такой силой, как будто ее убивали, но не могла говорить. Через несколько дней после этого она разразилась криком, что Кэтрин Кэмпбелл и Агнес Нэсмит режут ей бок и другие части тела. В таком состоянии она пробыла месяц, с некоторыми изменениями, как по приступам, так и по промежуткам.- Она выталкивала изо рта пакеты волос, некоторые завитые, некоторые плетеные, некоторые связанные, разных цветов и в большом количестве; а также угольные гарьки, размером с орех; некоторые из них были такими горячими, что их едва можно было держать в руках. Один из них доктор Брисбен, находившийся рядом с ней, когда она вынимала его изо рта, почувствовал, что он горячее, чем могло бы сделать тело любого человека.- Девушка долгое время пребывала в таком состоянии, пока правительство не обратило на это внимание и не поручило некоему почтенному джентльмену суд над этими двумя и еще несколькими людьми, причастными к

этим адским практикам; (о которых я, для краткости, опущу упоминание), и когда они предстали перед судьями, двое из их сообщников признались в преступлении; после чего они были осуждены и казнены.

XLI.- О ведьмах из Питтенвима.

Питер Мортон, кузнец из Питтенвима, по просьбе некой Битти Лаинг сделал для нее кое-какую работу, от которой он отказался, оправдываясь тем, что ему было поручено в течение определенного времени обслуживать корабль с гвоздями, так что, пока он не закончит эту работу, он не сможет заняться никакой другой; несмотря на это, упомянутая Битти Лаинг заявила, что недовольна, и поклялась отомстить. После этого Питер Мортон, будучи нездоров, войдя в дверь, увидел небольшой сосуд, полный воды, и уголек, опущенный в воду; заметив изменение в своем здоровье и вспомнив угрозы Битти Лаинг, он заподозрил в этом дьявольщину и поссорился с ней. После этого, обнаружив, что его недомогание становится все хуже и хуже, что его мучают и колют, как будто булавками и булавками, он открыто возлагает вину на колдовство и обвиняет Битти Лаинга. Его продолжали мучить, и она была задержана по ордеру вместе с другими в Питтенвиме. Никакие естественные причины не могли объяснить его расстройство: лицо и шея были страшно искажены, спина непомерно вздымалась и опускалась, живот вздымался и опускался внезапно; суставы были податливы, но тут же становились такими жесткими, что никакая человеческая сила не могла их разогнуть. Битти Лаинг и ее адские спутницы, взятые под стражу, были приведены в комнату, где он находился; закрыв лицо, он рассказал, что в комнате находятся его мучители, назвав их имена. И хотя ранее признание не было сделано, Битти Лаинг призналась в своем преступлении и обвинила нескольких других в соучастии - упомянутая Битти призналась в своем договоре с дьяволом и использовании заклинаний, в частности, в том, что она засовывала уголь в воду; она назвала своих сообщников в отместку Питеру Мортону, а именно: Джанет Корсет, Лилли Уоллес и Лоусон, сделали картину из воска, и каждый из названных лиц вставил свою булавку в картину для пытки. Они не могли сказать, что стало с изображением, но думали, что его украл дьявол, которого они видели в тюрьме. - Битти Лаинг также сказала, что некая Изобель Адамс, молодая девушка, также была в сговоре с дьяволом. Этой женщине было предложено заплатить с Битти, от чего она отказалась, и Битти позволил ей увидеть человека на другом конце стола, который представился джентльменом и пообещал ей все благополучие в мире: она пообещала служить ему; и он совершил с ней нечистоту, (чего, по ее словам, никто не делал раньше) и поставил свой знак на ее плоти, что было очень больно. Вскоре после этого ей было приказано отправиться с компанией в дом некоего М'Григора, чтобы убить его. Он проснулся, когда они были там, и, порекомендовав себя Богу, заставил их удалиться. Изобель Адамс оказалась бесхитростной и очень раскаялась в своем признании; она сказала, что тот, кто простил колдовство Манассии, может простить и ее; и умерла очень раскаянно, к удовлетворению многих.

Эта Битти Лаинг была заподозрена своим мужем задолго до того, как ее посадили в тюрьму по ордеру магистрата. Дело было так: она сказала, что из Лейта к ней приехали пачки шерсти, которые она должна была продать на ярмарке в Аухтермучти, а они долго добирались до рынка, и он сказал: "Это не успеет к ярмарке". Она попросила его пойти на рынок, так как была уверена, что ее купец не подведет ее. Он отправился задолго до нее, а когда пришел в город, то нашел ее перед собой с двумя охапками очень хорошей шерсти, которые она тут же продала; вернувшись домой на черном коне, который был у нее с собой,

они пили до глубокой ночи, пока не вернулись домой, и мужчина сказал: "Что мне делать с конем?" Она ответила: "Накинь узду на его шею, и ты избавишься от него". И, как и думал ее муж, лошадь с шумом взлетела на воздух... Они были, по жалобе в Тайный совет, привлечены к суду адвокатом Ее Величества в 1704 году, но все отпущены на свободу, кроме одного, который умер в тюрьме, в Питтенвине. Беати Лаинг умерла, не желая того, в своей постели, в Сент-Эндрюс; все остальные умерли несчастными и насильственными смертями.

XLII.- О заколдовывании ребенка в Ирландии.

В Антриме, в Ирландии, девушка девятнадцати лет, не уступавшая никому в округе ни красотой, ни образованием, ни родовитостью, невинно съела лист щавеля, который получила от ведьмы, после того как та дала просящей ведьме хлеб и пиво у дверей: едва она его проглотила, как ее начали мучить кишки, она вся дрожала и даже билась в конвульсиях, а в конце концов упала в обморок, как мертвая. Врачи использовали средства 9 мая 1698 года, когда это произошло, но безрезультатно. Ребенок продолжал находиться в самом ужасном пароксизме: Тогда они послали за священником, который едва успел положить на нее руку, как демон превратил ее в самые ужасные формы. Сначала она стала вертеться на месте, затем ее стало рвать конским навозом, иголками, булавками, волосами, перьями, нитками, кусочками стекла, оконными гвоздями, гвоздями, выдернутыми из колеса телеги или кареты, железным ножом длиной больше пролета, яйцами и рыбьими скорлупами. И когда негодяй (я бы сказал, ведьма) приближался к этому месту или смотрел на дом, хотя и находился на расстоянии 200 шагов от дома, где был ребенок, она испытывала еще более сильные мучения, так что для ребенка не было никакой жизни, пока ведьма не была удалена на большее расстояние... Эта ведьма была задержана, осуждена, задушена и сожжена; ее попросили отменить заклинание непосредственно перед удушением, но она сказала, что не может, потому что другие поступали с ней так же: Но негодяй признался в том же самом, а также во многом другом. Примерно в середине сентября после этого ребенка отнесли в дом одного джентльмена, где произошло много других событий, не заслуживающих доверия, но несколько священников и джентльмен подтвердили то же самое. Об этом можно узнать из памфлета, напечатанного в 1699 году и озаглавленного "Околдование ребенка в Ирландии".

XLIII.- О ведьме из Колдера.

Нельзя обойти вниманием и знаменитую ведьму из Колдера. Эту ужасную рабыню Сатаны сначала заподозрили ее соседи, а затем ее ужасные колдовские проделки были обнаружены, в чем убедились многие, и ужасно пережили семью милорда Торфихена. У нее умер ребенок, которого она отдала дьяволу, не только душу, но и труп, не похоронив. Она наложила заклятие на сына вышеупомянутого почтенного лорда, так что он стал ужасом и горем всей семьи. Этот ребенок находился в одной комнате со своими сестрами; он сказал им, что знает, что делают другие, которых нет дома; дочери рассказали своей госпоже-матери. Я не берусь рассказывать обо всем, что мне удалось узнать от очевидцев и очевидцев со слуха, но этого я не могу пропустить. Сына мучили чрезвычайно, и в конце концов его воспитатель, сидя с ним однажды ночью, и будучи сонным, увидел в окне вспышку огня; но, думая, что ребенок спит, продолжал наблюдать более внимательно; и, как

он думал, через некоторое время в окне появился тот же огонь; ребенок проснулся в постели и сказал ему, что в это время он был в Торриберне. Этого ребенка несколько раз забирали. Он говорил семье, когда его должны были забрать в другое время; а иногда, хотя они и ждали его, казалось, что его поднимают в воздух, чтобы забрать у них. Когда эту ведьму взяли под стражу, она обнаружила и других, которые все умерли.

Ее осматривал приходской священник и еще несколько человек, но она была грубо невежественна и почти ничего не знала, кроме своего колдовства. Однажды, когда ждали этого ребенка, когда его должны были увести, дверь и окно держали закрытыми; но некий человек, идущий к двери, сдвинулся с места, добрался до двери и был поднят в воздух, но пойман за пятки и портки, и возвращен обратно. - С этим ребенком произошло много ужасных вещей, о которых я не буду упоминать, потому что у него почтенная семья, и что уже слишком поздно, и у всех на уме. - Когда ведьму допрашивали о труп ее ребенка, она сказала, что труп был похоронен; но мастер, который делал гроб, заявил, что она не положила в гроб ничего, кроме клобуков. Затем она сказала: "Ребенок был долго изможден, и вся плоть, лишенная болезнью, оказалась всего лишь клозетами; однако в конце концов она призналась, что отдала труп и душу дьяволу, который, по его словам, должен был сделать из них жаркое. Она со всеми своими адскими сообщниками умерла в заключении, после того как они признались во многих удивительных заклинаниях и ужасных неслыханных колдовствах.

ФИНИС.

Примечания транскриптора

- ТОС № 17 Заменено Хатараик, на старом Варлоке на: Хатараик
- стр. 3 Удалена ненужная цитата перед: Это был поступок "глупой девчонки".
- стр. 5 Добавлен апостроф в: clay one in her brothers: brother's
- стр. 8 Заменено "подписано двумя нотариусами" на "нотариус".
- стр. 9 Заменены белые наручники и кабатчики на: кабатчики
- pg 10 Изменено новое имя, данное Джонсу, на: Джонас
- стр. 10 Заменено Бесси Вейр в его постельной соломе на: постельная солома.
- стр. 12 Добавлена цитата после: Как она забралась на койку?
- стр. 14 Заменено "мыть их, но видеть" на "видеть".
- стр. 28 Изменен заголовок главы с VII на VIII.
- стр. 30 Добавлена цитата после: Я ответил: Что, мой майор?
- стр. 30 Добавлена цитата после: "Капитан, капитан",
- pg 31 Заменено "его вина и признание" на "признание".
- pg 32 Заменено с gentleman на: джентльмен
- стр. 35 Добавлено двоеточие после: изобретательность в нем была такая
- стр. 37 Добавлена цитата после: предпочитая умереть, чем жить; и так и умер.
- стр. 42 Заменен кегль, который был закреплен, на: закреплен
- стр. 43 Добавлена точка после: перед тем, как он упал

- стр. 61 Перемещена цитата из: "Not thine, answered the other," на: "Не твой", - ответил другой,
- стр. 61 Добавлена цитата перед: но в послушании Богу
- стр. 62 Добавлена точка после: обдумывая, что делать
- стр. 68 Добавлено пропущенное e после: amiss to insert it her now: here
- стр. 69 Заменено на: его
- стр. 70 Добавлена точка после: Я не сделаю тебе ничего плохого
- стр. 71 Добавлена цитата после: Я встречу с тобой в другой раз.
- стр. 74 Изменен заголовок главы XVI. на: XV.
- стр. 83 Заменен заголовок XVII.-Anent Hataraiick на: Хаттараик
- стр. 87 Добавлена точка после слова "доктор": Доктор Бретон, покойный ректор Ладгейта
- стр. 87 Добавлена кавычка перед: Что у нее были дела
- стр. 90 Заменены слова одежда, рост, mein на: mien
- pg 90 Заменено journey-man в таких случаях используется на: используется
- pg 90 Заменяет hung in the shop, put in on на: put it on
- стр. 93 Заменен bid them to he down на: be down
- pg 94 Заменено he had no knowlege на: знание
- pg 98 Changed at the minister's back-yait to: back-yard
- стр. 99 Заменено на: бросили на подставку для кровати парня на: подставка для кровати
- стр. 100 Добавлена точка после: неприятности в семье
- стр. 104 Изменен заголовок главы с XXV. на: XXII.
- стр. 107 Заменено "на подобие юноши" на "юноша".
- pg 108 Заменено "которые она заставила его потратить" на "которые она заставила его потратить".
- pg 109 Заменено "взяла с ним, который заговорил" на "объявила".
- pg 110 Изменен заголовок главы с XXV. на: XXVI.
- стр. 110 Убрана цитата после: и он вырастет мейклом.
- pg 110 Заменено французские джентльмены, два его товарища на: товарищи
- стр. 111 Заменено на следующее утро два товарища на: товарищи
- стр. 124 Заменено "поступить с ними так же" на "так же".
- стр. 124 Добавлена точка после XXIX
- стр. 129 Добавлена цитата после: Я ничего не знаю об обратном.
- стр. 134 Заменено "Магдален Пэнс, где умерла Ш." на "она умерла"
- стр. 135 Заменен XXX. на: XXXIII.
- стр. 135 Добавлена цитата перед: Я спросил ее, как она дошла до такого знания.
- pg 136 Добавлена цитата после: в Глазго этого имени?
- стр. 140 Добавлено) после: когда он говорил об этом
- стр. 141 Добавлено XXXV. в заголовок главы
- стр. 143 Заменено "Один приходит в подобии" на "подобие".
- стр. 145 Добавлена точка после: Все совершилось, что мы приготовили

- стр. 147 Добавлена точка после: но пошел, чтобы уклониться от него
- стр. 148 Добавлена точка после: улица так называемая там
- pg 148 Удалена повторяющаяся буква а из: a a street so called there
- pg 149 Заменено devil your master too," who d на: did
- pg 150 Добавлена точка после: "Не мучь меня до времени".
- стр. 152 Заменено "ее тело с яростной кахинацией" на "кахинация".
- стр. 155 Заменено "Я прошу, на лбу?" на "на лбу".
- pg 157 Заменено "Нецензурные проступки должны иметь плащ" на "плащ".
- стр. 157 Добавлена точка после: только о том грехе, который упомянут, римлянин
- стр. 163 Заменена причина его болезни на: болезнь
- стр. 167 Добавлена цитата после: "О слабоумие! hucine rerum venimus?
- стр. 168 Заменено "О некоторых ведьмах в шире Ренфрер" на: Renfrew